

Международная академия наук
Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры
образования Кавказа
Кубанское отделение «Русского исторического общества»
Армавирский государственный педагогический университет
Кафедра всеобщей и региональной истории

ЛИКИ РОССИЙСКОСТИ

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
СЕМИНАРОВ
КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В.Б.ВИНОГРАДОВА.
2009-2010 гг.**

(Семинары №№ 14 и 15)

Армавир-2010

УДК 9 (С16)
ББК 63.3 (2Р37)
Д-49

Печатается по решению
кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ

Главный редактор серии

Виноградов В.Б., доктор исторических наук, профессор

Ответственный редактор выпуска

Дударев С.Л., доктор исторических наук, профессор

Составитель

доктор исторических наук, профессор А.Л. Пелих.

Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009-2010 гг. (семинары №№ 14 и 15). – Армавир, 2010. - 149 с.

Сборник подготовлен на основе материалов очередных семинаров Кавказоведческой научно-педагогической Школы проф. В.Б. Виноградова. Они посвящены соответственно промежуточным итогам выполнения темы «История Северо-Восточного Причерноморья и всего Северокавказского региона в контексте "российскости" как парадигмы историко-культурного единства" и обсуждению монографии С.С. Лазаряна «Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. (Пятигорск, 2009). В семинарах принял участие актив Кавказоведческой Школы.

Сборник адресован историкам, краеведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей многонационального Северного Кавказа.

Исследование проведено при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию в рамках мероприятия 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы на 20090-2010 годы».

На 1 странице обложки: Черкесская пляска. 1809. Гравюра Е.О. Скотникова по рисунку Е. Корнеева. Офорт, раскраска акварелью Корнеева.

На 4 странице обложки: В горах Северной Осетии. Башни в сел. Лисри. Фото А.Б. Белинского.

ISBN 978-5-904241-21-6

Предисловие

8 декабря 2009 г. и 9 января 2010 г. состоялись очередные заседания научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова (№№ 14 и 15).

Первый из них был посвящен подведению промежуточных итогов выполнения научной темы «История Северо-Восточного Причерноморья и всего Северокавказского региона в контексте "российскости" как парадигмы историко-культурного единства" за 2005-2009 гг. В работе семинара приняли участие 1-й проректор Армавирского государственного педагогического университета, д.и.н., профессор А.А. Панарин, а также проректор по научной и инновационной работе АГПУ, д.п.н., профессор С.В. Недбаева, аспиранты и студенты исторического факультета. Семинар состоял из двух частей - теоретической и научно-информационной. В первой части прозвучали доклады ведущих ученых Кавказоведческой Школы, д.и.н., проф. В.Б. Виноградова, д.и.н., проф. Н.Н. Великой, С.А. Головановой, д.и.н., проф. С.Л. Дударева, осветивших некоторые актуальные вопросы изучения истории Северного Кавказа XVIII-начала XXI вв. Во второй части с информацией выступили д.и.н., проф. А.Л. Пелих, к.и.н., доц. С.Н. Ктиторов, к.и.н., доц. Ю.В. Приймак, к.и.н., доц. А.А. Цыбулькинова, к.и.н., ст.преп. Л.Н. Хлудова, представившие деятельность Кавказоведческой Школы по следующим направлениям: работа по грантам, публикационная работа, проведение в научных и научно-практических конференций и участие в них, роль коллектива Школы в развертывании учебного музея АГПУ, результаты работы по подготовке докторских диссертаций. Аспирант М. Оспищева, сотрудница А. Казачкова, студентка Ю. Чарыкова охарактеризовали вклад младшего звена Кавказоведческой Школы в ее активное функционирование. Информации сопровождалась электронными презентациями.

Второй семинар происходил 9 января 2010 г. На повестке дня стояло обсуждение монографии к.и.н., доцента Пятигорского лингвистического

университета С.С. Лазаряна «Воронцовский Кавказ. Исторические очерки» (Пятигорск, 2009), в которой затрагивается ряд аспектов разнообразной и плодотворной деятельности одного из наиболее видных Кавказских наместников – М.С. Воронцова. Актуальность такой работы и самого ее обсуждения наиболее очевидны сегодня, когда руководством страны принято решение о создании Северокавказского федерального округа с центром в г. Пятигорске. На семинаре выступили д.и.н., проф. В.Б. Виноградов, д.и.н., проф. Н.Н. Великая, д.и.н., проф. С.А. Голованова, д.и.н., проф. С.Л. Дударев, д.и.н., проф. Ю.Ю. Клычников (Пятигорский лингвистический университет), д.и.н., проф. Б.В. Виноградов (Славянский государственный пединститут), к.и.н., доцент С.Н. Ктиторов и др.

Бюро «Кавказоведческой Школы» приняло решение опубликовать материалы обоих семинаров, ввиду важности затрагиваемых вопросов и проблем. В сборник включена также статья аспирантки Т.Г. Письменной, отвечающая тематике семинара № 14. Материалы представлены ниже в соответствии с очередностью проведения. В Приложении помещена статья Н.Н. Великой, С.Л. Дударева, А.Л. Пелиха «Российскость» и евразийство в истории Северного Кавказа (к формулировке основ концепции)».

Желающие прислать свои мнения по поводу прозвучавших докладов и информации, могут обращаться по адресу: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люкесбург, 159, кафедра всеобщей и региональной истории, зав. кафедрой, д.и.н., проф. С.Л. Дудареву.

Доклады

Н.Н. Великая

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ РЕАЛИИ 30-Х ГГ. XIX В. В ВОСПОМИНАНИЯХ Ф.Ф. ТОРНАУ

События первой половины XIX в. по-прежнему привлекают внимание исследователей. При этом одни историки вернулись к дореволюционному термину «Кавказская война» и сделали упор на изучение военного противостояния России и северокавказцев [1], другие увлеклись «колонизаторским» негативом российского присутствия на Северном Кавказе [2], не обращая внимания на другие стороны взаимодействия.

В этой связи особую ценность представляют свидетельства очевидцев и участников событий, чьи воспоминания как голос минувшей эпохи, позволяют лучше понять то, что происходило на Северном Кавказе. Большой интерес исследователей и широкой общественности уже в дореволюционный период вызвали записки кавказского офицера Ф.Ф. Торнау, которые отличала не только точность изложения, но и явный литературный талант автора. В последние годы они неоднократно переиздавались (2000 г., 2002 г.). Мы воспользуемся изданием 2008 г. [3. Далее в тексте сноски на страницы этой работы даны в круглых скобках], чтобы обратить внимание на явные признаки интеграции региона в состав России.

Важное место в воспоминаниях Ф.Ф. Торнау отведено описанию военных действий на Северо-Восточном Кавказе, в которых ему как офицеру довелось участвовать. По мнению автора, в начале 30-х гг. XIX в. обстановка на левом фланге Линии была крайне беспокойной, виной чему были горские набеги, которые делались или с целью воровства, или ради

мщения (с.155). «По левую сторону Терека ни многолюдные станицы, ни далекая, пустая степь не были безопасны от разбоя. По ночам, бывало, на станичных улицах убивали казаков, уводили со двора лошадей и скотину, а не раз случалось, партии их (в данном случае чеченцев – Н.В.) степью проходили к устью Волги. Два года мы оставались в оборонительном положении, изредка отыскивая неприятеля в его воинственных пределах для отплаты за слишком уже дерзкое нарушение безопасности на Линии» (с.101-102).

На правом фланге наблюдалось то же самое. Когда черкесам удавалось прорываться на линию (и в астраханскую степь), они «жгли русские дома, угоняли скот и лошадей, убивали каждого встречного, захватывали детей и женщин» (с.274-275). Грабили набежчики и единовверных ногайцев, проживавших между Егорлыком и Кумой (с.276-277). По мнению Ф.Ф. Торнау, главными поводами для черкесских набегов были удальство и страсть к похождениям. Гораздо меньше было причин, вызванных недовольством русскими (с.276). Он приводит примеры несправедливостей, пристрастного суда, которые превращали некогда лояльных к России деятелей во врагов. Так, абреками стали имам Кази, князя Карамурзины, которые, лишившись своего состояния, стали существовать грабежом, совершая набеги за Ставрополь (к селению Донскому), к Невинномысской станице и др. (с. 278-280, 299).

В сохранении такого положения (постоянных военных действий и напряженности) не была заинтересована ни Россия, ни широкие слои горцев. Автор постоянно обращает внимание на неизменное нахождение в составе действующих подразделений российской армии отрядов милиции из многих народов Северного Кавказа и Закавказья – осетин (с.27,33,101), грузин (с.74, 100, 103, 115, 129, 134), татар (азербайджанцев) (с.76, 103,115, 135), армян (с.76), кабардинцев (с.103), курдов (с.76), йезидов (с.76), тушин (с.74-75) и др. А ногайские аулы на левом берегу Кубани содержали

караулы и помогали казакам отражать набеги неприятеля, добросовестно выполняя свои обязанности (с.276-277).

Ополченцы из числа местных народов, не только участвовали в военных действиях, но и выполняли функции проводников и переводчиков (с.82,87, 96). Во время одного из горных переходов Ф.Ф. Торнау был спасен осетинским старшиной Магомедом-Кази, с которым подружился и четверть века хранил подаренную последним черкесскую шубу (с.84). Таким образом, Кавказский корпус был таковым не только по названию. Здесь взаимодействовали, лучше узнавали и спасали друг друга представители разных кавказских народов. Это подтверждается воспоминаниями и других кавказских офицеров, понимавших необходимость и результативность совместных действий. По словам Н. Августиновича, «сражаясь в рядах с новыми друзьями, (русские войска – Н.В.) отстаивали их табуны, семьи и жилища» [4].

Владикавказ накануне нашествия Кази-Муллы в описаниях Ф.Ф. Торнау предстает скорее городом, а не крепостью («бруствер исподволь осыпался в ров, платформы под орудиями оседали и дружно гнили вместе с лафетами; гарнизона оставалось не более одного линейного батальона и сотни донских казаков, да и из них половина людей находилась в командировке» - с.29). Зато в двух форштадтах было «множество лавок, наполненных товаром», фруктовые сады и пр. К обороне города были привлечены осетинские и кабардинские милиционеры, а в самой крепости нашли убежище осетинские и ингушские семьи окрестных селений (с.29-30). Кази-Мулла не дошел до Владикавказа, поскольку был остановлен у Назрани, где русским ротам оказали поддержку осетины и ингуши (с.31). Тесное взаимодействие соседних народов, их совместное проживание в ряде населенных пунктов закладывали основы полиэтничности российских городов региона, их особость, в сравнении с городами Центральной России [5].

После ранения в 1832 г. Ф.Ф. Торнау был перевезен в крепость Грозную, где командир Гребенского казачьего полка майор Макаров предложил прибегнуть к услугам горских лекарей, удачно лечивших казаков. Из-за Терека был привезен кумыкский «гаким» Чурукай, который и излечил пациента. Ф.Ф. Торнау дает высокую оценку искусству «азиатских лекарей», которые «отлично умеют пользоваться раны всякого рода и сращивают раздробленные кости даже в тех случаях, в которых европейские ученые хирурги признают необходимым ампутировать» (с.151). «Зато они совершенно не умеют пользоваться от внутренних болезней» (с.379). Находясь в плену, Ф.Ф. Торнау сам стал выступать в роли лекаря, рекомендуя абадзехам домашние средства от простуды, ревматизма и пр. Он решился привить оспу детям одного из владельцев. Эта операция удалась и составила ему «репутацию настоящего гакима, к которому стали приезжать за советом из дальних мест» (с.379). Таким образом, в первой половине XIX в. происходило постоянное и растущее взаимодействие российской и горской медицинских традиций, что подтверждается воспоминаниями не только Ф.Ф. Торнау, но и других авторов [6].

Как известно, Северо-Западный Кавказ стал непосредственно соседствовать с Россией значительно позже, чем Северо-Восточный (после присоединения Крыма и Ясского мира с Турцией, то есть в 80-90-е гг. XVIII в.). Но по прошествии нескольких десятилетий здесь уже появились люди, получившие воспитание в Петербурге (с. 174).

В 30-е гг. XIX в. Россией активно осваивается побережье Черного моря (здесь появляются крепости), что поставило военные власти перед необходимостью налаживать отношения с окрестными народами. Ф.Ф. Торнау подчеркивает роль отдельных личностей в установлении мира в регионе. Так, в 1830 г. части 44 егерского полка под командованием Пацовского высадились в Абхазии. Силами солдат строились укрепления с казармами, которые были окружены садами и огородами,

«возбуждавшими удивление и зависть абхазцев». Общаясь с соседями, Пацовский никогда не нарушал данного слова и смог приспособиться к понятиям горцев, которые «верили ему безотчетно и приезжали к нему издалека за советом и за помощью» (с.198). Он помогал им и деньгами. Но главным «орудием» для налаживания отношений абхазов с русскими стала пильная мельница. Доски выменивались или давались местным жителям на определенных условиях. По словам Ф.Ф.Торнау, оказалось, что с противником можно сблизиться с помощью самого простого средства, «если оно дает ему материальные выгоды». В итоге в этом районе «не было слышно о нападениях на наших солдат, ходивших поодиночке в самые дальние селения» (с. 199). По мнению Ф.Ф. Торнау, русские научили абхазов разводить капусту, картофель и некоторые другие овощи (с.222). В окна традиционных жилищ стало ставиться стекло «добытое от русских» (с.239).

Среди абхазов появились офицеры российской армии, хорошо знавшие русский язык и выполнявшие функции переводчиков. Жена одного из таких офицеров (Шакрилова) также говорила по-русски. Тесное общение сказывалось и на повседневном поведении. По словам Ф.Ф. Торнау, «в Абхазии скрывают женщин, равно как и у прочих горцев, но она пользовалась, как христианка и жена русского офицера, свободой, которой не имели другие абхазки, показывалась без покрывала и принимала у себя гостей, впрочем, всегда только в присутствии какой-нибудь старой родственницы» (с.231). Не только среди абхазов, но и представителей других народов региона (кабардинцев, абазин и др.) были знатоки русского языка. Так, младший из Лоовых Мамат-Гирей учился в георгиевской гимназии, умел правильно не только говорить, но и читать и писать по-русски (с.244, 264, 280, 335, 356). Уже находясь в плену, Ф.Ф. Торнау писал записку на Линию по-немецки, чтобы ее «не могли прочесть черкесы, между которыми находились люди знакомые с русской грамотой» (с.259).

Распространению двуязычия способствовали беглые и пленники, которые были у той и другой стороны. Так, у одного из абадзехских владельцев жила служанкою русская пленница, которая хорошо говорила по-черкесски и не думала возвращаться на русскую сторону. У нее был сын, «составлявший ее единственную привязанность и последнюю надежду в жизни» (с.372). Ф.Ф. Торнау видел у горцев и беглого казака, который выполнял обязанности переводчика (с.344). Сам он стал понимать язык адыгов, находясь в плену.

Большую роль в освобождении пленника сыграл ногайский князь Карамурзин, который вместе с Ф.Ф. Торнау по высочайшему повелению посетил Москву и Санкт-Петербург. Здесь состоялись их встречи с Николаем I, многими представителями светского общества, «причем самые ошутительные доказательства общественного сочувствия преимущественно выпадали на долю Карамурзина» (с.424). В столице Карамурзин посещал театры, маскарады, его приглашали из дома в дом, угощали и наделяли разными подарками (одеждой, часами и пр.). Карамурзин из центра России «повез на Кубань два сундука туго уложенных разными вещами» (с.426). Несомненно, подобные поездки северокавказцев со временем становились все чаще и обуславливались разными обстоятельствами (награждения, служба в конвое, учеба и пр.). Они способствовали расширению кругозора, усвоению иных норм и ценностей, формированию представлений о новой большой Родине. Как видно из приведенного примера, из таких поездок в центр страны горцы привозили домой многочисленные предметы иной материальной культуры, что меняло их представления о престижности вещей, оказывало влияние на быт и традиционную культуру.

Общение сторон принимало разные формы. Абазинские и кабардинские старшины ездили для совещаний «на русскую сторону в Железноводск к начальнику Кубанского кордона» (с.258). Множество черкесов ежедневно приезжали в Прочный окоп (с.350). «Несмотря на

военные обстоятельства, собственно для сближения с нами черкесов путем торговли, были учреждены на Кубани меновые дворы, на которых им отпускали соль за разный горский товар» (с.368).

Торгово-экономические отношения имели свое логическое политическое завершение. В 30-е гг. Лоовы, как и абазины-башилбаевцы были приняты в число российских подданных. Однако Ф.Ф. Торнау отмечал шаткость позиций, прежде всего, горских владельцев. Так, Сидов, управлявший башилбаевцами, в 1835 г. находился в числе покорных владельцев, затем отложился. Кабардинский князь Касаев в 1821 г. бежал за Кубань, а в 1835 г. «передался опять на сторону русских» (с.265). Из-за похищения черкешенки Гуаше-фудже началось междоусобное кровопролитие и Уруп опустел, а за Кубанью появились тысячи абреков, поскольку за смертоубийство нужно было отвечать по российским законам (с.330-331). По словам Ф.Ф. Торнау, «подобные переходы от более или менее шаткой покорности к открытой вражде принадлежали в то время к самым обыкновенным явлениям на Кавказе» (с.264).

И на северо-востоке региона кистины и галгаевцы, ранее принявшие российское подданство, «отказали в повиновении» (с.31). В 1831 г. мирные герменчуковцы были увлечены Гази-Магометом в противостояние с Россией. Примечательно, что в этом селе (Герменчук) находились три мечети, из которых «лучшая была построена на деньги, пожалованные Ермоловым» (с.114). Это свидетельство еще раз доказывает стремление российских властей вписать горцев Северного Кавказа в конфессиональное пространство России при сохранении у них ислама, отсутствие каких-либо религиозных мотивов в борьбе с немирными горцами [7].

Устанавливавшиеся хорошие отношения с одними народами приводили к осложнениям с другими. Ф.Ф. Торнау приводит такой пример. Накануне его приезда в Абхазию близ устья Бзыби потерпело крушение турецкое судно, перевозившее черкесских паломников. Большая их часть была ограблена и убита, после чего «кабардинцы, шапсуги и

абадзехи, имевшие между побитыми хаджиями своих соотечественников, называли Абхазию проклятою страной и поклялись убивать беспощадно каждого абхаза, который им попадется...» (с.231). По словам другого автора, карабулаки просили у российских властей защиты от чеченцев, ингуши и осетины от кабардинцев [8]. В обстановке, когда горцы, «все без изъятия ведут войну с своими соседями: черкесы с абхазами, кабардинцы с осетинцами и чеченцами, осетинцы с кистами» и т.д. [9, с.39], любые действия российских властей не могли удовлетворить и умиротворить всех.

Ф.Ф. Торнау был свидетелем пленопродавств, ставших обыденным явлением на Северо-Западном Кавказе (например, за двух лошадей была выменена молодая башилбаевская пленница). «По восточным понятиям подобная продажа не заключает в себе дурного дела» (с.295). Сцены торговли ежедневно повторялись на Черноморском побережье, «несмотря на все старания наших крейсеров прекратить ее вместе с подвозом военных припасов к горцам. Не оправдывая черкесов в этом деле, я не буду и строго судить их» (с. 311), писал Ф.Ф. Торнау, поскольку для некоторых семей это становилось единственным источником существования. Для турецких купцов подобная торговля давала быстрое обогащение. «Турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков» (с.376). Тем самым наносился серьезный демографический ущерб местному населению, лишавшемуся наиболее крепких и красивых молодых людей. И таким образом пресечение подобной торговли было вполне оправданным и необходимым. В целом действия российской власти в регионе офицер характеризовал так: «Правительство старалось усмирить горцев, отнимая у них способы вредить нам, но ни в каком случае **не имело желания истребить их**» (с.296. Выделено нами – Н.В.). Отношение к немирным горцам, как к будущим подданным, а не смертельным врагам, красной нитью проходит практически через все мемуары современников.

Находясь в плену и подвергаясь мучениям со стороны хозяина, который из жадности к деньгам старался приблизить тем самым время выкупа, Ф.Ф. Торнау в то же время отмечал: «К чести горцев могу сказать, что, кроме Тамбиева..., все они, не исключая убыхов и шапсугов, нарочно приезжавших, чтоб видеть меня, обращались со мною не только вежливо, но даже старались оказывать услуги... Случалось, они передавали без всякой платы от меня письма на русскую сторону, скрывая их от Тамбиева; привозили мне небольшие посылки с бельем, табаком и другими мелкими вещами» (с.361). Сражаясь с чеченцами и получив тяжелое ранение, Ф.Ф. Торнау писал, что чеченцы как противники «заслуживали полное уважение» (с.105) и приводит ряд эпизодов подтверждающих это.

По окончании боя за Герменчуг Ф.Ф. Торнау размышлял: «Может статья, не один в глубине души задавал себе вопрос – для чего все это? Разве для всех, без разбора языка и веры, нет места на земле?» (с.122). Он действительно был не одинок в своих сомнениях. Вспомним, лермонтовский Валерик: «Я думал: «Жалкий человек. /Чего он хочет!.. небо ясно, /Под небом места много всем, /Но беспрестанно и напрасно /Один враждует он – зачем?» [10]. И в XX в. писатель Б.К. Зайцев замечал: «Свет Божий просторен, всем хватит места» [11].

Ныне практически всеми исследователями признается решающее или опосредованное воздействие географического фактора на социально-экономические процессы в России [12]. Но это влияние прослеживается и в иных сферах, в частности, ментальной. Убежденность в бескрайности российских просторов (где места хватит всем) в имперский период становится одной из доминант общественного сознания. Борьба за «место под солнцем», предполагавшая истребление тех или иных народов, в этих условиях не могла быть целью ни государственной, ни общественной идеологий. Широко цитируемое высказывание Николая I об усмирении или истреблении непокорных горцев, очень редко дополняется его пояснениями: «Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю

преступною...Необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа (являвшегося по международным договорам частью Российской империи – Н.В.), но это покорение следует исполнить не одним оружием, напротив того, действовать осторожно, неторопливо...» [13].

Будучи военным, Ф.Ф. Торнау тем не менее, признавался, «что никогда войны не любил» и считал ее злом. Однако пока есть люди, враждующие «против правды и справедливости», только сила может привести их в рассудок и сберечь порядок. Свою службу он оправдывал необходимостью защиты родного края и борьбы с существующим злом (с.157-158). Этим злом, несомненно, для Ф.Ф. Торнау были набеги.

Приведенные в воспоминаниях Ф.Ф. Торнау факты и наблюдения, еще раз свидетельствуют о том, что на Северном Кавказе даже в период пика военных действий, создавалась особая социокультурная, ментальная и т.п. сфера, внутри которой происходило взаимодействие, взаимовоздействие и синтез различных этнокультурных элементов при интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей. Эта сфера Школой проф. В.Б. Виноградова именуется российскостью [14].

Примечания

1. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2005.
2. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. – Пятигорск, 2009. С.210-240.
3. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2008.
4. См.: Великая Н.Н. Кавказский не только по названию // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы. – Армавир, 2008. С.120-123.
5. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007; Гарунова Н.Н. Города Юга России как центры культурных и экономических связей народов XVIII – XIX вв. – Махачкала, 2009; Провинциальный город в XVIII-XXI вв. (история, экономика, культура): Материалы международной научно-практической конференции 25-28 сентября 2008. - Кизляр, 2008; Великая Н.Н., Пылков О.С. О попытках передатировок и изменений названий некоторых

городов Северного Кавказа // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 11. – М.-Армавир, 2006. С.41-45.

6. См.: Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.). - Армавир, 2006. С.22-24.

7. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе. Исторические аспекты проблемы. – Армавир- Ростов н/Д., 2004.

8. (Броневский С.М.) Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. – СПб., 2004. С.181-182, 330.

9. Там же. С.39.

10. Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. – М., 1969. С.321.

11. См.: Глинка С.Н. Описание переселения армян /Слово к читателю, примечания и приложения С.М. Саядова. – Ростов-н/Д., 2003. С.У.

12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. – СПб., 2003. С.56-65.

13. См.: Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. – Пятигорск, 2009. С.213.

14. Основные этапы всемирной истории /под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. - Армавир, 2009. С. 194-195.

Т.Г. Письменная

К ВОПРОСУ О БЕГСТВЕ СТАРОВЕРОВ В ЗАКУБАНЬЕ в 30-е гг. XIX в.

Движение староверов по территории Северного Кавказа является одним из наиболее сложных вопросов в истории древлеправославия данного региона. Это объясняется тем, что направление миграций определялось двумя различными по характеру составляющими: политикой государства с одной стороны и антиправительственной реакцией старообрядчества – с другой. Одним из ярких проявлений последней явились попытки бегства староверов в Закубанье на территории, контролируемые горскими народами.

Доказательством этому может служить судебное дело «раскольников» из Пелагиады, обнаруженное нами в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК. Ф.256. Оп.1. Д.11). Документы свидетельствуют, что в 1837 г. 36 староверов-поморцев переправились на семи подводах через реку Кубань. По данному факту и было возбуждено следствие.

Подозрение пало на казаков, охранявших пост Новенький в версте от ст. Прочноокопской. Однако обследование берегов реки не дало однозначного ответа, где именно произошла переправа. Есаул Нефедьев сообщал следователю Левашову, что за Кубанью 25-м разъездом казаков, возвращавшихся с р. Уруп, в лесу были обнаружены порванный мужицкий армяк, следы лошадей и колес, «имеющие направление в степь к горцам» (л.15). Позже командующий Прочноокопским участком полковник Рот доложил командиру Кубанской линии Васмунду о задержании беглецов мирным мохошевским князем Анчоком Богорсуковым.

Интересен протокол допроса духовного лидера поморов Ивана Игнатьева, в котором он упоминает о целях своего визита на Кавказ: «Воспитывался я покойным моим отцом в брянских лесах, от утеснения вздумал пробраться в закубанские горы, дабы там укрыться до скончания жизни...» (л.32).

В этом документе нашел отражение и маршрут беглецов: «В субботу под святую пасху с братьями, сестрами и малолетними детьми отправились мы на конных повозках..., в понедельник пришли на реку Кубань, по броду сами переправились без препятствия. По степи ... много ездили бездорожно, пока, наконец, добрались до неизвестной речки..., там оставили усталых лошадей, похоронили пятерых малолетних и отправились на р. Лабу, где нас задержали черкесы... А на другой день пришли казаки, забрали нас и доставили в ст. Прочноокопскую» (л.32).

Цель побега староверов ярко отразилась в одном из следственных документов: «переправились через Кубань, намереваясь пробраться к непокорным абазехам для всегдашнего жительства». Попытка перейти к «непокорным абазехам», сорванная действиями бесленеевского князя, свидетельствует о сложной и неоднозначной политической ситуации на Северо-Западном Кавказе. Интенсивность миграций староверов в Закубанье напрямую зависела от успеха политики правительства, направленной на сближение с представителями горской знати, привлечение последней к взаимовыгодному сотрудничеству. Действия князя Богорсукова – яркий пример

подобных отношений, которые не только существовали, но и регулировались специальными положениями.

Задержав беглецов, князь поспешил сообщить о своем поступке частному бесленеевскому приставу Есаулову, который 14 июня 1837 г. известил о случившемся главного Пристава Закубанских народов Венеровского: «Состоящий в заведовании моем мохошевский князь Анчок Богорсуков объявил мне, что он 25 числа прошлого месяца доставил к командиру Прочноокопским участком Кубанской линии ...бежавших в горы Ставропольского округа однодворческого звания 36 душ, просит по положению об исходатайствовании у начальства денежной награды» (л.33).

26 июня Венеровский направил просьбу о вознаграждении мирного князя командиру Кубанской линией подполковнику Васмунду. Тот, в свою очередь, обратился за советом к начальнику штаба войск Кавказской Линии и Черномории: «...покорнейше прошу разъяснения, как следует удовлетворить князя Анчока Богорсукова за поимку однодворцев..., т.е. по существующему положению о дезертирах, доставляемых закубанцами, по 10 руб. серебром или же только по 10 руб. ассигнациями» (л.35).

Наивысшую оценку деятельность князя получила в рапорте вернувшегося из отпуска начальника Кубанской Линии генерала Засса. 12 декабря 1837 г. он направил прошение командиру Отдельным Кавказским корпусом барону Розену: «...имею честь донести вам о похвальном поступке князя Анчока Богорсукова, без которого, вероятно, удалось бы раскольникам исполнить свое намерение...прошу исходатайствовать сему князю офицерский чин с производством жалованья...» (л. 35 об.).

В 1838 г. следователь Левашов докладывал подполковнику Роту, о том, что не может окончить дело о беглых старообрядцах, поскольку не получил отзыва из Ставропольской земской полиции, куда были направлены осужденные для решения вопроса о высылке их с Кавказа. Без удовлетворения остались и два его отношения к есаулу Нефедьеву.

По всей видимости, эти обстоятельства побудили генерала Засса провести собственное расследование. В 1839 г. он докладывал генералу Граббе о новых открывшихся обстоятельствах. По его мнению, казаки Федор Фомичев и Федот Черный, охранявшие пост, получили взятку от староверов в размере 1000 рублей. Этот факт-де стал известен полковнику Роту, который отобрал у казаков деньги и скрыл произошедшее от начальства. Однако новое разбирательство из-за давности дела назначено не было (л.9).

Неудачная попытка бегства староверов говорит о существовавшей практике «раскольников» селиться на территориях горских народов, еще не подконтрольных российскому государству. Интенсивность этих миграций зависела от успехов политического курса правительства, направленного на установление взаимовыгодных отношений с северокавказцами. Одной из его сторон стал «договор» о выдаче властям русских дезертиров, распространявшийся, в том числе, и на самовольно переселявшихся в Закубанье староверов.

Дальнейшее изучение попыток бегства старообрядцев откроет новые страницы взаимодействия российского государства с горскими народами и староверами на Северном Кавказе.

С.А. Голованова

**ТЕОРИЯ ФРОНТИРА
И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ РОССИИ
(К постановке проблемы)**

В современную российскую историческую науку все настойчивее вводится понятие «фронтир». Согласно определению американского историка Ф. Тернера, «фронтир – точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование нового общества». С выходом работы У.П. Уэбба «Великий фронтир» (1951) тернеровские взгляды легли в основу видения

мировой истории, начиная с XV века. Уэбб заявил о том, что Тенер напрасно рассматривал фронтир, как явление исключительно американское, и что взаимодействие европейской цивилизации с неосвоенными землями, куда она двигалась, было еще значительнее в истории самой Европы. Отсюда берет начало применение теории фронта к европейским странам, в том числе и к России. Тёрнер в одном из своих поздних писем обмолвился: «России надо бы иметь интерпретацию собственного фронта». В этой связи хотелось бы отметить, что одновременно с Тернером и даже несколько раньше его в Российской империи второй половины XIX века выстроилась своя теория - теория колонизации, наиболее последовательно отраженная В.О. Ключевским. В понимании В.О. Ключевского «колонизация» это «освоение», которое в советской историографии было полностью вытеснено термином «колонизация» в смысле Маркса, то есть «захват рынков и дешевой рабочей силы» для получения максимальной прибыли. К сожалению, и в современной кавказоведческой литературе, отрекаясь и критикуя «порочную» марксистско-ленинскую методологию, часто продолжают использовать последнюю.

Теория фронта довольно давно разрабатывается в связи с изучением истории колонизации Сибири. Авторы книги «Северный Кавказ в составе Российской империи» (13) считают, что «продвижение России на Северный Кавказ в XVIII в. неплохо характеризует понятие расширяющегося «пограничья» или «фронта» (13, с.56). Перспективность этого понятия и подхода не вызывают у них сомнения. А.В. Крючков, изучая присоединение Крыма к России, использует понятие «крымского фронта». По его определению «фронт» - зона неопределенности, характеризующаяся полицентризмом в политической, социально-экономической и культурной жизни народов (5). Кубань, как геополитическое пространство, по мнению В.В. Грибовского и Д.В. Сеня, также может рассматриваться в контексте теории фронта или Большой Границы. М.А. Рыблова, исследуя формирование групп донских казаков, рассуждает о факторе фронта. В ее толковании фронт – зона между двумя границами, территория постоянных войн. Любая граница, считает она, может трактоваться как барьер, но

может восприниматься и в качестве контактной зоны – фронта, который оказывается своего рода «инкубатором» для новых сообществ из-за отсутствия возможности (или желания) точно воспроизводить все формы социальной жизни метрополии (11).

Очевидно, что в большинстве случаев об адекватности отечественных версий исходной не может быть и речи, поэтому важно выявить потенциал содержательного расширения понятия «фронт».

Одним из первых обосновал свое видение «кавказского фронта» Сергей Маркедонов, который ориентирует на изучение Кавказа в контексте мировой истории и современной глобальной политики. «Юг Кавказа, - пишет он, - это фронт. На сегодняшний день слово "фронт" не имеет адекватного перевода на русский язык. Своеобразной калькой этого понятия выступает "граница". «Фронт – это зона межкультурного (межцивилизационного) взаимодействия вне четко установленных и признанных государственных границ ... Исторически кавказский регион – «кавказский фронт» имеет значение «контактной зоны» различных этнических, религиозных, этноконфессиональных, этносоциальных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические периоды свою неповторимую «кавказскую мозаику» (7).

С. Панарин считает, что в русском языке отсутствуют специализированные термины для выражения разных оттенков понятия "граница". Поэтому он обратился к помощи английского языка и предложил три термина, подходящих для обозначения разного понимания "границ России" - boundary (граница естественный внешний предел, обозначенный самой природой), border (юридически зафиксированной границы между двумя пространствами, в то же время и некоторая часть пространства, непосредственно прилегающей к такой границе, или пограничье) и frontier. Однако ясности в определении фронта мы у него не находим. Frontier, как считает С. Панарин, тоже указывает и на разделение пространства, в том числе по признаку его государственной принадлежности, и на пограничье. В значении "государственная граница" он

подчеркивает наличие резкой грани, разделительной черты, снабженной всеми необходимыми атрибутами разграничения пространства - таможенной, пограничной службой, контрольно-пропускными пунктами и т.п. А вот в значении "пограничье" указывает на нечто расплывчатое и даже подвижное, на пояс земель, в восприятии которого главенствуют не количественные параметры (точно отмеренная ширина или площадь), а качественные (обычно - отчужденность, неопределенность, неосвоенность). Территории, попадающие в створ между двумя границами и территории, плохо поддающиеся разделению, и образуют так называемый фронтир - пограничье России (9).

Сами принципы развития и взаимодействия геополитических пространств ведут к появлению и активному функционированию различного рода буферных и промежуточных территориальных зон между сильными или соперничающими государствами, исходя из этого, нельзя говорить о Северном Кавказе исключительно как о зоне «российского фронта».

Следует обратить внимание на исследования И.В. Зелениной, которая рассмотрела российские геополитические реалии в контексте теории срединных пространств. Растущий потенциал «русской срединной территории» сталкивался, по ее мнению, с интересами пяти других срединных территорий: шведским, османско-турецким, персидским, китайским. Все шесть срединных пространств (включая русское) были в большей степени обособлены друг от друга, не имея непосредственных границ, взаимодействуя посредством «пограничных зон», расположенных вдоль границ. Каждое срединное пространство имело в этих зонах подзоны влияния и промежуточные зоны, которые более или менее явно были поделены внутренними границами. Эти границы рассматривались срединными пространствами как важные геополитические рубежи внешнего и внутреннего характера, нередко порождая в пограничных зонах «дух фронта» и фронтирный тип политической культур (2). И.В. Зеленина утверждает, что «в XVI-XIX вв. в России экспансия (захват чужих территорий) и колонизация (освоение пустующих или не имеющих государственной организации земель) происходили параллельно, были тесно

переплетены, а часто неотделимы друг от друга. Причина этого – отсутствие на евроазиатских просторах, ставших объектом присоединения к России, не только государственных границ, но нередко и самих институтов государственной власти. Это придавало неповторимость процессу расширения пространственных границ империи, когда внешнеполитические (экспансионистские) и внутривнутриполитические (колониальные) задачи решались в теснейшем взаимодействии. С геополитической точки зрения это чрезвычайно важно, поскольку приводило к феномену «фронттира», «*подвижной границы*», которая порождала пространственную размытость геополитического самосознания населения ...» (2, с.79-80).

Майкл Ходарковский (Чикаго, США), исследуя проблему закономерностей расширения России на восток и юг, отметил разницу между диалектикой формирования фронттира (frontier) и превращения его в пограничную зону (borderlands). Под фронттиром ученый понимает «регион, который замыкает пространство заселенной или освоенной территории, политико-географическую область, лежащую вне объединенного политического образования». По его мнению, на западе у России были ясно обозначенные границы между суверенными государствами, а на востоке и юге – frontiers. (См.: 2, с.80). При этом М.Ходарковский описывает Северный Кавказ как «фронттирный регион Персии, Турции и Российской империи».

Д.И. Олейников также считает, что христианские народы Закавказья и племена Северного Кавказа оказались одновременно не только в южной зоне российского, европейского фронттира, но и на севере фронттира мусульманской цивилизации: народы Дагестана и Чечни вошли в соприкосновение с Персией, а народы Северо-Западного Кавказа (тогда их обобщенно называли черкесы) оказались на границе Османской империи (8).

При рассмотрении проблемы следует учитывать и важные, на наш взгляд, выводы Тиграна Лерсаряна (6). Отличия российского и американского фронттиров он видит в следующем: американский фронттир поглощающий, тогда как российский, огораживающий поле русского колониационного действия.

Даже при наступательном расширении русского фронта он все равно мыслится как оборонительный. Он всегда защищает пространство, в котором совершается геополитическое действие, представляющее собой наслаивание одной за другой территориальных «чешуек», малых и средних пространств, которые освоены «по-русски» (6).

Исследователь сибирского фронта Д.Я. Резун выявил не менее принципиальное отличие: «В Северной Америке наблюдалась несколько иная картина: там продвижение белого человека означало вытеснение индейцев с их территории. **Индийская и белая нации могли существовать рядом, но не вместе** (Выделено нами. - С.Г.) (10, с.10). История развития взаимосвязей России и Северного Кавказа демонстрирует доминирование тенденции взаимного тяготения народов друг к другу, что нашло адекватное отражение в концепции «российскости», разрабатываемой научной школой профессора В.Б. Виноградова. Качественно новое звучание темы «Россия и Кавказ» отметили в совместной статье Б.С. Карамурзов, А.Х. Боров, К.Ф. Дзахимов, Е.Г. Муратова: «В XVI-XVIII вв. основным мотивом в ней являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность; в период Кавказской войны - проблема совместимости в одном государственном организме существенно разных социокультурных систем, а с 60-х гг. XIX в. основным мотивом становится проблема совместного развития, т.е. органического включения Северного Кавказа в процессы российской Модернизации» (4, с.72).

Несомненный интерес представляет статья Томаса М. Баррета, раскрывающей идею северокавказского «фронта» России (1). Автор учитывает опыт западной историографии, в которой «история взаимоотношений между Россией и Северным Кавказом до сих пор описывается как военная: историки по-прежнему изображают разделительные линии совершенно непроницаемыми, поменяв лишь угол зрения: в центре их внимания сейчас не российский натиск, а сопротивление «кавказского барьера» (1, с. 164). Томас М. Барретт ставит перед собой

задачу доказать, что «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронта» - приграничной, порубежной зоны, - включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых». Понять, что стояло за присоединением Северного Кавказа к России, по его мнению, «можно только заглянув за военные линии и посмотрев на передвижения народов, на их поселения и сообщества, изменение ландшафта, взаимоотношения соседей, причем не только во время военных действий, но и в повседневной жизни» (1, с. 165).

Американский исследователь считает, что история окружающей среды, особенно важна для понимания своеобразия зоны «фронта», где переселенцы пытались построить новое сообщество в незнакомой экологической обстановке. Особенности расселения русских на новых землях были полностью противоположны традиционным местным, экологически грамотным схемам; именно поэтому среди русских имели место многочисленные случаи со смертельным исходом (1, с. 170). В равной мере он разделяет вину за тот экологический урон, который нанесла вырубка лесов, между русскими и северокавказцами, так как дерево и древесный материал составляли основной предмет торговли чеченцев и кабардинцев с русскими поселенцами (1, с. 172).

Интересны, на мой взгляд, и его выводы по проблемам пограничного обмена. Россия, считает Томас М. Барретт, так и не смогла превратить Северный Кавказ в торговую колонию, в которой местное население поставляло бы в большом количестве сырье, например меха и хлопок, для обогащения русских купцов. Более того, торговля ремесленными изделиями и одеждой, такой, как бурки, черкески и папахи, вероятно, укрепила местную экономику, поскольку количество товаров, производимых на продажу, увеличилось со временем во много раз (1, с.175-177).

Одним из элементов теории фронта, он предлагает рассматривать такое понятие, как «ничейная земля» - промежуточное пространство между культурами, народами, а также между империями и внесударственным сельским миром», аспекты которой включают «брачные связи, переговоры о случаях насилия, союзнические отношения, устанавливавшиеся с помощью ритуалов, и социальные связи, формировавшиеся путем торговли» (1, с.178). Именно это позволяет рассматривать «фронт» на ранних этапах освоения его русскими поселенцами в качестве не столько периферии новой России, сколько уникального явления, возникшего в результате культурного обмена и взаимодействия между всеми сторонами.

Рассуждения Томаса М. Барретта не лишены здравого смысла, и демонстрируют несколько иной подход к теории фронта, нежели тот, что набирает силу в российской историографии. «Северокавказский фронт» он рассматривает в соответствии с тремя направлениями, сложившимися в современной американской науке: история окружающей среды, социальная история и этническая история; предлагая их как возможные темы исторических исследований «одного из приграничных регионов России». Однако, хорошо владея американской русистикой, Томас М. Барретт ограничен в знакомстве с исследованиями российских кавказоведов (используемые работы вышли в 1980-х гг.), а с момента написания статьи, проблема взаимодействия России и Северного Кавказа вышла на совершенно новый уровень осмысления.

Оппонентом применения теории фронта к Кавказу является Э.А. Шеуджен, написавшая статью «К вопросу о северокавказском фронте» (13). Исследователь приходит к выводу: «Идея фронта как «границы» с момента вхождения Северного Кавказа в состав России теряет реальный смысл и может быть рассмотрена как искусственное, умозрительное построение». Созвучно и мнение немецкого историка Марины Фукс, которая считает термин «фронт» чересчур абстрактным для российской истории. Более того, она отмечает, что до 1917 года «русские не стремились менять «культурное содержание»

присоединенных этнических меньшинств. Это означает, что многие регионы не были под русским культурным влиянием, а это противоречит теории фронта.

Таким образом, все исследователи, использующие термин «фронт», обязательно уточняют, что это граница или пограничная зона, буферная или контактная зона. То есть, модель развития понятия «фронт» находится на латентной фазе, когда семантическое поле осваивается разнообразными словами, связанными с сущностно близкими понятию фундаментальными характеристиками (3, с.128). Между тем Д.Н. Замятин уже определил геополитический образ Руси-России как образ буферной или фронтальной империи. Несомненно, будет продолжено использование понятия «фронт» применительно к Северному Кавказу. Важно не просто использовать модный термин «фронт», а «насытить это понятие богатым содержанием, критически используя и «просеивая» как достижения исходных культур, так и содержательные моменты политической прагматики» (3, с.130), с учетом северокавказских реалий.

Примечания

1. Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000. – С.163-195.

2. Зеленина И.В. Геополитика и геостратегия России. XVIII – первая половина XIX в. – СПб., 2005.

3. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // Полис. – 1994. - №1. – С.127-140.

4. Карамурзов Б.С., Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г. Социокультурные механизмы северокавказского исторического процесса: древность - новое время // Научная мысль Кавказа. – 2006. - № 3. – С.68-75.

5. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеперское пространство (последняя четверть XVIII – начало XIX вв.): Автореф. Дис. ... к.и.н. – Саратов, 2006/ www.sgu.ru/news/dos/news

6. Лерсарян Т. Бескрайняя равнина конца времени // Отечественные записки. – 2002. - №3 / home/ijcas/www/krstruiei/ntin/

7. Маркедонов С. Южный Кавказ: многоугольник интересов // Copyright@ 1999-2007 «Агентство политических новостей».

8. Олейников Д.И. Фронт и колонизация / <http://www.timeandspase.lviv.ua/index.ru>.

9. Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: ответы и вызовы // Диаспоры. – 1999. - №2-3.

10. Резун Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки // История и обществознание. – 2007. – № 5. – С.68-75.

11. Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. // <http://www.yuga.ru/kazaki/culture/index.chtm?id=4341>.

12. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.

12. Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. – 2006. - № 3. – С.76-83.

С.Л. Дударев

О СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТНЫХ ТОЧКАХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ (1)

Данная тема имеет в настоящее время высокую актуальность. Крайне нестабильная, напряженная обстановка, сложившаяся в регионе, стала предметом самого пристального внимания российского руководства. В известной всей стране статье Президента РФ Д.А. Медведева «Россия, вперед!» прямо и открыто говорится: «Жители республик Северного Кавказа просто не знают покоя. Гибнут военные и работники правоохранительных органов, государственные и муниципальные служащие, мирные люди.» (2). Президент не конкретизирует те или иные факты, что не входит в его задачи. Но общественность в большей или меньшей степени осведомлена о тех прецедентах, которые позволяют Главе государства делать такой тревожный вывод.

В регионе в настоящий момент действует до 1,5 тыс. боевиков, хотя фаза активных боевых действий уже миновала, о чем свидетельствует отмена режима контртеррористической операции в Чечне в апреле 2009 г. Тем не менее, атаки на милицейские колонны продолжаются. 4 июля 2009 г. в Сунженском районе Ингушетии было совершено дерзкое нападение на колонну Ачхой-Мартановского РОВД, в результате которого погибли 9 чеченских милиционеров, 10 ранено. Массовый, неслыханный ранее, расстрел представителей чеченской милиции потряс даже выдавших виды экспертов. На место теракта боевики доставили крупнокалиберный пулемет (и возможно не один) – дело ранее невиданное при таких акциях. Они знали о маршруте

движения колонны задолго до ее появления в сунженском лесу. В той же Ингушетии методично отстреливаются ответственные работники, вырезаются семьи русских учителей, цыганские, корейские семьи (3), а вершиной такого рода «деятельности» стало покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, едва не закончившееся его гибелью. Страна недавно вступила в 2010 г. Но в Ингушетии ничего не изменилось. Взрывы продолжают греметь на автомобильных и железных дорогах (4). В Грозном периодически совершаются теракты с человеческими жертвами. При этом на территории Чечено-Ингушетии действует до полутора тысяч активных «ваххабитов» (5). Насилие стало нормой человеческих взаимоотношений, и к этому, похоже, в стране начинают привыкать (6). В 1920 – начале 1950-х гг. действия бандгрупп на Северном Кавказе были регулярными и являлись зримой и неотъемлемой приметой той эпохи (7). Очевидно, что это время, в условиях продолжающейся нестабильности в России, которую некоторые столичные аналитики именуют «тихой гражданской войной» (8), вернулось снова. Непокойно не только в Ингушетии и Чечне. В соседнем Дагестане не прекращаются вылазки боевиков (9) и ответные действия федеральных силовых структур (10). Впрочем, выстрелы гремят не только на Северо-Восточном Кавказе. Все помнят о чудовищном теракте в Беслане 1 сентября 2004 г., а также о нападении на г. Нальчик ваххабитских бандгрупп в октябре 2005 г., которые свили себе настоящее гнездо на территории этой республики в виде многочисленных т.н. джамаатов, повлекшем за собой многочисленные человеческие жертвы. Начало нового, 2010 г. ознаменовалось новой попыткой теракта в Баксанском районе этой республики (11). Подпольные ваххабитские базы, где проходили реабилитацию участники боевых действий в Чечне, зафиксированы и на территории Краснодарского края. Ваххабизм с конца 1980-х гг. «прописался» не только в восточных районах Северного Кавказа, но и в Карачаево-Черкесии, а также Адыгее (12).

Примечательно, что беспредел творит не только бандподполье. Насилие стало нормой и для отдельных представителей правящих кругов Северного

Кавказа. Характерная история произошла в 2008 г. с Магомедом Евлоевым, бывшим главным ингушским оппозиционером, редактором запрещенного сайта «Ингушетия.ру». 31 августа 2008 г. Магомед Евлоев вылетел из Москвы в Назрань. На его беду тем же самолетом возвращался ныне уже бывший президент республики Ингушетия Мурат Зязиков. В аэропорту Евлоева вывели из самолета, посадили в бронированный УАЗ и убили выстрелом в висок. После случившегося потерпевшая сторона объявила кровную месть, в результате которой имели место новые жертвы. При проведении т.н. зачисток в Ингушетии силовые структуры уничтожают не только представителей незаконных вооруженных формирований, но и ни в чем не повинных граждан и членов их семей (как было, например, 12-13 февраля 2010 г.) (13). И хотя это порой случается в результате того, что боевики прикрываются мирными жителями, подобные прецеденты служат поводом к эскалации конфликтной ситуации в этой северокавказской республике, разжиганию кровной мести, расколу в семьях, когда один брат уходит в милиционеры, а другой - к боевикам(14).

Однако сказанное, при всей, безусловно, безрадостной картине, всего лишь «верхушка айсберга», отдельные, очень опасные, но чисто внешние проявления серьезных глубинных процессов, как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических, суть которых часто скрыта от взоров рядовых граждан, доступна лишь компетентным экспертам и потому требует отдельного анализа.

Начнем с констатации видных ученых, представителей МГИМО (У) МИД России, В. Дегоева и Р. Ибрагимова: «России ясно дают понять: любое сопротивление планам расширения Запада – чем бы оно ни мотивировалось – будет пресекаться с помощью самого разнообразного набора средств» (15). Пусть никого не дезориентирует демонстративная «перезагрузка», предложенная Б. Обамой и Х. Клинтон. И думать так нас заставляет анализ как исторической и политологической литературы, вышедшей в России в особенности в последнее пятилетие, так и трезвый учет геополитических особенностей России и такой ее неотъемлемой части, как Северный Кавказ.

Отечественные эксперты, делая трезвый анализ политики США на постсоветском пространстве, резонно полагают: «весьма возможно, что в условиях наметившегося отказа США от односторонних политических инициатив действия в отношении постсоветских стран будут опираться на структуру НАТО, приближающуюся к новому расширению, и идейно-политическую базу модифицированного атлантизма»(16).

Россия – «сердце» всего евразийского пространства, выражаясь языком современной геополитики, т.н. «хартленд», олицетворение «теллуократии», власти Суши. Она, как ни одно государство заинтересована в межнациональном мире на Северном Кавказе, так в этом заключается залог и ее собственной стабильности. Еще более полутора столетий назад большинство европейских политиков пришли к заключению, что Кавказ является для России «ахиллесовой пятой». Утверждалось, что именно туда следует наносить прицельный удар, чтобы свалить «русского медведя» (17). Кавказ имеет исключительно важное геостратегическое значение, являясь связующим звеном между Европой и Центральной Азией, обеспечивает выход к системе трех морей – Каспийскому, Черному, Азовскому, и далее в Средиземноморье. Плодородные земли субъектов российского Юга, запасы нефти и газа, ресурсы осетровых Каспия – все это расположено в Кавказском регионе. Недаром видный отечественный ученый Ю.А. Жданов назвал Кавказ солнечным сплетением Евразии (18). Впрочем, еще в первой четверти XIX в. А.П. Ермолов сделал весьма примечательное высказывание: «России нечего опасаться за свои владения, пока соседями с той стороны остаются такие слабые народы, как Персияне и турки (здесь история уже внесла свои коррективы. Иран и Турция ныне не «слабые народы» - *Авт.*). Но притаись где-нибудь Англичане (ныне читай – американцы - *Авт.*), доставь горцам артиллерию, научи их военному искусству, и тогда нам надо будет укрепляться уже на Дону» (19).

Не случайно англосаксонские страны, или страны «Моря», олицетворяющие т.н. «талассократию», географически удаленные от Кавказа, традиционно «играли» на существовавших межнациональных и

межконфессиональных противоречиях, чтобы ограничить сферу российского влияния в южном направлении (20). Это традиционно являлось частью т.н. «Большой игры» (Grate game), целью которой было господство Запада над Ближним и Средним Востоком и недопущение сюда России. Эта игра продолжается и по сегодняшний день, ибо Редьярд Киплинг, хорошо знавший, что такое Британская империя, задавал, в общем-то, риторический вопрос: «Когда кончится Большая игра?! И сам же отвечал на него: «Когда все умрут». Британской империи больше нет, но есть США. «Теперь американские базы протянулись от Норфолка, штат Вирджиния, через Европу и Средний Восток в Центральную Азию, западный и центральный районы Тихого океана, откуда обратно домой, в Сан-Диего. В сравнении с такой Америкой XXI в. даже Британская империя на пике ее могущества выглядит бедным родственником» - пишет американский аналитик Дж. Джоф (21). Целью США на Кавказе является склонить руководство Грузии, Азербайджана, а ныне и Армении к ориентации на Запад и НАТО (22). Как видим, в случае с Грузией такая политика принесла определенные плоды. «После успешно проведенной «бархатной революции» США стали считать Грузию твердым и долгосрочным стратегическим партнером и главным союзником на Кавказе» (23). И хотя Грузия потерпела поражение в августовской войне 2008 г., ориентация ее на Запад еще более возросла.

С геополитической точки зрения кавказские народы имеют единственную альтернативу: либо жить в мире и стабильности с Россией, либо выполнять функции плацдарма для экспансии сил «Моря» вглубь континента (24), что автоматически влечет за собой «балканизацию» региона, его превращение в управляемый «очаг напряженности» для ослабления и окончательной десоверенизации России. Третьего пути для Кавказа нет существует.

Впрочем, напряженная ситуация вокруг Кавказа, и в первую для нас очередь, Северного Кавказа, связана не только с собственно американо-натовскими амбициями. Вхождение сил НАТО в государства Южного Кавказа создает предпосылки для **«вторичного развития» Османской империи.**

Турция располагает значительным военным потенциалом, ее контингент – наиболее многочисленный в НАТОвской армии. Если турецкие войска войдут в Закавказье, как партнеры по блоку, то уже не захотят уходить оттуда. Более того, они легко составят одно целое с азербайджанской армией, а Турция – с Азербайджаном. Вообще, Турция развивает очень большую активность на постсоветском пространстве, подпитывая движение крымских татар, с одной стороны, и пантюркистские настроения на Северном Кавказе - с другой. Эти настроения подогреваются на Северном Кавказе отсутствием собственной государственности у ногайцев и кумыков, включенностью тюркских народов в состав двунациональных республик (КБР и КЧР). Особое внимание для разыгрывания пантюркистских идей уделяется Дагестану, где наблюдается усиления влияния Турции. Руководители Турции рисуют перспективы объединения народов Средней Азии и Кавказа под турецкой эгидой, заявляя о «турецком мире, простершемся от Адриатики до Великой Китайской стены» (25). Впрочем, Турция стремится разыграть не только тюркскую карту, но стремится вовлечь в свою орбиту нетюркские народы, например чеченцев и адыгов. Для этой цели используется влиятельная и многочисленная адыго-черкесская диаспора в Турции. В декабре 1996 г. в Турции создана федерация черкесов «Каф-Бир», в которую входит 42 территориальных объединения (хасэ). Турецкие средства массовой информации все чаще говорят о необходимости образования на территории Северного Кавказа независимого единого государства, разорвать связи горских народов с русским народом, подорвать влияние и авторитет России в регионе.

Таким образом, у Турции есть свои обширные геополитические интересы в циркумпонтийском, и даже шире - в евразийском регионе. Она готова идти на широкие дипломатические контакты, о чем говорит практически неизвестный широкой общественности договор 7 февраля 2007 г. между Турцией, Грузией и Азербайджаном, преследующий не только проамериканские, но и свои собственные интересы, в частности, строительство дороги, соединяющей Турцию и Азербайджан (26).

Говоря о реализации на Кавказе арабо-исламистского проекта, то здесь на сцену выступает другой геополитический игрок – Королевство Саудовская Аравия. Оно преследует цель распространения ислама в мире, консолидацию мусульманских государств и народов, содействие мусульманским странам и этноконфессиональным меньшинствам в отстаивании своих интересов и т.д. С этой целью, Саудовская Аравия создает многочисленные исламские центры за рубежом, ежегодно выпускает из своих исламских вузов 300-400 выпускников-иностранцев и т.д. При поддержке Саудовской Аравии действует ряд организаций, например, Лига Исламского мира. Именно эта Лига стоит за распространение по миру идеологии и практики ваххабизма. Среди получателей помощи по каналам Лиги числятся экстремистский Исламский фронт спасения (Алжир), ХАМАС (Движение исламского сопротивления. – от араб. *харакат ал-мукавама ал-исламийя*) (Палестинская автономия) и др., а в последнее десятилетие – экстремистские организации на Северном Кавказе. В Саудовской Аравии была, например, создана организация «Аль-Харамейн» (Две святыни; имеются в виду Мекка и Медина). В настоящее время она ведет активную антироссийскую кампанию в поддержку «исламского джихада» в Чечне. Впрочем, даже умеренные исламисты стремятся продемонстрировать обязательный антиамериканизм (27). Однако, ниже будет показано, что это может быть не более чем декларативной вывеской.

Между этими двумя направлениями – туранским и арабо-исламистским – есть противоречия. Панисламизм обращается к межнациональному (суперэтническому) уровню объединения мусульман, пантюркизм – собственно к национальному. Тем не менее, и то и другое направления могут стать центрами сближения тех или иных мусульманских государств и народов и повлиять на возможный передел мира в интересах этого конфессионального массива, который составляет около 1 млрд. 300 млн. чел. При этом ставится задача создания на Северном Кавказе антироссийского конфедеративного образования «от моря до моря», как фактор дальнейшего сужения роли России на Кавказе и Причерноморье и кардинального изменения здесь

этноконфессионального баланса (28). Тем не менее, нужно принципиально оговорить один момент. Мы далеки от того, чтобы распространять все эти далеко идущие и воинственные планы на весь исламский мир. Речь идет, прежде всего, о наиболее экстремистских организациях и проектах, построенных на исламском фундаментализме, который далеко не является точкой зрения всех мусульман мира.

На данную ситуацию налагается и еще одна, связанная с зарубежным закулисным наших северокавказских проблем. Известно, что после 11 сентября 2001 г. американские военные базы появились и в Центральной Азии, куда их пустили с ведома России, в целях борьбы с терроризмом. И как же отблагодарили в Вашингтоне Москву за этот «шаг доброй воли»? Выходом из договора по ПРО, «цветными» (или цветочными) революциями (29), ускоренным расширением НАТО, игнорированием нашего мнения в афганском и иракском вопросах и т.д. (30). Но теперь речь идет уже о том, что будет, если американцы уйдут из Афганистана. Не прекращающаяся талибанизация этой страны и соседнего Пакистана (Усама Бен Ладен – здесь самый популярный политик) ведет, как отмечает генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа, к созданию сети ваххабитских ячеек по всей Ферганской долине, что автоматически по возрастающей пойдет по всей Центральной Азии, а потом перекинется и на Россию, особенно Сибирь, Урал, Татарстан и другие регионы (31). И это не просто смелые прогнозы. В 2005-2008 гг. в Челябинске, Магнитогорске, Оренбурге, Бугуруслане, Екатеринбурге и др. городах Урала и Приуралья были выявлены ячейки экстремистской религиозно-политической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия» и других радикальных организаций, построенных по схеме разветвленных иерархических структур (32). Идет передел исламского пространства и интервенция радикальных идеологий в мусульманской среде, что является двумя важными источниками угрозы безопасности мусульман России (33). Процессы, идущие на постсоветском пространстве, интересуют Запад отнюдь не только как повод воспользоваться их издержками в корыстных целях. В 2001 г. комиссар ЕС по

внешней политике Крис Паттен отмечал, что «Европа окружена – от Калининграда на севере до Кавказа и Центральной Азии, до Балкан – дугой опасности и нестабильности» (34). Евросоюз заинтересован в урегулировании политических кризисов на Кавказе в целом и в Закавказье в частности. В чем причина этого интереса? Постсоветское пространство стало питательной средой организованной преступности, наркоторговли и международного терроризма. Кроме того, Европа крайне обеспокоена стремительно растущей незаконной миграцией с Востока. Таким образом, Евросоюз потенциально является союзником России и стран СНГ в стабилизации внутренней обстановки. Как полагает В.В. Черноус, «объективно складываются предпосылки для того, чтобы Россия совместно с теми силами, которые в Европе осознали тупиковость и губительность прежней модели интеграции и безудержного расширения ЕС в одной упряжке с НАТО и под диктовку США, выработали конструктивный проект общеевразийской интеграции, не размывающий Европу и Россию, а в его контексте согласованную с ЕС политику на Кавказе» (35). Впрочем, и в этом отношении все совсем непросто. Расширение влияния Евросоюза на постсоветском пространстве беспокоит российское руководство, которое не в восторге от программ, принимаемых структурами Евросоюза в отношении тех или иных стран СНГ. Причина: в дипломатических кругах России возобладало мнение, что политика соседства ЕС является инструментом, «с помощью которого Евросоюз может поставить политику соседних стран в зависимость от своих пожеланий» (36).

Но вернемся к положению в Северо-Кавказском регионе. Источник тех драматических событий, которые здесь происходят, нередко усматривают в деятельности тех или иных внешних сил. И мы с вами видели выше, что это совершенно справедливо. Однако относить все только на счет «руки иностранных спецслужб» и т.п. было бы неверно. На Северном Кавказе наблюдается чудовищная безработица, которая является социальной базой для терроризма. Статистика свидетельствует: «уровень безработицы в ЮФО – самый высокий в стране. По данным Росстата на апрель 2009 г. в Дагестане

зарегистрировано 50 тыс. безработных, в Ингушетии – 37,8 тыс., в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – 27,8 тыс. и 15,6 тыс. соответственно, в Чечне – 306,9 тыс. человек» (37). Но это только официально. По неофициальным же данным, в том же Дагестане безработных не менее 250 тыс. (38). Ведущие аналитики утверждают: «За последние годы на Кавказ из Центра ушло 6 млрд. долларов. Простые люди всех этих денег не увидели. На Кавказе огромная безработица, социально-экономическая ситуация благоприятна для разгула преступности. Право вершит автомат Калашникова. А нужно, чтобы работал закон» (39). Положение осложняется также обострением земельного вопроса, в связи с распространением института частной собственности, наличием этнических проблем, которые возникают из-за того, что изменяются те или иные этнические территории, например, в Дагестане (заселение лакцами и чеченцами равнинных земель вблизи Каспия). В республиках региона имеет место отказ от процентного представительства этнических групп во властных структурах. Те или иные группы выражают недовольство «засилием», «экспансией» других (например, в Кабардино-Балкарии) (40). В контексте этих фактов совершенно неудивительно то, почему в регионе ваххабизм получает заметное распространение (на Северном Кавказе имеется не менее 3 тыс. активных ваххабитов). Казалось бы, в Чечне, он не имеет никаких шансов на выживание. Ведь ваххабизм, например, против культа святых в исламе, в то время как в Чечне чрезвычайно распространен культ святых шейхов. Создание «сотоварищей» Аллаху – величайший грех, а строить на могилах святых мечети, мавзолеи ваххабиты запрещают, считая атрибутом язычества (41). Ваххабиты даже попытались разрушить могилу-мавзолей очень почитаемого в Чечне святого шейха Кунта-хаджи. Тем не менее, ваххабизм все еще находит себе поддержку в Чечне, хотя президент этой республики заверяет в том, что «остались небольшие бандгруппы, которые все еще бегают по лесам» (42).

Итак, рост безработицы, узурпация власти коррумпированными представителями господствующих этнокланов (43), которые «пилят» колоссальные бюджетные деньги, «отстегивая» при этом бандитам (вот и еще

один источник существования ОПГ на Северном Кавказе!), нарушение территориально-этнических «ниш» и т.д. подогревают в массах радикальное стремление к достижению социальной справедливости. А именно ее и обещают ваххабиты, а также деятели типа бывшего ичкерийского премьера Х.-А. Нухаева, с 2002 г. объявленного в международный розыск, обещая вернуть общество к временам «салафийи», первых четырех праведных халифов, разрушить несправедливое государство, и заменить его общинами, где все будет решаться по Корану. «В настоящее время, - утверждает в недавно защищенной кандидатской диссертации Г.П. Савенко – радикальному фундаментализму придается смысл революционно-повстанческой идеологии. Она привлекает к себе молодежь при отсутствии широких социально-экономических перспектив в северокавказских республиках и недоверии к коррумпированным структурам местной власти» (44). Добавим – молодежь, которая выросла в условиях российской смуты и двух «чеченских войн», т.е. привыкла к насильственным способам решения проблем. Ваххабизм в рамках нашего региона понемногу становится системной формой протеста населения в республиках (45). Назовем и еще одно, крайне немаловажное обстоятельство. Сторонники ваххабизма провозглашают концепцию непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата. Здесь они расходятся со сторонниками тарикатского суфизма, которые готовы принять существующий социальный порядок в целом, тем более, если он достаточно силен и победить его нельзя или сложно. Зато ваххабиты очень близки наибскому мюридизму времен т.н. Кавказской войны (в лице таких своих ярких представителей, как М. Ярагский) в том, что выступают за непризнание власти, не исходящей от ислама (46). С точки зрения российской государственности такой подход, безусловно, неконституционен, и в конкретных условиях носит подрывной характер. Однако вопрос о легитимности власти с точки зрения Корана неизбежно возникает перед верующими мусульманами, и дать на него ответ, который бы устроил все стороны, крайне сложно. Он требует очень скрупулезной и компетентной работы с населением, как представителей

администрации, так и мусульманских ученых и выработки, в конце концов, решения, которое бы не ставило под сомнение территориальной целостности РФ, нейтрализовало бы радикальные тенденции в исламе и, в то же время, давало возможность мусульманскому населению выполнять свои религиозные обязанности. Необходимо, чтобы российские госструктуры максимально учли богатый опыт прошлого в налаживании отношений официального российского руководства и российского общества с мусульманскими организациями России, (47) использовали разнообразный, интересный, полезный, мирный потенциал такого исторического феномена, как российский ислам (48).

Ответило ли как-то на все эти вызовы руководство северокавказских республик? Оно, в лице отдельных лидеров, совершило попытки предложить весьма нестандартные социально-политические решения. Президент Ингушетии Евкуров не исключает массового переселения жителей республики за Урал, и в другие восточные районы страны. Возможно, в Амурской области ингушские переселенцы станут альтернативой китайцам, активно осваивающим эти места (49). Более реалистические планы у чеченского лидера Р. Кадырова, стремящегося осуществить проект по строительству в Грозном нефтеперерабатывающего завода, ведущего речь о сборке в самом недалеком будущем автомобилей «Лада-Калина» и «Приора» на Аргунском заводе и т.д. Впрочем, все это будет осуществимо при одном условии – финансировании со стороны Центра, которое и является пока главной движущей силой преобразований в Чечне.

И, наконец, перенесемся с востока региона на его запад. Здесь по мере приближения 2014 г., т.е. Сочинской Олимпиады, разгорается вопрос, поднимаемый рядом адыгских организаций, о «геноциде» адыгов в период «Кавказской войны» и мухаджирства в Османскую империю и вызвавший уже острую полемику в общественной и научной среде (50). При этом ставится вопрос о признании геноцида российским правительством. В случае этого признания федеральная власть берет на себя вопрос о возвращении желающих вернуться и их обустройстве, адыги же должны получить единое национальное

образование – республику (51). При этом, по словам одного из лидеров организации «Черкесский конгресс» М. Берзегова, готовы вернуться 70 % адыгов (из 4 миллионов, проживающих сейчас за рубежом!) и занять, например, горные районы Краснодарского края. Но массовая репатриация приведет к необходимости передела земель, возврата их прежним владельцам, отселения нынешних их обитателей, уже превратившихся в старожильческое население, административного переустройства и т.п., т.е. фактически к перекройке нынешнего Краснодарского края и даже его демонтажу! Между тем, нет нужды говорить о том, что это стратегически важный для России, пограничный край, который не может быть дестабилизирован таким образом. В Краснодарском крае есть и другие очень важные конфликтогенные проблемы, которые делают положение в нем по ряду аспектов и без того достаточно непростым (52). Не будем забывать, что у мирового сообщества есть показательный и трагический опыт Косова. Совершенно очевидно, что отношение к проблеме «геноцида» должно решаться во всеоружии знания исторических фактов и трезвых геополитических оценок. Историческая справедливость не может быть восстановлена на основании новой несправедливости.

Подведем итоги. В.В. Дегоев и Р.Ю. Ибрагимов справедливо считают: «На Кавказе всегда понимали и понимают, когда государство ведет себя как государство» (53). Д.А. Медведев заявил: «Мы будем делать все возможное для нормализации жизни людей на российском Кавказе». Серьезным шагом на пути претворения в жизнь этого намерения является недавнее решение руководства страны об организации Северокавказского федерального округа с центром в Пятигорске. При этом лицо, возглавившее округ – А. Хлопонин – получило практически прерогативы наместника. А. Хлопонин не только полномочный представитель Президента РФ в СКФО, но и вице-премьер, заместитель председателя правительства по Северному Кавказу (54). Одновременно данное решение Кремля вызывает вопросы у представителей руководства и жителей северокавказских субъектов, в том числе, ученых-аналитиков. Например,

президент Чеченской республики Р. Кадыров, комментируя создание СКФО, при всем своем оптимизме в планах решения проблем Чечни и Северного Кавказа, отмечает, что «у населения возникают вопросы, почему «бедный юг» отсекали от «богатого севера» (55). Еще больше опасений у компетентных экспертов, много лет занимающихся проблемами региона. Прежде всего, они указывают на то, что выделение СКФО приведет его к обособлению от остальной территории РФ и превращению в неподконтрольную федеральным властям территорию. Центром округа фактически может стать Чечня с ее «харизматичным лидером», на Ставрополье начнется укрепление позиций выходцев из северокавказских республик (что собственно, уже и происходит), которое может привести к оттоку русских и русскоязычных из этого края. В.В. Черноус подчеркивает: «В таком случае планы по возвращению русских в мусульманские республики могут оказаться под угрозой, без чего погасить многие явные и тлеющие конфликты невозможно будет в принципе» (56). Развитие мононациональной ситуации в северокавказских субъектах, вытеснение русских и русскоязычных из тех краев, где они сейчас являются основным населением, будет губительно для судеб российской государственности на Северном Кавказе.

В то же время, Президент России не планирует решительных перемен в кадровой политике. Следовательно, кадровой революции, о которой пишут некоторые столичные обозреватели (57), ожидать не стоит. Что же, вполне большевистский подход. В.И. Ленин говорил, что нужно работать с теми кадрами, которые есть. И они должны решить стоящие перед страной проблемы, опираясь на широкую поддержку народа (58). При предыдущей администрации, как утверждают отдельные ведущие аналитики страны, этого сделать не удалось (59). Нельзя не согласиться с Д.А. Медведевым в том, что к числу недугов России относится «уверенность в том, что все проблемы должно решить государство. Либо кто-то еще, только не каждый на своем месте» (60). Эту ситуацию предвидел еще Н.В. Гоголь: «Все будет безуспешно, покуда не

почувствовал из нас всяк, что он также, как в эпоху восстания народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды» (61).

Мы обязаны хранить и беречь наш общий дом - Северный Кавказ, опираясь на вековые традиции российскости, т.е. сотрудничества, совместничества, переплетающегося, между тем и с соперничеством, глубоких политических, духовных и иных связей. И никто не сделает этого за нас. Победить мы сможем только вместе.

Примечания

- 1.Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на семинаре Кавказоведческой школы 8 декабря 2009 г.
2. <http://www.izvestia.ru/politic/article3132919/>
3. http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/27/smutnuy_obyekt_borby/
4. В станице Орджоникидзевская 26.12.09 прогремел взрыв на пути следования автомобиля с сотрудниками ДПС. Об этом сообщил представитель Следственного управления СКП РФ по республике. Взрывное устройство, заложенное на обочине дороги, было приведено в действие в момент проезда машины с автоинспекторами. Обошлось без жертв и пострадавших. <http://news.mail.ru/incident/3205868;> 4.01.10 взрыв произошел недалеко от Назрани на железнодорожных путях в момент прохождения грузового состава, сообщил РИА Новости представитель МВД Ингушетии. По предварительной информации, жертв и пострадавших нет.
- 5.Ханбабаев К.М. Ислам и проблемы обеспечения национальной безопасности в Южном Федеральном Округе//Евразийский проект: кавказский вектор. Южнороссийское обозрение. № 30. 2005, с.103.
6. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. – Ростов-на-Дону, 2004, с.31; Уже в 1995 г. положительно относились к кровной мести 71,5 % респондентов, опрошенных чеченскими социологами (Межиева К.Х. Духовные ценности чеченцев как регулятор общественной жизни и модернизационные процессы// Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. 2009, 3А, с.117).
- 7.Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). – Пятигорск, 2006, с.92 и сл.: Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917–конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Армавир, 2007, с.115-174,199-21; Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. – М.: Плюс-Минус, 2008.
8. Дегоев В., Ибрагимов Р. Россия при Путине. Обретения, тревоги, надежды. – Москва: Издат.дом «Имперіум ХХІ век», 2007, с.205.

9. Они тоже по своему «отметили» новый год, взорвав базу ДПС 6.01.10 в Махачкале. Пятеро сотрудников было убито и 10 ранено. На территорию ДПС в момент развода и построения личного состава базы на легковой автомашине въехал террорист-смертник, который привел в действие взрывное устройство большой мощности (<http://news.mail.ru/incident/3226138/>).
10. 10.01.10 в ходе спецоперации в Махачкале убит один из главарей боевиков Мадрид Бегов, лидер махачкалинской и шамхальской диверсионно-террористических групп /<http://news.mail.ru/incident/3231397/>
11. Мощность обезвреженного силовыми структурами 5.01.10 устройства на федеральной дороге Баксан-Азау составила 50 кг в тротиловом эквиваленте. Его приведение в действие могло бы привести к многочисленным жертвам/ <http://news.mail.ru/incident/3224594/>
12. Ханбабаев К.М. Указ. соч., с.101.
13. www.infox.ru/accident/crime/2010/02/13/Tyelohranityel_Umaro.phtml.
14. [_Http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2008/38/](http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2008/38/)
15. Дегоев В. Ибрагимов Р. Россия при Путине, с.18.
16. Войтоловский Ф.Г. Идеино-концептуальные основы политики США на постсоветском пространстве// Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность. – Москва: ИМЭМО РАН, 2008, с.130.
17. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений, с.7.
18. Там же, с.8.
19. Цит. по: Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Ессентуки, 1999, с.8.
20. Дугин А.Г. Геополитика как эффективный метод современной российской политической теории и практики//Евразийский проект: кавказский вектор. Южнороссийское обозрение. № 30. 2005, с.11-30; Гавриш Г.Б. Неоевразийский проект политико-правовой модернизации Кавказа: теоретико-методологические аспекты// Евразийский проект: кавказский вектор. Южнороссийское обозрение. № 30. 2005, с.31-45; Кузнецов Я.Г., Сидоренко С.Я. Мифы этнорелигиозного традиционализма на Северном Кавказе в контексте геополитических реалий //Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. № 24. 2004, с.70.
21. Цит. по: Добаев И.П. Указ. соч, с.38.
22. Захаров В.А., Арешев А.Г. Расширение НАТО в государства Закавказья: этапы, намерения, результаты. Хроника событий. – М.: МГИМО, 2008; Дударев С.Л. К современной внешней и внутривосточной ситуации на Северном Кавказе//Вопросы южнороссийской истории. Вып.14. – Москва-Армавир, 2008, с.6-9.
23. Филимонова В.А. Политические элиты Грузии, Украины и Киргизии: обновление или ротация?// Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность. – Москва: ИМЭМО РАН, 2008, с.181.
24. Никого не должны убаюкивать заверения Генерального Секретаря НАТО Ф. Расмусена, сделанные 17.12.09 на лекции в МГИМО. Он заявил о том, что НАТО никогда не нападет на Россию, и что нашей стране также не следует

- беспокоиться по поводу расширения альянса за счет стран Восточной Европы и бывших республик СССР. Глава альянса считает, что, когда в 2004 и 2008 годах к НАТО присоединились страны-соседи России, наша страна получила «стабильные границы»! См.: <http://news.mail.ru/politics/3172199/>.
25. Добаев И.П. Указ. соч. с.49-50; Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. – М.: Русская панорама, 2004, с.85.
26. Дударев С.Л. Указ. соч, с.8-9.
27. Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламом //Восток: афро-азиатские общества: история и современность. 2009, № 5, с.98.
28. Добаев И.П. Указ. соч, с.58-65.
29. «Произошедшие «цветные революции» российские элиты расценили однозначно – как заговор внешних сил, стремящихся подорвать стабильность на постсоветском пространстве. По их мнению, режимы в бывших республиках СССР подвергаются угрозе со стороны Запада, не жалеющего средств для их стабилизации. Действительно, Запад категорически не приемлет идею реинтеграции пространства под эгидой России» (Филимонова В.А. Указ. соч., с.184).
30. Дегоев В., Ибрагимов Р. Россия при Путине, с.21.
31. Организация Договора о коллективной безопасности – ОДКБ и перспективы ее развития (Из стенограммы заседания от 5 апреля 2008 г.)//Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. – Москва: Издание Совета Федерации, с.96-97.
32. «Хизб-ут-тахрир аль-исламия» (Исламская партия освобождения) - это организация, запрещенная во всех странах Ближнего Востока и Центральной Азии, но легально действующая в Западной Европе и США (вот где проявляются «двойные стандарты» Запада и, в свою очередь, определенных групп исламистов). Она выступает за изменение государственного строя в мусульманских странах ненасильственными методами. По мнению этой партии, мусульманские страны развиваются неправильно, находясь под слишком сильным влиянием США и Запада в целом, что угрожает исламу (!). Строй в мусульманских странах должен быть изменен и создано исламское государство Халифат, живущее по законам шариата. Все немусульманские государства должны будут платить Халифату дань, а тем, кто откажется, будет объявлен джихад (Международное сотрудничество и роль общественности в противодействии экстремизму и терроризму//Повестка дня для России. Материалы круглых столов Фонда «Единство по имя России» за 2006 год. – М.: Форум, 2007, с.483). Это вполне средневековые установки в духе биполярного деления мира на «дар аль-харб» (земля войны) и «дар аль-ислам» (земля ислама).
33. Общее собрание отделения историко-филологических наук РАН//НиНИ, 2009, № 5, с.9-10.
- 34.Цит. по: Бологова И.В. Политика ЕС в Закавказье и Центральной Азии. Истоки и становление. – М.: Навона, 2008, с.23.

35. Черноус В.В. Конструктивный потенциал трансформации современной геополитической ситуации на Кавказе// Евразийский проект: кавказский вектор. Южнороссийское обозрение. № 30. 2005, с.193.
36. Уткин С.В. Европейская политика соседства в контексте отношений России и ЕС // Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность. – Москва: ИМЭМО РАН, 2008, с.170.
37. Кавказская бомба зловеще тикает//АИФ,30, 2009, с.9.
38. Там же.
39. АИФ, № 30, 2009, с.1. Интервью с генерал-полковником Л. Ивашевым, доктором исторических наук, Президентом Академии геополитических проблем.
40. Не пугаю, но внимание обращаю...//www.opengaz.ru/Дискуссия. 10-17 февраля 2010, с.15.
41. Добаев И.П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа.1999. № 1, с.54-55.
42. Российская газета. 12.02.10. № 30, с.6.
43. Этнократии на Юге России в экспертном измерении /Под ред Ю.Г. Волкова// Южнороссийское обозрение. Вып.47. – Ростов-на-Дону, 2007.
44. Савенко Г.П. Терроризм на Северном Кавказе: исторические предпосылки и региональная специфика/Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008, с.24.
45. Тхагапсоев Х.Г. Мифогенез в новейшей истории российских этносов//Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение, № 24., 2004, с.145.
46. См.: Дударев С.Л. Указ. соч., с.11-12; Курбанов Р. Расползание джихада. Первичные факторы и масштабы радикализации северокавказского ислама// Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение, № 24, 2004, с.84-85.
47. Марченко О.Е. Мусульманское духовенство Северо-Западного Кавказа и степного Предкавказья в системе государственно-конфессиональных отношений в 1920-1930-х гг./ Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Ставрополь, 2008.
48. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. – Армавир-Ростов-на-Дону, 2004; Великая Н.Н. Исламизация Северного Кавказа (VII-XIX вв.). – М.: РИЖ, 2009, с.62 и сл.
49. АИФ, 2009, № 45, с.2.
50. См.: Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы /Под. ред. В.Б. Виноградова. – Москва-Армавир, 2009.
51. Гордин Я. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: Журнал «Звезда», 2008, с.65-71,115.
52. Баранов А.В. Краснодарский край в системе внутренней геополитики России: конфликтогенные факторы// Кавказский проект: евразийский вектор. Южнороссийское обозрение. № 30, 2005, с.144 сл. Отметим, кстати,

- что указанный автор на с.148-149 данной статьи пишет: «Большинство адыгов после завершения Кавказской войны (1864 г.) было принудительно выселено в Османскую империю». Такое заключение не соответствует выводам ведущих и наиболее компетентных современных кавказоведов. «Ответственность за трагический эпилог Кавказской войны лежит не сколько на русском царизме, сколько на Турции и Англии, стремившихся сформировать из переселенцев целую армию для использования ее против России и национально-освободительного движения в Османской империи» (Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», с.449).
53. Дегоев В.В., Ибрагимов Р.Ю. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. – М.: Издательский Дом «Империи-XXI век», 2006, с.81.
54. Новый глава Северного Кавказа сразу выступил с преобразовательскими планами. Он планирует создание госкомпании, целью которой будет развитие туризма в регионе. Хлопонин выступил с проектом «Высота 5642» (самая высокая точка Эльбруса – *Авт.*). В числе основных мероприятий проект предусматривает создание нескольких горных курортов на Северном Кавказе (см. подробнее: <http://www.forbesrussia.ru/node/43476/print>). Начинание А. Хлопонина имеет исторические корни. Еще А. Бестужев-Марлинский пророчески предлагал: «Проложите сюда чугунную дорогу, осветите газом пещеры – логовища барсов, нажарьте из них котлетов на парах и постройте гостиницы там, где блестит винтовка горского разбойника, так будьте уверены, что английские милорды и набобы не пожалеют тысяч фунтов стерлингов за виды, которыми пользуюсь я теперь за восемь копеек за версту» (Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты// Бестужев Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: ГИХЛ, 1958, с.202-203). Считается, что А. Хлопонин сумеет справиться с проблемами Северного Кавказа, так как материально независим (проще – богат; сподвижник олигархов Прохорова и Потанина) и не связан с кавказскими клановыми структурами/<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/01/20/223302>
55. Российская газета. 12.02.10. № 30, с.6. Впрочем, именно Чечня вряд ли может жаловаться сегодня на такое «отсечение».
56. Не пугаю, но внимание обращаю...//www.opengaz.ru/Дискуссия. 10-17 февраля 2010, с.10.
57. Костиков В. Какая «виагра» нужна России? /АИФ, № 31, 2009.
58. Дударев С.Л. Письма о России //Политико-правовые и социально-экономические трансформации России в XX – начале XXI в. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. – Армавир, 2009, с.72.
59. Материалы обсуждения «Послания Президента Владимира Владимировича Путина Федеральному собранию Российской Федерации»// Повестка дня для России. Материалы круглых столов Фонда «Единство по имя России» за 2006 год. – М.: Форум 2007, с.122.
60. <http://www.izvestia.ru/politic/article3132919/>

Информации

А.Л. Пелих

О ФИНАНСИРУЕМЫХ ИЗ ВНЕШНИХ ИСТОЧНИКОВ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И ЕЕ ПРЕДШЕСТВЕННИЦ, КАФЕДР РСИД И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, В 2005-2009 гг.

Как известно, одним из главных параметров характеристики состояния научно-исследовательской работы в вузах является связь этой работы с практикой [Нагучев, 1992, с.22], что в первую очередь выражается в готовности тех или иных заинтересованных структур финансировать научно-исследовательскую работу по тому или иному направлению.

Принцип прямой зависимости объема финансирования научных исследований от уровня научного потенциала в вузовской системе последовательно постулируется правительственными структурами Российской Федерации на протяжении начала XXI века.

Так, в соответствии с приказами Минобразования России от 29.06.2000 №1965 и от 22.10.2001 №3414, объем финансирования научных исследований на единицу ППС должен был составлять в университете не менее 6,2 тыс. рублей. С 1 января 2006 г. вступил в силу и действует до сих пор следующий приказ, № 1938 от 30.09.2005, руководителя Рособнадзора «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений». В соответствии с ним среднегодовой объем научных исследований на единицу научно-педагогического персонала должен быть в университете не менее 18 тысяч рублей. Иначе говоря, ныне, чтобы подтвердить свой университетский статус, коллектив вуза должен изыскивать средства, как из внутренних, так и из внешних источников, необходимые для финансирования своих научно-исследовательских работ в среднем объеме не менее 18 тысяч рублей в год на каждого научного сотрудника и преподавателя.

Внутренние источники финансирования – это внебюджетные средства вуза, то есть средства, заработанные вузом самостоятельно за счет коммерческой деятельности и пущенные на науку. При этом доля этих внутренних источников при финансировании НИР, как обычно считается, не должна превышать $\frac{1}{2}$ общей суммы.

Остальные средства должны поступать из внешних источников по т.н. «научным» статьям сметы.

Внешнее финансирование научно-исследовательской работы в АГПИ было практически прекращено в начале 1990-х гг., с разрушением советской системы поддержки науки, и возобновлено в начале 2000-х гг. [Пелих, 2009, с.5-6].

Первым из вновь появившихся источников финансирования стали тогда еще немногочисленные гранты Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований, совместные с Администрацией Краснодарского края, полученные тремя коллективами ученых АГПИ в 2000 году [Отчет..., 2000, табл.1].

Знаменательным для вуза в целом и для кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин в частности стал 2001 г., когда возобновилось внешнее финансирование научных работ на хоздоговорной основе: с осени 2001 г. началась реализация финансируемого из внешних источников проекта археологами – сотрудниками кафедры РСИД. Именно археологи-полевики (под руководством Е.И. Нарожного и П.В. Сокова, с помощью других сотрудников кафедры, в первую очередь В.Б. Виноградова и А.Л. Пелиха) с этого времени стали основными реализаторами вузовских научных хоздоговоров. Выделенные на первый хоздоговор средства – 1542 т.р. – были зафиксированы в отчете АГПУ за 2002 год [Отчет..., 2002, табл.1]. Позднее на базе кафедры был образован Центр археологических исследований, основной задачей которого как раз и является хоздоговорная научная деятельность.

С самого начала своей деятельности центр археологических исследований был обособленным подразделением вуза, однако его работа до середины 2008 г. осуществлялась под патронажем кафедры РСИД (руководители ЦАИ – штатные сотрудники кафедры). На августовском 2008 года заседании Ученого совета АГПУ, по инициативе Е.И. Нарожного, было принято решение о полной официальной независимости ЦАИ от кафедры. Повторим, что де-юре так оно было и до этого. Но де-факто даже после упомянутого постановления связь ЦАИ с кафедрой всеобщей и региональной истории как со структурным подразделением исторического факультета не прервалась: директор и главный специалист ЦАИ остаются сотрудниками кафедры ВиРИ; студенты и аспиранты исторического факультета АГПУ активно привлекаются, в первую очередь в рамках учебной археологической практики, к реализации хоздоговорных проектов ЦАИ.

Однако, во избежание недоразумений, в нашем докладе мы характеризуем как выполненные сотрудниками кафедры именно хоздоговорные археологические проекты до 2008 г.

Данные по финансированию научной деятельности приводятся из официальных отчетов АГПИ-АГПУ о НИР, составлявшихся для Министерства образования и науки РФ (копии хранятся в архивном отделе вуза). Использовались также материалы докладов автора, представленных на Ученом совете АГПИ-АГПУ в 2004-2008 гг.

Табл. 1. Реализация научных хоздоговорных проектов кафедрой РСИД (в тыс. р.)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	в среднем в год
РСИД	1542	478	1737	585	1175,3	1337	1142,4
Вуз в целом	1542	478	1754	585	1175,3	1337	1145,2

Табл.2. Хоздоговорные проекты кафедры РСИД:

Название проекта	Заказчик	Год работ по проекту	руководитель проекта
Исследования 40 курганов в окрестностях ст. Крепостной Северского района	Консорциум "Голубой поток" (Россия-Турция); посредник: комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2001-2002	Нарожный Е.И.
Раскопки 12 курганов в зоне строительства жилого КС "Краснодарский"	Консорциум "Голубой поток" (Россия-Турция); посредник: комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2002	Нарожный Е.И.
Археологические работы в окрестностях пос. Заветный Новокубанского района	ООО «Черномортранснефтьсервис»; посредник: Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2003-2004	Нарожный Е.И.
Охранно-спасательные археологические исследования двух курганов в зоне ремонта нефтепровода «Малгобек-Тихорецк» в Успенском районе	ООО «Черномортранснефтьсервис»; посредник: Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2004	Нарожный Е.И.
Археологические работы на раннесредневековом поселении «Ханьков-1»	ОАО «Роснефть», ГУП «Наследие Кубани»	2005	Нарожный Е.И.
Археологические работы на комплексе раннесредневековых памятников у хут. Горькая Балка	Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2005	Нарожный Е.И.

Охранно-спасательные исследования поселения "Пруд" и могильника № 1 у хут. Горькая Балка в Новокубанском районе	Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2006	Соков П.В.
Охранно-спасательные археологические исследования участка поселения (средневековые-античность) в зоне строительства терминала концерна ОАО "Тольяттиазот" в Темрюкском районе	ОАО «Тольяттиазот»	2006-2007	Нарожный Е.И.
Охранно-спасательные археологические исследования курганов в зоне карьера ОАО "Мостовской дробильно-сортировочный завод"	ОАО «Мостовской дробильно-сортировочный завод»	2006-2007	Нарожный Е.И.
Охранно-спасательные археологические исследования курганов в зоне расширения территории городского кладбища г. Курганинска в Курганинском районе	Администрация г. Курганинска, Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2006-2007	Нарожный Е.И.
Археологические работы на комплексе раннесредневековых памятников у хут. Горькая Балка	Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края	2007	Соков П.В.
Охранно-спасательные археологические исследования кургана в промзоне г. Армавира	ЗАО "Армавирский металлургический завод"	2007	Нарожный Е.И.
Исследование кургана в зоне ремонта газопровода у ст. Ленинградской Ленинградского района Краснодарского края	ОАО "Газпром"- "Краснодарнефтегаз"	2007	Нарожный Е.И.
Охранно-спасательные археологические исследования кургана малого диаметра в зоне строительства круглогодичного детского санатория "Дагомыс" в Геленджикском районе Краснодарского края	ОАО "Спецстрой России"	2007	Нарожный Е.И.

Как видим, хоздоговорная деятельность по иным, кроме археологического, направлениям научной работы АГПИ-АГПУ по объему финансирования практически не видна.

Однако полевая археология, при этом сугубо хоздоговорная, никогда не являлась единственным для кафедры РСИД и кафедры всеобщей истории направлением научной работы, имеющей прямой выход на ее финансирование из внешних источников. Более того, сама полевая археология возникла в АГПИ первоначально на сугубо бескорыстных началах. И продолжает существовать на кафедре и вне рамок хоздоговорного ЦАИ.

С 2003 года сотрудники кафедры стали оформлять заявки на внешнее финансирование своих проектов по грантам Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Пионерами здесь являлись В.Б. Виноградов, Е.И. Нарожный, А.Л. Пелих – они оформили свои заявки на 2004 г.

Однако успех в этом направлении пришел не сразу. Потребовалась некоторая наработка опыта в оформлении заявок. Кроме того, получение финансирования от научных фондов – всегда некоторого рода лотерея, всегда проходит на конкурсной основе. И у каждого из конкурсов своя специфика.

Но работа не пропала даром: с 2006 г. кафедра стала получать финансовую поддержку от РГНФ – крупнейшего государственного научного фонда гуманитарного направления – в рамках его совместных с администрацией Краснодарского края программ.

Табл.3. Работы по проектам, поддержанным российскими государственными научными фондами (в тыс. р.)

	2005	2006	2007	2008	2009	в среднем в год
Кафедра ВиРИ ¹	0	90	90	190	0	74
Вуз в целом	262,5	512,5	430	870	1624	739,8

Табл. 4. Тематика проектов, поддержанных РГНФ:

Название проекта	Год работ по проекту	Руководитель
Металлическое производство на Северо-Западном Кавказе в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.): научно-исследовательский проект	2006-2007	Пелих А.Л.
Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и	2008	Дударев С.Л.

¹ Здесь и далее – кафедра всеобщей и региональной истории и ее предшественницы

исторические вызовы: научное мероприятие		
Формирование городской инфраструктуры Предкавказья во второй половине XIX – начале XX века: научно-исследовательский проект	2008	Ктиторов С.Н.

Также у сотрудников кафедры есть опыт работы по научно-исследовательским проектам в рамках научной программы Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы». Имеется в виду проект А.Л. Пелиха «Исследование особенностей эволюции научного знания в России в XX веке», реализация которого осуществлялась коллективом специалистов, включавшим в себя 4 докторов и 8 кандидатов наук.

Табл. 5. Реализация проектов в рамках программ Федерального агентства по образованию (в тыс. р.)

	2005	2006	2007	2008	2009	в среднем в год
Кафедра ВиРИ	0	0	260,4	978,74	1233	494,4
Вуз в целом	103,5	591,4	1120,4	5626,8	4686	2425,6

Активная работа кафедры ВиРИ по поиску внешнего финансирования своих научных проектов и их дальнейшему осуществлению позволила кафедре занять достойное место в этой сфере в целом в университете:

Табл. 6. Реализация кафедрой ВиРИ и ее предшественницами научных проектов, имевших внешнее финансирование на базе АГПУ² (в тыс. р.)

	2005	2006	2007	2008	2009	в среднем в год
Кафедра ВиРИ	585	1265,3	1687,4	1168,74	1233	1187,9
Вуз в целом	951	2279,2	2887,4	7847,8	10000	4793,1

Как видно, силами кафедры в течение последних 5 лет осваивалось в среднем 1/4 всех внешних финансовых средств, выделенных АГПУ на научные работы. При этом в среднем на сотрудника кафедры ежегодно приходилось более 79 тыс. руб. этих средств, что значительно превосходит требуемый для университета уровень:

Табл. 7. Объем финансируемых из внешних источников научных исследований на единицу научно-педагогического персонала (в тыс. р.)

	2005	2006	2007	2008	2009	в среднем в год
Кафедра	39	84,35	112,49	77,92	82,2	79,19

² Сведения по финансированию НИР АГПУ в 2009 г. приблизительные, на основе данных на февраль 2009 г.

ВиРИ						
Вуз в целом	2,71	6,16	8,3	20,54	26,32	12,81

Как можно заметить, средний объем внешнего финансирования исследований кафедры более чем в 6 раз выше среднего общеуниверситетского.

Стараясь искать внешние источники финансирования, кафедра относительно редко оформляла заявки на внутреннее финансирование своих научных проектов. Это объясняется прежде всего пониманием коллективом кафедры ограниченности финансовых возможностей нашего вуза. За все время существования конкурса научных проектов внутривузовского фонда «Наука и образование» кафедра оформляла на него 4 заявки.

Табл. 8. Поддержка научных проектов кафедры фондом «Наука и образование» АГПУ:

Название проекта	Год работ по проекту	Руководитель
«I Сиротенковские чтения»: научное мероприятие	2007	Дударев С.Л.
Металлическое производство на Северо-Западном Кавказе в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.): научно-исследовательский проект	2007-2008	Пелих А.Л.
«Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы»: научное мероприятие	2008	Дударев С.Л.

Работа кафедры в рассматриваемом нами направлении проводится постоянно. Есть надежды и на 2010 год. В 2009 г. были оформлены заявки на реализацию в будущем трех проектов в рамках конкурсных программ РГНФ и администрации Краснодарского края.

Табл. 9. Заявки на финансирование научных проектов в рамках конкурсов РГНФ-2010

Название проекта	Организатор конкурса	Руководитель	Заявленные соисполнители
Сайт «Российский Северный Кавказ»	РГНФ	Дударев С.Л.	Виноградов В.Б., Пелих А.Л., Великая Н.Н., Голованова С.А., Ктиторов С.Н., Приймак Ю.В.
Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.)	РГНФ - администрация Краснодарского края	Пылков О.С.	
Особенности военно-дипломатической, этнополитической и хозяйственной ситуации в Северо-Восточном Причерноморье в период кризиса крымско-османской вассально-	РГНФ - администрация Краснодарско	Приймак Ю.В.	Пелих А.Л.

союзнической системы и включения региона в состав России (конец XVII – первая треть XIX вв.)	го края		
--	---------	--	--

Оформлена кафедральная заявка в рамках конкурса по ведомственной научной программе Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школ, подпрограмма 1 «Фундаментальные исследования», раздел 1.1 «Исследования, выполняемые в рамках тематических планов».

Кроме того, в планах кафедры повторить попытку (первая была 2 года назад) заявления проекта научной школы В.Б. Виноградова на конкурс Совета по грантам при Президенте России.

Пожелаем всем нам в этом успеха.

Примечания

1. Нагучев Д.М. Высшая школа на Северном Кавказе: история и современность. – Майкоп, 1992.
2. Отчет о научной деятельности. Армавирский государственный педагогический институт. Образовательное учреждение высшего профессионального образования. 2000 год. Армавир.
3. Отчет о научной деятельности. Армавирский государственный педагогический институт. Образовательное учреждение высшего профессионального образования. 2002 год. Армавир.
4. Пелих А.Л. Научная работа в АГПИ-АГПУ на рубеже веков (1990-е – 2000-е гг.) // Социокультурные трансформации в России: исторический опыт, проблемы, перспективы. Материалы научно-практической конференции (сборник статей) – Армавир, 2009.

С.Н. Ктиторов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В числе главных направлений жизнедеятельности известной научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова можно выделить научно-исследовательскую; учебно-методическую; воспитательную; просветительскую; общественную и др. Одну из приоритетных позиций в этом ряду занимает обширная публикационно-издательская деятельность.

Основные научные интересы кавказоведческого коллектива В.Б. Виноградова лежат в области генеральной темы: «История Северо-Западного Кавказа и всего северокавказского региона в контексте «Российскости» как парадигмы политико-культурного единства». В рамках указанной проблематики плодотворно ведется исследовательская работа, результатом которой являются многочисленные печатные издания, группирующиеся по следующим тематическим сериалам:

- Вопросы южнороссийской истории;
- Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа;
- Материалы аспирантско-преподавательских семинаров;
- Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе;
- Российские исследователи Северного Кавказа;
- Северокавказские историки-краеведы;
- Региональный компонент в образовании;
- Археологические памятники Северного Кавказа;
- Чтения по археологии Средней Кубани;
- Лики российской истории Северного Кавказа;
- Практические опыты исторического регионоведения;
- Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа;
- Из эпистолярного наследия.

Получить более наглядное представление о масштабах издательской деятельности Школы можно на примере новейших публикаций, вышедших в свет в последние три года, начиная с 2007 г. В этот период изданы следующие работы:

1. Четырнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). – Армавир, 2007.
2. В.Б. Виноградов, И.Г. Черноусова Из эпизодов «лермонтовского Кавказа». – М. – Армавир, 2007.

3. В.Б. Виноградов, И.А. Дьяков. Очерк накопления европейско-российских монетных находок XV-XVIII вв. на Северном Кавказе. – М. – Армавир, 2007.
4. В.Б. Виноградов, И.А. Дьяков. Опыт регионального реестра европейско-российских монетных находок и кладов XV-XVIII вв. – М., Армавир, 2007.
5. Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (материалы научно-педагогического семинара). – М.; Армавир, 2008.
6. Приязни добрые плоды / под ред. В.Б. Виноградова, С.Н. Лукаша. – Армавир, 2008.
7. В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников. – М.; Грозный; Армавир, 2008.
8. Вопросы южнороссийской истории. Вып. 14/ Под ред. С.Н. Ктиторова. – М.; Армавир, 2008.
9. В.Б. Виноградов, К.А. Бараненко. У истоков русско-кавказского знакомства и партнерства. – М.; Армавир, 2008.
10. Материалы Межрегиональной научной конференции «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы» (к 70-летию В.Б. Виноградова). – Армавир, 2008.
11. В.Б. Виноградов, И.Г. Черноусова. Феномен И.Л. Андроникова (к 100-летию со дня рождения). – М.; Армавир, 2008.
12. Скиба К.В. Учебная программа курса «Из истории присоединения Кавказа к России». Для студентов исторического факультета АГПУ. Армавир, 2008.
13. Кавказовед Виталий Борисович Виноградов (1938 г. р.). Биографические сведения. Библиография трудов: Российские исследователи Кавказа. Вып. 28. М.-Армавир, 2008.
14. Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о А.А.Бестужеве-Марлинском на Кавказе: Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 52. М. - Армавир, 2008.

15. Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: Материалы 16 всероссийской межвузовской конференции. - Армавир, 2008.
16. Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Шестой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Краснодар-Армавир, 2008.
17. Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008.
18. Дударев С.Л. Это было недавно, это было давно... Очерки истории и повседневного быта одной семьи в интерьере эпохи. – Армавир-Ставрополь, 2008;
19. Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: материалы научно-педагогического семинара. Вып.12. М.-Армавир, 2009.
20. Дневник кубанского пластуна на Кавказском фронте (1915-1916 гг.). - Армавир, 2009.
21. Пятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). - Армавир, 2009.
22. Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы: Материалы 13-го научно-педагогического семинара. М.-Армавир, 2009.

Вот уже свыше 10 лет издается газета научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова «Акинак», на страницах которой отражаются многообразные грани жизни нашего коллектива.

Все вышеуказанные печатные разработки распространяются среди студентов и широко используются ими в самостоятельной работе. Формы этой работы уже стали традиционными и заключаются в следующем:

- подготовка по материалам литературы ответов на семинарских и практических занятий;
- написание на основе сведений из кавказоведческих изданий докладов и рефератов;

- широкое привлечение публикуемых материалов при написании курсовых и дипломных работ;
- использование литературы при подготовке докладов на внутривузовской «Неделе науки»;
- проработка данных учебно-методических и научно-популярных работ при подготовке к сдаче экзаменов и зачетов;
- использование печатных материалов при подготовке студенческих публикаций (здесь следует отметить, что немалую часть объема публикуемой кафедральной литературы составляют собственно статьи и тезисы студентов, занимающихся под руководством преподавателей нашего коллектива);
- применение материалов литературы на школьных уроках студентами-практикантами исторического факультета.

Все опубликованные издания носят учебно-методический и просветительский характер, будучи ориентированы на широкую студенческую и учительскую аудитории. Эта литература активно используется как студентами при изучении регионоведческих курсов, так и школьными учителями на уроках по краеведению. Значимость издательской работы кавказоведческого научно-педагогического коллектива В.Б. Виноградова подкрепляется тем обстоятельством, что в школах Краснодарского края в качестве обязательного для изучения введен курс «Кубановедение», и это делает наши регионоведческие публикации все более востребованными в средних образовательных учреждениях.

Л.Н. Хлудова

КОНФЕРЕНЦИИ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В.Б.ВИНОГРАДОВА (2005-2009 ГГ.)

Организация научно-практических конференций на базе АГПУ, активное участие в региональных, межвузовских, всероссийских и международных конференциях – отличительная черта работы коллектива, сложившегося под

руководством В.Б.Виноградова. Первой такой конференцией в нашем АГПИ, организованной прибывшими на Кубань членами грозненского коллектива Виталия Борисовича – С.Л. Дударевым, С.А. Головановой, Н.Н. Великой. Е.И. Нарожным был студенческо-преподавательский семинар «К изучению историко-культурного прошлого Прикубанья», проведенный в 1992 г. Материалы этого семинара были опубликованы, и в сборник попали как работы преподавателей, так и студентов только зарождающегося исторического факультета. В дальнейшем практика привлечения к участию в конференциях студентов, публикация их первых работ, самостоятельных или в соавторстве с преподавателями, станет доброй и плодотворной традицией нашего коллектива. Возможность участвовать в конференциях, выступать с сообщениями и докладами, готовить материал для публикаций открывает широкие перспективы для оформления и становления молодых научных кадров. Неоценимую пользу приносит участие в конференциях регионального, всероссийского и международного масштаба, позволяя общаться с коллегами, устанавливать полезные научные и дружеские контакты.

Одной из первых, рассчитанных на массовое участие студентов, аспирантов стала конференция «Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа» (в момент своего появления в 1993 г. она называлась «Археология и краеведение Кубани»), а в 2008 г. состоялась уже 16 всероссийская межвузовская конференция по данной проблематике, в которой приняли участие более 30 человек, половина из которых – студенты и аспиранты.

Традиции организации многих конференций пришли из опыта грозненской школы. Первая научно-практическая конференция «Археология и краеведение – вузу и школе» состоялась в 1981 г. На Кубани она была возобновлена под названием «Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе» в 1995 г. и с тех пор стала регулярной (один раз в два года). По замыслу она носит научно-

просветительский характер. В 2009 г. был собран уже 11 выпуск материалов этой конференции. Спецификой ее, как и других мероприятий подобного рода остается необычайно пространная хронологическая-проблемная палитра материалов – от древнейших времен до начала XX века. А главным аспектом исследовательского анализа и пропагандистского применения являются актуальные аспекты сложного и многомерного, но добровольного в своей основе строительства единого Российского государства.

Традиционной стала конференция «Чтения по археологии Средней Кубани», которая ежегодно проводится на историческом факультете. Сборники материалов, публикуемые по итогам работы конференций, готовятся на основе полевых и кабинетных археологических исследований

В 2008 г. состоялась 6-я Международная Кубанско-Терская научно-практическая конференция «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа», собравшая более 50 участников. В ней традиционно участвуют не только представители вузов юга России, Москвы и Санкт-Петербурга, но также ученые ближнего и дальнего зарубежья – Беларуси, Венгрии, Германии, Испании, Польши, Узбекистана, Украины. Она проводится при содействии краевого общественного фонда культуры Кубанского казачества «Линеец», и обеспечивает дальнейшее археолого-этнографическое и фольклорно-лингвистическое изучение именно линейного казачества, определяя его место в историческом и культурно-образовательном поле России.

В 1989 г. в ЧИГУ зародилась такая форма работы Кавказоведческой школы, как проведение научно-педагогических семинаров, которые на Кубани проводятся с 1999 г. По традиции, на них собираются самые разные участники – от докторов наук до аспирантов, учителей и студентов. А материалы представленные к обсуждению обязательно публикуются.

Коллектив школы старается следить и реагировать на появление многочисленных монографий, учебных пособий и сборников трудов касающихся проблем истории и современного развития Северного Кавказа, которые издают центральные российские, краевые и региональные издательства. Необходимость своевременного знакомства с этой литературой, умение в этой связи отстаивать свои принципиальные подходы в должной степени осознается всеми членами коллектива. В 2006 г. в рамках кавказоведческой школы проведено обсуждение монографии В.А. Матвеева «Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства». Материалы этого заседания вошли в очередной научный сборник «Вопросы южнороссийской истории». При всем том, что на подобного рода «круглых столах» каждый имеет и высказывает свою точку зрения на обсуждаемый вопрос, общая тональность выступлений не оставляет сомнений, что неперенным составляющим приоритетным фактором в освещении российско-северокавказских отношений должно быть осознание Северного Кавказа как органической части многонационального государства

Весной 2007 г. состоялось очередное, десятое заседание нашего коллектива, посвященное 15-летию деятельности кавказоведческой школы на Кубани. В работе семинара и издании сборника материалов приняли участие коллеги и друзья из учебных заведений Краснодарского края, Белгородской области, Москвы, Ставропольского края, Чечни, Ингушетии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии.

В том же году состоялось обсуждение полемической и концептуальной статьи краснодарского историка Д.Сеня, посвященной актуальным проблемам осмысления «историописания» Северо-Западного Кавказа. Материалы этого 11-го семинара, посвященного 45-летию кавказоведческой школы вошли в очередной сборник «Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе).

В декабре 2007 г. на очередном заседании были даны оценки коллективному труду «Северный Кавказ в составе российской империи», выпущенному в качестве учебного пособия. Обмен мнениями собрал немалую группу преподавателей, аспирантов и студентов, которые поделились своими мыслями о том, каким может и должно быть историческое исследование, рекомендованное учащейся молодежи.

Научная конференция, посвященная 70-летию В.Б. Виноградова, состоялась в апреле 2008 г. В сборнике «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы», вышедшем по итогам работы конференции, опубликовано более 30 работ, авторы которых изложили свое видение проблем развития российско-северокавказских отношений, приобретающих особое звучание на современном этапе. Можно отметить, что материалы эти изданы при финансовой поддержке РГНФ, администрации Краснодарского края, фонда «Наука и образование» АГПУ

В начале мая 2009 г. в Армавире состоялся очередной, 13-ый семинар, посвященный принципиально новым тенденциям в толковании процесса формирования российско-северокавказского единства, нашедшим отражение в монографии Ш.А. Гапурова, Д.Б. Абдурахманова, А.М. Израйилова «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в.» В работе авторы утверждают, что российская политика на Северном Кавказе до конца XVIII в. была адекватна двусторонним интересам России и горцев, а затем начинается период колониальной экспансии, во время которого горские набеги являлись партизанской формой борьбы с русскими колонизаторами. Объектом обсуждения стали также опубликованные в Интернете острые и неоднозначные выступления историков, политологов (в частности, А. Шмулевича, И. Ильинина), в центре внимания которых находится тема «Кавказской войны», и, особенно, геноцида (холокоста) адыгов, подогревающая деструктивные настроения в регионе.

По итогам работы семинара вышел сборник материалов «Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства, перспективы» в котором участвовали историки из Краснодара, Майкопа, Пятигорска, Славянска–на-Кубани, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Черкесска. В целом, в сборнике отчетливо прослеживается стремление представителей школы противопоставить откровенно провокационным и разрушительным толкованиям истории региона свое понимание концепции русско-кавказской интеграции, получившей название «российскости».

Кроме участия в работе конференций на базе АГПУ, члены Кавказоведческой Школы стремятся к максимальному расширению своих профессиональных контактов, стремясь к общению научному и дружескому с живущими во многих городах и регионах коллегами. Представленный ниже перечень конференций, в работе которых принимают участие члены кафедры ВИРИ (С.Л. Дударев, С.Н. Ктиторов, А.Л. Пелих, Ю.В. Приймак, А.А. Цыбулькинова, Л.Н. Хлудова, П.В. Соков и др.) и истории России (Н.Н. Великая, С.А. Голованова) далеко не полон, но позволяет оценить масштабы работы в этом направлении.

Традиционными стало участие членов кафедры ВИРИ (С.Л. Дударев, П.В. Соков, А.Л. Пелих) в региональных и международных конференциях по археологии, таких, например, как: Международная Кубанская археологическая конференция; "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа; Первая Абхазская Международная археологическая конференция» (Сухум, 2006); Международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века» (Ростов-на-Дону, 2007) и др.

Статус всероссийских и международных имеют конференции, посвященные различным аспектам истории Северного Кавказа, в работе которых также участвуют представители нашей школы, работающие на кафедрах ВИРИ и истории России АГПУ: «Провинциальный город в XVIII –

XXI вв. (история, экономика, культура)» (Кизляр, сентябрь, 2008); «Всероссийская научная конференция «Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика» (Ростов-на-Дону, Владикавказ, октябрь, 2008); «Международная научная конференция «Гендерное равноправие в России» (Санкт-Петербург, 2008)»; «Международная научно-практическая конференция «Торцы Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX в. за свободу и независимость: спорные вопросы и новые дискуссии», (Дербент, июнь, 2009); «Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость. Международная научная конференция», (Иваново, 2008); «Российское казачество: проблемы истории и современность. Всероссийская научно-практическая конференция, (Тимашевск, 2006); «Сочи преолимпийский: проблемы и перспективы развития Всероссийская конференция. XIII Адлерские чтения», (Адлер, 2008); «Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Всероссийская научная конференция», (Ростов н/Д., 2008); «Чеченцы в сообществе народов России (посвящена 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни). Всероссийская научно-практическая конференция, (Грозный, 2008); «Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России. Всероссийская научно-практическая конференция. XV Адлерские чтения (Адлер, 2009); «Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX - начале XX века. Всероссийская научная конференция», (Карачаевск, 2009); «Всероссийская научно-практическая конференция «Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез)», (Армавир, 2007).

Нельзя не упомянуть региональные исторические, историко-этнографические, литературоведческие конференции, в которых принимают участие представители нашего коллектива: «Конференция грантодержателей регионального конкурса РГНФ и администрации Краснодарского края. Северный Кавказ: традиции и современность» (Краснодар); «Лермонтовские чтения» (Ярославль); конференция «Казачество Юга России в процессах

становления и развития российской государственности» (Урюпинск); «Сбережение народа: традиционная народная культура. Научно-практическая конференция (Краснодар); «Мир материнства и детства этносов и этнических групп ЮФО и Кубани. Научно-практическая конференция» (Краснодар); «Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России» (Краснодар) и многие другие.

В сентябре 2009 г. часть коллектива Кавказоведческой Школы, преподающая на кафедре ВИРИ, участвовала с докладами и выступлениями в работе конференции дружественного нам института СГУ - «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: IX "Минаевские чтения" по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа».

Подводя некоторые итоги сложной, многогранной деятельности нашего коллектива, можно отметить, что организация и участие в научных и научно-практических конференциях была и остается приоритетным направлением деятельности школы В.Б.Виноградова, даже в условиях растущих трудностей, связанных с их материально-техническим обеспечением.

А.А. Цыбулькикова

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЯ В АГПУ

В 1999 году по инициативе кафедры Регионоведения и специальных исторических дисциплин, возглавляемой д.и.н., профессором В.Б. Виноградовым, в нашем тогда еще институте возникла археолого-этнографическая экспозиция, в которой находилось более 100 экспонатов. Для создания экспозиции ректорат заказал специальные шкафы С БОЛЬШИМИ ВИТРИНАМИ, которые были размещены в аудитории №18.

Тематически выставочные материалы были разделены на четыре раздела:

1. Кубань в древности (до 4 в. н.э.)
2. Эпоха раннего Средневековья (4-12 вв.)

3. Кубань в 13-18 вв.

4. Из историко-этнографического наследия (19 – нач. XX в.)

Большая часть экспонатов была предоставлена профессором В.Б. Виноградовым из его личной коллекции, которая сформировалась за долгие годы практической археологической работы в Чечено-Ингушетии и на Кубани. Остальные предметы поступили от членов его Кавказоведческой школы, многие из которых являлись преподавателями исторических кафедр института. Техническое оснащение и размещение музейных предметов производилось преподавателями и сотрудниками кафедры РСИД.

С первых месяцев существования музейной экспозиции по ней преподавателями кафедры начали проводиться экскурсии для сотрудников и студентов института, а также его гостей. Одним из первых оставил свою запись в «Книге отзывов о посещении музея кафедры РСИД» первый проректор, д.и.н., профессор А.А. Панарин. В ней говорилось: «Сегодня в жизни исторического факультета очень важное и яркое событие – создание интересной и полезной с точки зрения познавательного эффекта экспозиции, которая будем надеяться, станет началом музея».

Приятное впечатление производила музейная экспозиция и на гостей института. Так, 24 марта 2000 г. видный немецкий ученый доктор Анатолий Наглер оставил в «Книге отзывов...» следующую запись: «Был счастлив увидеть в Армавире своих друзей и своего учителя В.Б. Виноградова. Как всегда активные, горящие своей наукой, делающие ее дальше. Результат уже виден в витринах. Выставка обещает быть большой и интересной. Надеюсь в следующий приезд увидеть музей археологии этого интересного региона Кавказа».

Другой посетитель - московский ученый, видный кавказовед и лермонтовед, доцент МГИМО В.А. Захаров записал: «...Лаборатория, возглавляемая В.Б. Виноградовым, создала новое направление в краеведении, сделав его высоконаучным достижением исторической мысли на Северном Кавказе».

Ставропольский исследователь З.Б. Кипкеева, первая женщина карачаевка - доктор исторических наук, после посещения нашей экспозиции написала: «Хочу выразить свой восторг работой кафедры регионоведения и академика Виноградова. Замечательные издания свидетельствуют о кропотливом, упорном труде Исторической Школы. Стенды с археологическими экспонатами уникальны. Студентам АГПИ повезло!»

Известный пятигорский ученый д.и.н., профессор Ю.Ю. Клычников так оценил свои впечатления от экспозиции: «Прекрасное начинание коллег из Армавира позволяет быть уверенным, что археология, этнология и история Среднего Прикубанья находится в руках равнодушных, инициативных людей и опытных профессионалов. Ваш опыт будет интересен и другим вузам».

Видный краснодарский историк, д.и.н. О.В. Матвеев оставил такую запись: «Всегда поражаюсь энтузиазму и творческому настрою Школы В.Б. Виноградова. Экспозиция замечательная и заставляет по-доброму завидовать армавирским коллегам».

Уже за первый год существования экспозиции положительную оценку ей дали, помимо выше перечисленных, ученые из Белоруссии, Екатеринбурга, Кисловодска и других городов. Большое впечатление экскурсии преподавателей кафедры производили на школьников края, которые также оставили свои записи в «Книге отзывов...»

Таким образом, созданная в 1999 году под эгидой кафедры РСИД археолого-этнографическая музейная экспозиция, размещавшаяся в кабинете №18 стала базой для проведения экскурсий не только для студентов и работников вуза, но и для гостей института, среди которых были политики, работники образования, студенты и школьники. Материалы экспозиции использовались в качестве наглядности при проведении семинарских занятий, отвечая как учебно-воспитательным, так и научно-просветительским целям.

По мере позитивного развития вуза (чему ярким подтверждением является преобразование его в университет) все больше возникала необходимость в расширении музейной экспозиции и создании отдельного

историко-регионоведческого музея как структурного подразделения АГПУ, что и было осуществлено по инициативе ректората в этом году.

Вполне закономерно, что именно Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова оказала главную помощь в формировании фондов нынешнего университетского историко-регионоведческого музея. Так, личная археолого-этнографическая коллекция профессора В.Б. Виноградова обеспечила наполнение первых двух тематических секций музея – по археологии древней и средневековой Кубани. Остальные экспонаты бывшей музейной экспозиции кабинета № 18 заняли свои места в других тематических секциях. Преподаватели кафедры Всеобщей и региональной истории в течение осени этого года передали в университетский музей наибольшее количество экспонатов, по сравнению с сотрудниками других кафедр университета.

Кроме того, они оказали неоценимую научно-консультативную помощь мне, как директору музея, в ходе работы над экспозициями и масштабным панно (которое в ближайшее время будет размещено над витринами), приняв своеобразное «шефство» над новым структурным подразделением.

В целом десятилетнее существование археолого-этнографической экспозиции в кабинете № 18 является одним из ярких штрихов в общем полотне научно-просветительской работы Кавказоведческой Школы профессора В.Б. Виноградова на Кубани.

А.Ю Казачкова, М.В. Оспищева

**РАБОТА КОЛЛЕКТИВА КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В.Б. ВИНОГРАДОВА СО СТУДЕНТАМИ**

Оценивая работу коллектива Кавказоведческой Школы, хочется отметить, что члены её не только деятельные ученые, но и талантливые преподаватели. Следуя традиции, берущей свое начало в Чечено-Ингушском университете, они активно ведут работу со студентами: как индивидуально при подготовке

тезисов и докладов на конференции, так и коллективно в рамках студенческих кружков. Результатом совместного творчества преподавателей и студентов являются курсовые и дипломные работы, конкурсные работы и публикации в международных, всероссийских, региональных и вузовских сборниках, а также участие в конференциях различного уровня.

Особый упор делается на воспитание у студентов чувства патриотизма, долга перед страной и «малой Родиной» - города, края, региона, развитие толерантности к другим народам. А по-другому и быть не может, ведь исторически сложилось так, что в коллективе присутствует дух взаимоуважения, связанный с полиэтничностью членов Кавказоведческой Школы.

В сборниках, издаваемых Школой В.Б. Виноградова, принимают участие не только остепененные учёные, но и студенты и аспиранты, что даёт возможность им показать результаты своей научно-исследовательской работы. Только за 2009 год среди студентов АГПУ при коллективе Кавказоведческой Школы исследовательской работой занималось около 30 студентов. Работы почти всех их можно увидеть в наших сборниках. Около 10 из них участвовали в региональных, всероссийских и международных конференциях. Трое направили свои работы на Краевой конкурс и одна – Головатая Виктория заняла 3-е место.

В этом году среди выпускников исторического факультета, под руководством профессоров Н.Н. Великой и А.Л. Пелиха в аспирантуру поступило двое аспирантов – Пшеничный Дмитрий и Оспищева Мария, занимающихся региональной проблематикой.

Ну, а если говорить о личностных качествах членов коллектива Кавказоведческой Школы, то необходимо отметить доброжелательность преподавателей, заинтересованность в работе со студентами, отзывчивость.

Молодые ученые являются опорой и надеждой на будущее российской науки. Поэтому их успехи – это успехи Школы В.Б. Виноградова, выращенных в духе патриотизма и глубокого понимания истории...

Ю.Е. Чарыкова

БЫТЬ ИСТОРИЧЕСКИ ОБРАЗОВАННЫМ - ПЕРСПЕКТИВНО

Моё знакомство с Кавказоведческой школой В.Б. Виноградова началось после сдачи экзамена по археологии на первом курсе. Виталий Борисович предложил моему вниманию несколько изданий школы. С трудом преодолев сложный для восприятия недавней школьницы научный стиль рассуждений, я познакомилась с основными разработками коллектива, итогами и перспективами изучения определённых проблем.

Благодаря В.Б. Виноградову и его поддержке первый курс завершился выходом первой научной публикации в сборнике «Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа».

Второй курс стал для меня периодом определения научных интересов и выбора темы исследования. Последней стала концепция «российскости». «Российскость» - это тенденция к равноправному историческому партнёрству народов под эгидой России как великой Европейской державы, выполняющей объединяющую роль в социальных, культурных, политических и других процессах. В русле «российскости» были опубликованы статьи в сборниках «15-е чтения по археологии Средней Кубани», «Историческое регионоведение Северного Кавказа - вузу и школе». В мае этого года мне посчастливилось принять участие в научно-педагогическом семинаре «Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы». В одноименном сборнике вышла совместная с В.Б. Виноградовым статья. Самым знаменательным для меня событием, ставшим успешным завершением второго курса, является издание брошюры «Эскизы принципов и практики кавказской «российскости» в соавторстве с В.Б. Виноградовым и Е.Г. Люфт. Третий курс моего обучения олицетворяет собой процесс написания курсовой работы по теме: «Из истории становления концепции «российскости» на Северном Кавказе». Благодаря усилиям школы недавно вышел сборник «Современные

аспекты российского кавказоведения», в котором опубликована ещё одна статья, на этот раз в соавторстве с А. В. Воронцовым.

Значение Кавказоведческой Школы в моей жизни определяющее. Благодаря этому дружному коллективу я осознала, что быть человеком исторически образованным, грамотным, начитанным и не равнодушным к научно-исследовательской деятельности – это перспективно.

В.Б. Виноградов

ПАРАДИГМА «РОССИЙСКОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ОБРАМЛЯЮЩИХ ИДЕЙ (ВВОДНАЯ)

Благодарен всем, кто собрался на этот семинар нашей Кавказоведческой Школы. Повод к нему – выход в свет книги С.С. Лазаряна «Воронцовский Кавказ. Исторические очерки» (Пятигорск. 2009).

В материале, посланном недавно на пятигорскую конференцию «Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа», я оценил этот труд как «выдающийся» в ряду исторических персоналий, наполняющих региональное пространство конца XVIII-середины XIX в. Притом, обратил внимание на несоответствие основного, достойно выполненного содержания монографии, её завершающему разделу: так называемому «Вместо заключения» (с. 210-240). Он претендует на аргументацию и формулировку старательно выношенной новой, как полагает автор, концепции российско-кавказских взаимоотношений, протекавших **«несколько столетий»**, якобы, под сенью **«колониционной устремлённости русского мира»**, так и не сумевшего **«переменить свою оценку** (недалёкую и отрицательную, разумеется, - В.В.) **горцев Кавказа»** (с. 240). Вина за этот пагубный парадокс почти безоговорочно возлагается на Российскую империю в лице её властей и доминирующих элит.

Подобная версия исторического процесса не показалась мне оригинальной по существу, внедряя в общественное сознание мнение о фатальной несовместимости двух взаимодействующих субъектов судьбоносного создания и обустройства феномена российского Кавказа. Слишком прозрачной (вопреки авторским маскировке и умалчиваниям)

видится её связь и зависимость от позиций либералистско-западнического проекта петербургского сообщества «Звезда», ведомого Я.А.Гординым, от националистических фантазий и мечтаний убеждённого чеченского сепаратиста Х.-А.Нухаева и некоторых других деятелей и групп, не смиряющихся с особенностями сложения, сращивания полиэтнического, многоконфессионального единства в границах государства, объективно противостоящего своей сутью жестокой реальности капиталистического глобального колонизаторства.

В этой связи, по моему мнению, неизмеримо возрастает роль тех принципиальных построений, которыми ознаменовано пребывание Кавказоведческой Школы на Кубани. Её посланцы, возвратившись с очередной конференции (в г. Дербенте) вновь отметили острое противопоставление миролюбивой концепции «российскости» тезису воинственных апологетов «справедливого и национально-освободительного характера» кровопролитного сопротивления северокавказских народов «завоевательной политике» России, ощутимо детонирующему до сего дня. Вынужден считать, что с появлением «модели С.С. Лазаряна» создаются условия ещё одного вроде бы и дистанцированного от «крайностей» фронта дискуссий. Однако в своей основе он является своего рода флангом разрушительных и опасных для российской государственности посягательств на её специфику и базовое содержание.

Поэтому, воспользуюсь случаем предложить присутствующим почти телеграфный конспект некоторых знаковых идей и проявлений нынешнего и завтрашнего бытования и утверждения парадигмы «российскости» - нашего драгоценного общего детища в кавказоведении – с целью выведения его на более высокий и фундированный уровень научного состояния.

- С некоторых пор энергично и весьма различными способами в круг исторических понятий и образов внедряются термины «русский мир», «русское дело», «русскость» и т.п. Следует с осторожностью и глубоким пониманием оценивать и воспринимать их смысл в сопоставлении с «миром России»,

«российскостью», «российством» лучших сынов Общего Отечества, ибо это – отнюдь не синонимы и не равноценные историософские конструкции.

- Отсюда вытекает потребность нового и более многомерного восприятия длительного генезиса фундаментального, событийно-интеграционного принципа **геополитики** как мощного и действенного фактора сперва возникновения, а затем и поступательного воздвижения и развития огромной и единственной в своём роде цельной Российской державы, определявшей совместно создаваемый облик страны в условиях постоянных внешних контактов, вызовов и прямых угроз.

- Нужно дальнейшее постижение степени соотношения «российскости» и евразийства в русле уже сложившейся традиции нашей Кавказоведческой Школы, всегда с пристальным учётом концепта месторазвития, народовмещающего ландшафта в условиях, когда регион является одним из географических (притом, поливариантных), а значит этнокультурных «стыков» Европы с Азией наглядно отрицающих известный (колониалистский) тезис Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Амплитуда и глубина разновекторных сопряжений тут исключительно велика и всё ещё непознана в должной мере; полна сходств и противоречий.

- Полагаю, что пора предельно разобраться в нашем отношении к проблеме, так называемой **кавказской цивилизации**, интенсивно прокламируемой и пропагандируемой в конце минувшего столетия и повлекшей за собой далеко идущие выводы, в том числе и построения о самодостаточности её для тотального изъятия из окружающего мира. При всей претенциозности и амбициозности этой химеры, она, в моём восприятии, не удовлетворяет требований к полному соответствию столь серьёзной дефиниции, влекущей за собой, с одной стороны, разрыв уникального (хотя и крайне пёстрого) общего этнокультурного пространства межконтинентальной контактной зоны, а также таит и аккумулирует в себе нарастающие риски острых неприятий и столкновений как внутри этой мифической общности в её развитии, так и с окрестными просторами ойкумены.

- Последние (до поры скрытые!) опасности мнимой дистанцированности и даже хронической несовместимости локально или регионально обосновываемых мифических консолидаций и вроде бы правдоподобного «выстраивания» их ранжиров неизмеримо возрастают в своём деструктивном потенциале и реальном качестве в периоды **кризисов**, неизбежных при протяжённом существовании любой исторической системы. В том числе на тернистом пути прочного формирования «российскости».

Наш коллектив в последние годы поставил и приступил к разработке в этом направлении идеи кризиса конца XVIII – большей части XIX в. как олицетворения того, что упорно и заучено именуется «Кавказской войной». Драмы и трагедии этого этапа общеизвестны. Куда хуже обстоит дело с приобретённым опытом. А ведь китайцы недаром считают, что кризис не только опасности, но и возможности.

Таковой подход следует вдумчиво и непредвзято разрабатывать и применять, сопрягая все его составляющие компоненты, что в перспективе снимает многие навязшие в зубах «заморочки».

Словом, далеко не полный оглашённый реестр историософского наполнения концепции «российскости» в конкретных обстоятельствах многоликого Кавказа достоин упорного, комплексного приложения исследовательских сил и мастерства, имея, как мне видится высокие шансы всестороннего разрешения с непосредственным участием нашей Кавказоведческой Школы.

Не сомневаюсь и предвкушаю, что сегодня прозвучат толковые и открытые суждения и мнения, которые обогатят всех нас в преданном служении южного пояса нашего общего благоприобретённого в веках Отечества. Считаю справедливым поблагодарить Сергея Степановича Лазаряна за подаренную возможность провести это обсуждение созданием заслуживающего всяческого внимания своего последнего труда.

А напоследок напомним, что приближающийся к 50-летию плодотворный совместный опыт Школы, подтверждает мысль поэта: «Началу песни – добрая порука! Конца ж её вовеки не узнают...».

И ещё, любимые и всю жизнь вдохновляющие меня «кровинушки» мои!
И уже ваши собственные порождения! Прочувствуйте ещё раз высокую истину:

Смири гордыню... То есть гордым будь!

Штандарт – он и в чехле не полиняет.

Не сетуй, что тебя не понимают:

Поймёт когда-нибудь и кто-нибудь!

В целеустремлённости, сплочении, стойкости обрётённому призванию – наша сила и вера в отмеренное судьбой будущее.

5.01.10.
с. Успенское

С.А. Голованова

**СОВРЕМЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ
«КОЛОНИАЛИЗМ» И «КОЛОНИЗАЦИЯ»
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ
КАВКАЗЕ**

С.С. Лазарян в заключительном разделе своей монографии поднимает важную с точки зрения методологии исследования проблему содержательного наполнения используемых терминов «колонизация» и «колониализм». Предварить анализ рассуждений автора мне бы хотелось словами Андреаса Каппелера: «Развивавшаяся в Западной Европе модель колониализма не может быть просто перенесена в Россию, постольку и такие понятия, как «колония», «колониальная зависимость» и т.д. не могут использоваться без детального и точного анализа соответствующих ситуаций» (1, с.12).

С.С. Лазарян избирательно подходит к трактовке этих терминов в дореволюционной и советской историографии и приходит к выводу: «Если с определением сути колонизации и классификацией колоний дело обстоит

сносно, то неполное выявление соотношений между терминами препятствует пониманию данного явления и предоставляет почву разного рода социально-политических спекуляций». Он видит данную проблему как соотношение стратегии и тактики, когда стратегия (колониализм) определяет принципы, программу, границы и сущность, а тактика (колонизация) предъявляет механизмы и процессы. Из сказанного следует, что различия между колониализмом и колонизацией состоит в том, что первый термин является общим и широким по отношению ко второму, отображающим собой социально-политическое явление, состояние общества и направленность умонастроений его политических и экономических элит. Второй более узкий, содержащий в себе практику, средства и способы реализации процесса» (2, с.224).

Но автор не определяет конечный результат избранной стратегии. Если следовать рассуждениям С.С. Лазаряна, то вывод напрашивается однозначный – превратить территорию Северного Кавказа в колонию Российской империи. Соответственно и тактика (колонизация) рассматривается автором, как типично свойственная западноевропейским колониальным державам. В интерпретации С.С. Лазаряна ее можно определить как «политика упущенных возможностей», так как в деятельности власти автор видит «подтверждение недостаточной подготовленности имперских институтов и властей взятой на себя миссии» (2, с.225).

Что же должны были сделать российские власти на Кавказе и чего не сделали. А главное - ставили ли они перед собой такие задачи.

1. Русский мир не производил и не доказывал силу своего созидательного превосходства. Позволял сохраняться всем прежним традиционным структурам, «которые не только не пострадали, но укрепились».

2. Мало продвигались по пути преобразования кавказского мира, не просвещая его ни новыми идеями, ни европейской образовательной системой.

3. Осторожная политика российских властей в северокавказском регионе, как и на Кавказе в целом, позволили лишенным суверенитета этническим

территориям сохранить под контролем центральных имперских властей, необходимый для поддержания уровня самоопределения путем сохранения архаических и традиционных ценностей (2, с.226-227).

4. Завоевывая Кавказ, русские генералы и администраторы, в подавляющем большинстве своем, не меняли социально-культурного и хозяйственного уклада жизни в кавказском крае (2, с.231).

Подобные тезисы можно продолжать и дальше. Вывод, к которому приходит С.С. Лазарян: «Следовательно, правильнее было бы говорить, касаясь проблемы колониализма, не столько о колонизации Кавказа, сколько о его завоевании» (2, с.238), не оставляет сомнения, что он является сторонником концепции российского колониализма. С другой стороны, если понятия колониализм и колонизация взаимосвязаны, то на Кавказе реализовывалась только стратегия – захват, завоевания территорий, один из исторических факторов колониальной политики, тогда как тактика, как ее понимает автор, отсутствовала.

Модернизация понятий «колониализм» и «колонизация», предложенная С.С. Лазаряном, не вносит ясности в сущность проблемы, более того возвращает, на наш взгляд, в методологическое поле советской историографии, когда Российская империя интерпретировалась не иначе как «тюрьма народов».

В этой связи, нельзя не отметить ту доминирующую часть постсоветской историографии, в которой отстаивается мнение, согласно которому Россия не была колониальной державой, и ее национальная политика существенно отличалась от политики империй Запада. В Российской империи самодержавие рассматривало вновь присоединяемые территории как естественное продолжение России, распространяя на них законодательство и права населения империи. Наиболее продуктивной в этом направлении является концепция «русскости», разработанная научной школой профессора В.Б. Виноградова.

Не соглашусь с утверждением С.С. Лазаряна, что «в продолжение всего XIX и первых десятилетий XX века русский мир не сумел найти, ни выработать

необходимого универсализма» в национальной политике. Как раз от противного, Российское государство действовало по единым, универсальным принципам национальной политики не зависимо от территории их приложения. Принципы этой политики, с учетом имеющихся точек зрения, обобщены Б.Н. Мироновым наиболее точно и полно:

1. Первым основным принципом политики на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры.

2. Вторым, после уважения статус-кво, краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, что облегчало для центральной власти управление новой территории (3, с.30).

3. Третий основной принцип национальной политики состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими (3, с.31).

4. Согласно четвертому принципу национальной политики, этнические и национальные критерии, хотя и принимались во внимание, но по существу не мешали продвижению по социальной лестнице (3, с.32).

Таким образом, «районы, находившиеся на периферии Российском империи, имели некоторые преимущества для своего развития сравнительно с центральными российскими регионами благодаря налоговым льготам, освобождению от воинской повинности, удобному географическому положению на границе или у моря. Опасения сепаратизма вынуждало центральное правительство поддерживать это ненормальное для истинно колониальной державы положение» (3, с.34).

Примечания

1. Капеллер А. Россия многонациональная. Возникновение. История. Распад. - М., 2000.

2. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. - Пятигорск, 2009.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России: в 2-х т. - СПб., 2003. Т.1.

Н.Н. Великая

**«ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ»
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

В заглавие вынесена часть названия большой статьи, опубликованной в «Исторических записках» 2 года назад [см.: 1]. Уже первый ее раздел открыла ссылка на американского историка В. Сандерланда, утверждавшего, что казаки и крестьяне не были ни агентами имперской власти, ни носителями «цивилизаторской» миссии, ни миссионерами. Весьма примечательны подзаголовки статьи, которые, по сути, всячески аргументируют приведенное высказывание: «Казаки под сомнением как колонисты и «обрусители», «Культурное бессилие» русских крестьян и угрозы утраты «русскости».

Не пришлось долго ждать и региональных вариаций на ту же тему [2], что лишний раз свидетельствует о том, что шараханья из крайности в крайность в нашей историографии не закончились. Как известно, в трудах советских историков всячески подчеркивалось прогрессивное влияние России и русского народа на горцев Северного Кавказа [3]. Однако приведенные в этих работах многочисленные примеры в одночасье оказались отброшенными, причем без всякой критики. На первый план вышел сплошной негатив российского присутствия на Северном Кавказе. В освещении этого за последние 20 лет сделано, пожалуй, слишком много. Такой историографический уклон позволил ряду историков сформулировать ряд односторонних положений о роли России и русских в судьбах народов региона.

Так, касаясь роли русских переселенцев на Северном Кавказе, историк С.С. Лазарян пишет, что колонизаторов в должной степени не подготовили [4]. «Наблюдая, как плохо были устроены в бытовом отношении русские поселения или военные укрепления..., горцы не могли преисполниться уважением к таким колонизаторам» [5]. В этой связи нельзя не задаться вопросом: вольные казаки и крестьяне шли в регион как колонизаторы, в надежде нажить за счет других, или они спасались на окраинах от преследований, гнета, аграрного перенаселения и надеялись, прежде всего, на собственные силы и труд? Очевидно, что «низы» шли (в том числе и по принуждению правительства) на новые земли не колонизировать и цивилизовывать местные народы, а жить и работать.

По мнению С.С. Лазаряна, казаки испытали немалое влияние горских соседей. И не Кавказ становился частью русского мира, а «большой частью преобразовывался русский мир» [6]. Но трудно придумать весы, на которых можно было бы взвесить, сколько и чего заимствовали друг у друга соседние народы. На каждый аргумент о заимствованиях одной стороны, можно привести прямо противоположные. Общим местом стало утверждение, что «кавказские» русские, казаки переняли у горцев элементы пищи, одежды, жилища, хозяйственной деятельности. Но нет оснований отрицать, что в тех же самых сферах происходили обратные заимствования, которые касались иных элементов. И это относится не только к системе жизнеобеспечения [7]. Другое дело, что до сих пор слабо изучены причины, направленность, результаты взаимодействия народов, факторы, которые ускоряли, либо тормозили указанные процессы.

Неготовность к миссии колонизаторов простых переселенцев, многочисленные ошибки правительства, по мнению С.С. Лазаряна, привели к тому, что «русский элемент» не смог побороть «кавказский дух» [8]. По словам автора, «русский мир не производил потрясения основ кавказского фундамента и не доказывал силу своего созидательного превосходства, а своей снисходительностью или соглашательством позволял сохраняться всем

прежним традиционным структурам...» [9]. Далее следует ряд столь же расплывчатых упреков по поводу того, что российское правительство и элита не сумели сделать в первой половине XIX в. (не разрушили многовековой патриархальности, горского самоуправления и др.). Но в этой связи возникает вопрос, а если бы «русский мир» все это в несколько десятилетий сделал? Сохранился бы физически и этнически «северокавказский мир»?

Всё, что делало российское правительство на Северном Кавказе в первой половине XIX в., некоторым нашим современникам может показаться сплошными ошибками, лишёнными какого бы то ни было позитивного смысла. Но принцип историзма требует давать оценку политическим деятелям не с точки зрения того, что ими не было (да, зачастую, и не могло быть) сделано (при таком подходе вне критики, пожалуй, ничего в истории не останется), а выявлять то новое, что они дали по сравнению со своими предшественниками.

Правительство в рассматриваемый период мучительно искало, используя все возможные методы, пути наиболее прочной интеграции региона в состав империи. Не случайно здесь так часто менялись наместники, военачальники, сами формы управления, пока не была выработана пореформенная модель взаимоотношений, обеспечившая, наконец, стабильность на Северном Кавказе вплоть до революционных событий 1917 г.

При всех негативных моментах российской политики в первой половине XIX в. шла кропотливая «цивилизационная работа» на будущее [подробнее см.: 10].

Это **создание городов**, которые играли роль локомотивов экономического развития региона. С 1735 г. «столицей» края становится Кизляр, превратившийся в центр не только северокавказской, но и международной торговли. Затем эту эстафету принимают Моздок, Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь... В городских центрах развивалась не только торговля, но и промышленность (мелкотоварное, мануфактурное производства). Российские города и прилегающая к ним сельская округа давали работу многотысячной «армии» северокавказских отходников. Так, по данным Н.Н. Гаруновой, в 30-е

гг. XIX в. в Кизляр ежегодно приходило до 7 тысяч горцев, в начале 40-х гг. эта цифра возросла до 22 и более тысяч (и это в пик военных действий на Северо-Восточном Кавказе) [11].

Стратегические и торгово-экономические причины привели к появлению в регионе грандиозной **системы коммуникаций**, не существовавшей здесь ранее. Северокавказские товары получили выход на общероссийский рынок. Широкая сеть дорог соединила населенные пункты не только терского левобережья и кубанского правобережья, но и Закубанья и Затеречья, побережья Черного моря. Все это способствовало развитию торговли, усилению интеграции, в том числе и в среде самих северокавказских народов, оказало влияние на приток в регион ученых, деятелей просвещения, медицины, культуры, путешественников и др.

Государственными органами санкционировалось создание многочисленных меновых дворов, а затем и ярмарок, выделялись средства на устройство еженедельных базаров и т.п. На смену меновой торговле уже в первой половине XIX в. пришла денежная, причем постепенно роль всеобщего эквивалента стали играть российские монеты и купюры. Создание **единой финансово-денежной системы** обозначило новую ступень в развитии экономики края, ее выход из натурального хозяйства.

Российским правительством поощрялось прогрессивное в своей основе **переселение горцев на равнину**. У населения плоскости земледелие становилось ведущей отраслью хозяйства, что оказывало благотворное влияние на экономическое развитие региона, общую военно-политическую ситуацию, ускоряло этно-демографические процессы.

В рассматриваемый период в регионе происходило **становление российских систем здравоохранения и просвещения**. В первой половине XIX в. на казенные деньги на Северном Кавказе открывались аптеки, развивались курортные и лечебные заведения, проводились мероприятия санитарно-профилактического порядка. Среди открывавшихся учебных заведений были не только начальные школы, но и гимназии, а также профессиональные училища

(виноделия, шелководства и др.). В указанных и иных заведениях страны учились представители многих северокавказских народов, составивших ядро будущей светской **интеллигенции**.

Делались первые попытки распространения в регионе писаных законов, элементов российского судопроизводства и административной системы, общих для остальной территории страны. **Появление надэтнических органов суда и управления** сыграло не последнюю роль в установлении мира на Северном Кавказе. Это, как и ряд других новых для региона явлений, свидетельствует о том, что цивилизационный актив России в первой половине XIX в. был совсем немалым. Население региона сделало шаг вперед от догосударственного к государственному существованию. В советский период модернизационные процессы на окраинах страны ускорились и получили новые импульсы.

Как известно, все познается в сравнении. Отрезвленная «свободой по-ичкерийски» [12] и попытками возврата к архаике интеллигенция Чечни вновь заявляет, что «русско-чеченские отношения оказали прогрессивное воздействие на процесс развития чеченского этноса» [13]. Этот тезис нуждается не просто в декларации, а в развитии. В этой связи обратим внимание на ещё одну малоисследованную проблему: имели ли горские общества внутренние импульсы для поступательного движения вперед или, как утверждает Е.Г. Муратова, в дореволюционный период «политика Российского государства на Кавказе и его воздействие на внутреннюю жизнь местных обществ выступили источником исторической динамики» [14]? Каковы закономерности взаимодействия «традиционных» и «государственных» социумов, по каким направлениям шли адаптация и отторжение? Как влияло само соседство с государством на социально-экономический уклад местной жизни?

Несомненно, что дискуссии на обозначенные выше проблемы будут продолжены. Но уже сейчас понятно, что в уточнении нуждается понятийный аппарат («колониализм», «колонизация» применительно к России и др.). Особого внимания заслуживает рассмотрение российского опыта модернизации окраин, в ходе которой (как и ранее) Россия «сколько получила народов,

столько и соблюла» (И.А. Ильин). И это давнее наблюдение подтверждается современным исследовательским опытом [15]. По мнению И.А. Ильина, особенность России определили три феномена: бремя земли (пространство), бремя природы (климат) и бремя народности («до самого двадцатого века – целая треть неславян и около одной шестой нехристианских вероисповеданий. Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь; а дать всем жизнь и великую Родину») [16]. Не всегда это получалось. Но российский опыт, при всех его минусах, на наш взгляд, заслуживает больше положительных оценок и сам по себе, и в сравнении с опытом, например, США, где аналогичные по уровню развития народы оказались истребленными, либо оттесненными в резервации.

Появление однобоких тенденций в историографии требует появления новых работ по теме, в которых бы учитывался накопленный историками разных поколений и идеологических пристрастий фактический материал. А его интерпретация должна сочетать разные подходы. В этой связи нельзя не обратить внимания на концепцию российскости, которая как раз и предполагает исследование процессов **взаимодействия** и **взаимовоздействия** народов в ходе их интеграции, включения и развития в составе Российского государства [17].

Примечания

1. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. № 11 (129). – М.: Наука, 2008. С.132-180.
2. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. – Пятигорск, 2009. С.210-240.
3. В качестве примера см.: Гриценко Н.П. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). – Грозный, 1975.
4. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. С.215.
5. Там же. С.234.

6. Там же. С.216.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. С.87-91.
8. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. С.216.
9. Там же. С.226.
10. Великая Н.Н. Мероприятия российского государства по включению Северного Кавказа в состав империи в первой половине XIX в. // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 12. – М.-Армавир, 2006.
11. Гарунова Н.Н. Экономическое развитие Кизляра в XVIII - 1 пол. XIX века. - Кизляр, 1999. С.38
12. Клычников Ю.Ю. Складывание русско-северокавказского единства и проблема «Кавказской войны»: оценки и суждения // Чеченцы в сообществе народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. Т.2. – Назрань, 2008. С.61.
13. Нанаева Б.Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦН ВШ ЮФУ, 2009. С.276.
14. Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): Автореф. дисс. ... д.и.н. – Нальчик, 2006. С.40.
15. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов н/Д., 2006. С.50. Так же см.: Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Ростов н/Д., 2008.
16. Ильин И.А. Основы христианской культуры. – СПб., 2004. С.429.
17. См.: Основные этапы всемирной истории / под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. – Армавир, 2009. С.194-195.

С.Н. Ктиторов

ВОРОНЦОВСКИЙ КАВКАЗ В ОБЪЕКТИВЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Из под пера талантливоего эссендукского историка Сергея Степановича Лазаряна вышел новый неординарный труд, посвященный характеристике

политики России на Кавказе в период наместничества в регионе князя М.С.Воронцова. Автор книги уже получил известность в среде кавказоведов Ставрополя и Кубани, в качестве пытливого и вдумчивого исследователя различных аспектов интеграции северокавказского региона в состав Российского государства. Им опубликованы монографии о становлении предпринимательского сословия в городах Кавказских минеральных вод в дореволюционный период; о развитии культурной сферы на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. (последняя работа – в соавторстве); подготовлен целый ряд ценных и интересных статей.

Изучением многогранной деятельности М.С. Воронцова на посту Кавказского наместника в 1845-1854 гг. С.С. Лазарян занимается уже несколько лет, тщательно проработав обширный круг историографии по данной проблематике. Все это позволило создать достаточно многоплановый и глубокий труд. В основной части этой книги рассмотрены основные вехи биографии князя до прибытия его в регион в качестве наместника императора. Представленный здесь материал позволяет понять черты характера и мировоззренческие установки М.С. Воронцова, во многом определившие его поступки.

В ряде разделов монографии дается взвешенный анализ деятельности наместника в области хозяйственно-экономического развития вверенного ему края; освещается процесс формирования системы путей сообщения как необходимого условия интеграции региона в состав империи; оцениваются усилия князя по умиротворению непокорных народностей и конкретные действия по предотвращению горских набегов и бандитизма, рассказывается о преобразованиях в системе управления российским Кавказом, о борьбе с коррупцией и имевшими место злоупотреблениями представителей администрации; характеризуется роль наместника в создании культурно-образовательных учреждений, призванных приобщить кавказцев к общероссийскому культурному полю. Очень интересным видится параграф, посвященный отношению А.С. Пушкина к М.С. Воронцову и о том впечатке,

который наложила личная неприязнь поэта к будущему Кавказскому наместнику на последующую историографию, особенно советского периода. Довольно трезво и мягко выступив в роли арбитра в конфликте между двумя выдающимися деятелями российской истории, С.С. Лазарян занял сторону М.С. Воронцова, указав на несправедливость нападок А.С. Пушкина чрезмерно субъективный характер данных им оценок князю. С этим подходом исследователя можно только согласиться.

В целом деятельность М.С. Воронцова на посту Кавказского наместника автор оценивает довольно высоко. Также позитивно С.С. Лазарян характеризует и основные направления политики России на Кавказе, нашедшие преломление в осуществлявшихся князем мероприятиях. Такой подход историка выглядит взвешенным и продуманным. Материал, представленный в основной части монографии, позволяет достаточно объективно представить ту прогрессивную роль, которую Российское государство играло в судьбах кавказских народов не только в описываемый период, но и в более широком временном контексте.

Конечно, основной текст книги не избавлен от неизбежных шероховатостей и недоработок, что, в силу ряда причин, встречается практически в любой монографии. В работе С.С. Лазаряна много досадных опечаток, лексических, пунктуационных погрешностей и других технических помарок. На мой взгляд, параграф: «Театрально-концертная деятельность в первой половине XIX века как способ утверждения российского культурного пространства на Северном Кавказе» является излишним. Этот раздел, построенный преимущественно на общих и отвлеченных рассуждениях, содержит мало конкретного фактографического материала и непосредственно не связан с мероприятиями М.С. Воронцова.

Также неоправданным представляется выделение двух отдельных параграфов, посвященных административно-хозяйственной деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказских Минеральных Водах и вкладу наместника в устройство управления минеральными источниками в Кавказском крае.

Говорится здесь практически об одном и том же, и этот материал логично было бы объединить в одном разделе.

При подготовке монографии использованы неопубликованные источники только из двух фондов Государственного архива Ставропольского края, вместе с тем, фактографическую основу исследования можно было бы существенно расширить за счет привлечения новых документов, например, из центральных архивов.

Все сказанное не снижает общей высокой оценки книги С.С. Лазаряна, с одной только лишь оговоркой – если иметь в виду основное содержание монографии. Однако в рассматриваемом труде имеется также большой завершающий раздел, названный «Вместо заключения», содержащий выводы и суждения автора, резко контрастирующие с содержанием предыдущих параграфов. Здесь исследователь почему-то берет на себя непосильную задачу оценить уже не деятельность М.С. Воронцова, а политику России на Кавказе в целом, начиная с XVIII и вплоть до XX в.

Рассуждения историка в итоговом разделе оборачиваются многочисленными сожалениями и упреками, адресованными государству и его правящим элитам. С.С. Лазарян при этом часто оперирует понятием «Русский мир», не предложив при этом внятного объяснения данной дефиниции. Многовековые отношения России с Кавказом, завершившиеся полным вхождением региона в состав империи, автор представляет в форме непримиримой и перманентной конфронтации. Изредка подобные построения встречались и в основном тексте книги. Например, на с.167 говорится: «Черкесы жили в горах без перемен, передавая из поколения в поколение одну и ту же матрицу менталитета и культурную форму существования. Поэтому конфликт с Россией оставался неизбывным. Для России решения находились между двумя полюсами: либо отнимать горы и выгонять туземцев на равнины под контроль русских порядков и насильно вмещать их в систему ценностей российской цивилизации, либо вносить в горы кардинальные перемены, способные породить иной и новый менталитет в туземной среде. Первое было

легче, хотя и сохраняло конфликт между сторонами перманентным. Второе ни разу не имело опыта». Примеры «перманентного» конфликта между Россией и горцами, переселенными на равнину, автор не приводит. Следует заметить, что практически все современные адыгейцы в Республике Адыгея, черкесы и абазинцы в Карачаево-Черкесской Республике проживают на равнине, куда их предков (далеко не всегда насильственно!) переместили военные власти в первой половине – середине XIX в. Переход под контроль «русских порядков» и знакомство горцев с системой ценностей российской цивилизации вовсе не обострили упомянутый конфликт. Напротив, те, кто оказался в силу разных причин ближе к России, быстрее переходили к мирным формам жизнедеятельности, ориентированным на взаимовыгодные контакты с тем самым «русским миром», о котором пишет С.С. Лазарян. Заявление о том, что Россия не вносила в горы кардинальных перемен, также ничем не подкрепляется и не выдерживает никакой критики. В этой связи можно было бы задать автору вопрос: Неужели российские власти не проводили никаких преобразований на землях, например, карачаевцев, традиционно проживавших в высокогорных ущельях Кубани и ее притоков? Неужели у них не было отменено рабство и крепостное право, не были осуществлены административная, судебная, земельная и другие буржуазные реформы? Или они не привели к «кардинальным» переменам?

В завершающем параграфе, несущем в себе изрядный заряд пессимизма, автор постоянно утверждает что, у России на Кавказе почти не было союзников. Так, на с.227 С.С. Лазарян пишет, что «так называемое «русское дело» на Кавказе не имело или почти не имело искренних и многочисленных сторонников в собственно кавказской среде и особенно среди мусульман». На с.232 историк приходит к выводу, что «Кавказский мир» видел в русских лишь очередных врагов. Думается, что в настоящей полемике излишне приводить многочисленные, являвшиеся обыденностью XVIII и XIX в., примеры тяготения народов и племен Кавказа к России, завершавшиеся установлением союзнических отношений, принятием в подданство, поступлением горцев на

Российскую службу и т.д. Полагаю, что исследователь и сам хорошо знает о тех тысячах кабардинцев, ногайцев, абазин, осетин, кумыков, карачаевцев и представителях других местных этносов, которые искренне и верно служили России, делая этот судьбоносный для себя выбор вполне осознанно и добровольно. О том, сколько на самом деле на Кавказе было сторонников «русского дела» и преданных друзей России написаны сотни книг. Достаточно обратиться к доступным трудам таких современных исследователей, как В.Б. Виноградов, В.А. Матвеев, З.Б. Кипкеева, К.Ф. Дзамихов, А.Д. Вершигора, О.Л. Опрышко, А.В. Казаков и многие другие. Если же стать на точку зрения уважаемого автора рецензируемой монографии и согласиться с тем, что Россия так и не обрела надежных союзников в лице коренных кавказцев, то как же тогда объяснить тот факт, что империи все же удалось не только присоединить, но и взять под контроль весь этот крайне проблемный, неоднородный и обширный регион от Дона до Аракса и от Черного до Каспийского моря? Справиться с этой колоссальной задачей не смогла ни одна держава мира, кроме России. Очевидно, что дело было не только в военной мощи.

Правда, С.С. Лазарян все-таки признает, что едва ли не единственными союзниками России на Кавказе оказались армяне (С.230-231). Конечно, можно только порадоваться за армян, действительно, немало потрудившихся для установления российского господства в регионе, но нельзя забывать и о других фигурантах процесса сближения Кавказа с великим северным соседом.

Естественно не отрицая факта включения кавказского региона в состав России, исследователь весьма скептически отзывается о результатах этого события. По его мнению, на Кавказ «выливалось все негодное и не пригодившееся империи» (С.227). Любопытно, к какой же тогда группе («негодяев» или «никчемных» людей, следуя предложенной терминологии) принадлежал прибывший из России князь М.С. Воронцов, о котором с таким уважением отзывается автор монографии. Не вполне ясно, о каких «всевозможных» податях и налогах, установленных русскими на Кавказе, говорит исследователь на с.232. Следует заметить, что включение иноэтничных

народов в состав любого, даже самого справедливого и гуманного, государства не может приносить только лишь одни права и привилегии, но и накладывает соответствующие обязанности, что том числе и в фискальной сфере.

Выражение «не удалось», по отношению к результативности российской политики на Кавказе, является чуть ли не девизом заключительной части книги С.С. Лазаряна. По его мнению, «в столкновении с Кавказом русский элемент не только не поборол кавказский дух, но сам заразился особым его звучанием и часто превращался если не в чуждого России субъекта, по делался субъектом, сильно «отравленным» Кавказом. Грань, разделявшая казаков и горцев, была зыбкой. Казаки испытывали немалое влияние горских соседей как в организации общинного управления и власти, так и в военном быту, вплоть до методов ведения войны, набегов и одежды» (С.216). Вообще, идея о том, что «русский мир» не только не смог преобразовать традиционное общество Кавказа, но и сам «перенимал и принимал кавказские варианты жизни в качестве своих собственных» (С.226) звучит рефреном на многих страницах рассматриваемого раздела монографии.

На мой взгляд, автор чрезмерно гиперболизирует степень влияния Кавказа на Российские государственные структуры, институты и русских колонистов. Странно слышать о якобы «зыбкой грани», разделявшей казаков и горцев. Думается, что, например, различие между православием и исламом никак нельзя назвать призрачным. Я долго пытался понять, в чем же заключалось влияние горских соседей на организацию общинного управления и власти казаков, но при всем усилии, так и не смог ответить на этот вопрос. Автор же каких-либо примеров в доказательство данного тезиса не приводит. Стоит ли напоминать о тех очевидных и в целом позитивных преобразованиях, которые Россия принесла в мир горцев Кавказа? Достаточно представить себе хотя бы район Пятигорья, каким он был в конце XVIII в., накануне утверждения здесь российской власти и оценить, как выглядел тот же регион Кавказских минеральных вод в начале XX в., перед революционным рубежом нашей истории, чтобы понять, насколько разительные перемены произошли

здесь за сто с небольшим лет. Сергей Степанович Лазарян является одним из лучших знатоков этих преобразований, которые самым непосредственным образом затронули и жизнь обитавших здесь горцев. Конечно, чаще всего трансформация кавказского мира происходила очень медленно, но отрицать ее, значить искажать подлинную картину исторической реальности. Да и стоило ли Российскому государству быстро и грубо ломать традиционный образ жизни своих новых подданных? Вошли бы они тогда в семью народов нашего общего Отечества – большой вопрос. Этот вопрос открывает новое поле для дискуссии и обмена мнениями, для вдумчивого и аргументированного взаимного диалога, в процессе которого только и можно приблизиться к истине. В этом, как мне представляется, также состоит ценность книги С.С. Лазаряна, ибо она дает повод не только поспорить, но и поразмыслить над такой сложной, но интересной историей российского Кавказа.

С.Л. Дударев

УТОМЛЕННЫЙ КАВКАЗОМ

(о книге С.С. Лазаряна «Воронцовский Кавказ. Исторические очерки»)

**Встречая людей, которые находят
Историю неинтересной, я ни на минуту
Не собираюсь менять историю –
Я стараюсь изменить их самих.**
Дж.Р. Сили. «Расширение Англии».

В книге С.С. Лазаряна присутствует немало содержательных наблюдений о деятельности наместника Кавказа М.С. Воронцова. Они веско характеризуют разнообразные аспекты его незаурядных усилий, направленных на осуществление дальнейшего процесса интеграции горских обществ в состав России, убедительно показывают, насколько непростым, противоречивым и нередко драматичным было вхождение народов Кавказа в социально-экономическое и политическое пространство Российского государства. Показать этот сложный процесс сквозь призму личности М.С. Воронцова, как одного из наиболее незаурядных российских администраторов своего времени,

и его трудов, олицетворяющих весьма важный этап в российском освоении Кавказа, является интересным замыслом, и в целом, несомненным достижением С.С. Лазаряна.

И тем удивительнее и парадоксальнее выглядит то, что в разделе книги, озаглавленном «Вместо заключения» автор, дающий высокую положительную оценку деятельности М.С. Воронцова, бросается в совершенно противоположную сторону и дает полные скепсиса, а то и пессимизма пополам с разочарованием и осуждением, характеристики общих итогов российской политики на кавказском направлении.

В небольшом отзыве, задуманном как часть общей мозаики коллективной оценки данной книги представителями Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова невозможно обозреть все аспекты этого заключительного и, увы, неудачного «аккорда» очерков С.С. Лазаряна. Остановимся лишь на некоторых из них.

В различных местах своего итогового раздела автор бросает упреки России в том, что она не была готова к «колонизации» Кавказа, и мало кто в ней «понимал или осознавал саму необходимость и всю ответственность и последствия этого шага» (с.211). Российская политическая элита «не объяснила обществу, зачем ей нужен Кавказ, но и не сказала – о каком Кавказе шла речь – о Кавказе-территории для геополитической игры или о Кавказе-социуме, населенном воинственными народами, чуждыми русскому духу и ведущими далекий от русского образ жизни» (с.212). «Не продумали и не подготовили в должной мере первоначально и самого колонизатора. Он был либо стихийным инициатором, как казак или крестьянин, либо всякого рода «гулящий» люд, либо отставной военный (1), либо невразумительный собиратель экзотики (2), но никак не расчетливый инженер или торговец-конкистадор» (с.215). «Россия пришла на Кавказ, а с какой идеей? Идея, если и была, то осталась неизвестной ему, а потому русский мир оставался малопонятным и чуждым Кавказу» (с.229). И т.д., и т.п.

Можно, конечно, в духе В.С. Пикуля, раздосадовано бросившего однажды: «Россия никогда ни к чему не была готова» («Моонзунд»), в чем есть, безусловно, изрядная доля горькой правды, укорять тех, кто занимался кавказской политикой в Российской империи, в недостаточной продуманности их действий. Однако возникает вопрос – где и в какой стране, встававшей на путь «колонизации» других территорий, удаленных от нее (не будем вдаваться сейчас в существо термина, о котором речь идет в статье С.А. Головановой в настоящем сборнике, в наших собственных работах и трудах других ученых) происходила такая изначальная подготовительная работа, а также провозглашались определенные цели, в том числе идеологические?

Если иметь в виду большие организационные мероприятия, затраты, состав и квалификацию сил, направлявшихся в далекие страны и т.д., то здесь мировым лидером несомненно является...Китай. В ходе китайских «географических открытий» в бассейны южных морей, Индию, Аравию и Африку в первой трети XV в. были направлены 7 грандиозных экспедиций китайского флота с десятками кораблей, на борту которых находилось до 30 тыс. солдат, матросов, купцов, ремесленников и др. Идеальная комплектация «колониционных» сил с точки зрения С.С. Лазаряна! Кстати, величина их, заметим, очень близка к количеству военнослужащих Отдельного Кавказского (Грузинского) корпуса при А.П. Ермолове. Для чего потребовались Китаю такие незаурядные усилия? Целью плаваний было установление дипломатических, а заодно и торговых связей с заморскими странами в форме регулярного обмена посольскими миссиями. Но главная их цель была, прежде всего, в демонстрации величия и могущества Китая, его высокого престижа и статуса центра мира, Срединного царства. Вскоре в правительстве победили те, кто считал, что такие странствия не нужны, и флот попросту разобрали или сгноили на берегу. «Варвары» должны были сами ехать в Китай и приносить *дань* «Сыну Неба», т.е., императору (3). Таким образом, высокоподготовленные китайские миссии потерпели провал. На это нам могут сказать: «Так произошло потому, что речь идет о самодостаточном традиционном

«феодалном» китайском обществе, которое боялось внешних воздействий, и было замкнуто на себя». А как же быть тогда с Х. Колумбом, который, открывая Новый свет, что повлекло за собой в перспективе создание сразу *нескольких колониальных империй*, имел с собой три экипажа людей, набранных из преступников, арестованных за «оскорбление величества»? Между прочим, и образцово-капиталистическая Англия осваивала Северную Америку, а затем Австралию отнюдь не только с помощью «расчетливых инженеров», но и самых заурядных каторжников. Говоря о торговцах-конкистадорах С.С. Лазаряну не мешало бы знать о том, что испанские конкистадоры, в массе своей дворяне, чуждые и враждебные всякой экономической деятельности, увлекались откровенным грабежом и массовым истреблением индейцев. А что касается их голландских и английских коллег, для которых торговля действительно была самым желанным занятием, то они на второй ступени раннего колониализма стремились, прежде всего, завладеть торговлей пряностями в бассейне Индийского океана, создавая для нее опорные пункты на берегу, а до привития местному населению «цивилизованных манер» им долгое время не было никакого дела (4). Аборигены были объектом работорговли, грабежа, эксплуатации. Примечательно, что не Колумб со товарищи ставится С.С. Лазаряном в пример России. «Если англичане в XVIII-XIX вв. втягивали колонизируемые ими страны в систему капиталистических отношений, коренным образом взрывая устоявшиеся их патриархальные структуры, и тем самым ослабляя способность социальной системы к сопротивлению, подавляя силу туземных мобилизационных механизмов, устрашая своей мощью и не оставляя шансов традиционной солидарности, то Россия этого не делала» (с.231).

Вот так! Оказывается, Россия должна была на Кавказе изначально крушить все местные особенности, по примеру англичан (90 % языков, с которыми соприкасался английский на вновь открываемых территориях, погибли), но вместо этого «принципы российской государственной структуры из-за неукорененности в туземной части Кавказа, вынуждены были мириться с

традиционными структурами догосударственности, что делало колонизаторские усилия России поверхностными и мало убедительными, не создающими в крае прочного социального, культурного и ментального фундамента» (с.230). Уважаемый автор то ли по незнанию (в чем его трудно обвинить!), то ли по недоразумению, совершенно «не видит» в своей заключительной части того, что именно в результате собственного трудного опыта проб и ошибок преобразовательской деятельности на Кавказе российская государственная машина шла по пути поисков относительно оптимального сочетания общегосударственных порядков и местных установлений, с тенденцией к постепенному доминированию первых. Но именно этот учет горьких уроков, во многом проистекавших от ряда тяжелых неудач периода «Кавказской войны», и ставится в вину С.С. Лазаряном российским властям, которые обвиняются автором в «метаниях» и «осторожности!» (с.225-227).

Но вернемся к англичанам. Не только С.С. Лазарян благоговееет перед их опытом. Такой же пиетет был характерен еще для А.Е. Розена, что явствует из его «Записок декабриста» (5). Но и в наше время у С.С. Лазаряна есть единомышленники. Например, проф. В.Г. Шнайдер в своей известной монографии утверждает то же, о чем мы уже прочитали у г. Лазаряна: «Надо констатировать факт: у людей, силами которых осуществлялось завоевание Северного Кавказа и первоначальное заселение отвоеванных территорий, четкого представления о мотивах их деятельности и пребывания здесь не было. Это обстоятельство крайне важно для понимания существа рассматриваемой проблемы, ибо Россия никогда не имела какой-либо четкой доктрины колониальной политики (как, например, это было у Англии)» (6). Несколько выше этого пассажа В.Г. Шнайдер отмечает: «Спасение единой Грузии от порабощения Османской империей было слабым, но, по существу, единственным более или менее состоятельным аргументом в оправдание Кавказской войны» (7). Итак с мотивировкой у России на Кавказе была «слабовато». А как же было на самом деле у англичан?

В работе Дж. Р. Сили, написанной на рубеже XIX-XX вв., которую современники называли «евангелием британского империализма», по поводу действий Англии в отношении Индии написано буквально следующее (приводится с сокращениями). «Постепенно, и главным образом в недавнее время между Индией и Англией возникла обширная торговля, но, как я указал, даже ее едва ли имели в виду те, кто принимал главное участие в создании индийской империи. Трудно указать, какие другие крупные выгоды пожинает Англия в Индии (8). И мы в недоумении спрашиваем себя, что же побудило Англию завладеть Индией? ...Если верно, как это подчас изображает Торрес, что Питт и лорд Уэльзли в негласном соглашении решали создать восточную империю взамен американских колоний, то такая политика, согласно взглядам, проводимым в этих лекциях (лекциях самого Дж. Р. Сили – *Авт.*), должна быть сочтена неосновательной и химерической. Однако гласно политика эта оправдывалась главным образом филантропическими аргументами... Нельзя было отрицать, что в Индии царствует плачевная анархия... Эта анархия являлась прямым следствием упадка авторитета Великого Могола... Захваты должны были являться перед ними (т.е. англичанами – *Авт.*) в ореоле долга, ибо казалось, что одно расширение английской власти моментально кладет конец грабежам и убийствам и устанавливает царство закона... Итак англичане создали империю, руководствуясь отчасти, быть может, пустой честолюбивой страстью к человеколюбивым завоеваниям, отчасти желанием прекратить колоссальные бедствия. Но каковы бы ни были их мотивы, они взяли на себя громадную ответственность, не возмещенную никакими выгодами. Они обладают теперь обширной индийской торговлей, но и ту приобрели ценой постоянного страха перед Россией, перед всякими движениями в мусульманском мире, перед всякими переменами в Египте» (9).

Таким образом, мы видим, что мотивировка англичан, завоевывавших Индию, была вряд ли более совершенной, чем российская, в основе которой лежало спасение единой Грузии.

Желание ставить России в пример «чужих дядей» и огульно отрицать богатый и разнообразный (хотя, конечно, и далеко неоднозначный!) опыт социокультурного, политического и экономического взаимодействия России с такой ее знаковой частью как Северный Кавказ приводит автора на с. 234-239 к ряду абсурдных выводов, которые увенчаны совершенно противоречащим им тезисом: «Россия, в конечном счете, добивается в целом успешного решения, стоявших державных задач, однако непростительное невнимание к деталям и сопутствующим факторам слишком увеличивает цену любой ее победы» (с.240). А причина таких «метаний» (это уж ни дать, ни взять!) в том, что С.С. Лазарян, несмотря на немалую осведомленность, тем не менее, далек от обширного пласта исторических исследований, успешно ведущихся в регионе, в центре внимания которых – различные грани российской политики на Северном Кавказе в XVIII-XX вв. Для этого достаточно обратиться хотя бы к тематике диссертационных работ, защищаемых в последние годы в Диссертационном Совете при СГУ (г. Ставрополь), руководимом ректором, проф. В.А. Шаповаловым (10).

Обращая острие своей критики против слабых мест книги С.С. Лазаряна, мы, в то же время, отмечаем, что определенные вопросы подняты им вполне справедливо. Так, на с. 239 он пишет, что Россия столкнулась с общемировой проблемой обратного движения «жителей бывших для метрополии областей колонизации» и вновь оказалась неподготовленной с этой встречей с кавказским миром, отчего в широких кругах российского общества растет растерянность и несогласие с вторжением «почти инородного социального бытия». Эту животрепещущую тему уже всерьез подняли другие кавказоведы (11), высказались по ней и мы (12). Проблема лиц «кавказской национальности» одна из самых больных в стране, ее нужно всесторонне обсуждать и эффективно решать. Но вот только не нужно думать, что в других странах подобные проблемы блестяще устранены. Недавние погромы в Париже, теракты в Великобритании и т.п. говорят о том, что *нигде* в странах с колониальным прошлым не оказались готовы к разворачивающемуся на наших

глазах новому Великому переселению народов, происходящему в условиях глобализации.

Эти и подобные проблемы невозможно «регулировать» путем экстремизма и нетерпимости. Между тем, заключительный пассаж книги вызывает буквально изумление: «Пока горские этносы сохраняют свои позиции в естественных для них кормящих и вмещающих ландшафтах, пока сами ландшафты остаются неизменными нельзя добиться того, чтобы каждый горец перестал разделять для себя мир Кавказа и мир России, как и Россия переменяла свою оценку горцев Кавказа» (с.240). Их что, нужно выселить с Кавказа?! У Советского Союза в эпоху сталинизма, увы, уже был такой печальный и трагический опыт.

Завершая свой отзыв мы бы хотели вновь обратиться к творчеству Дж.Р. Сили. «Рост богатства, торговли и промышленности, падение старой колониальной системы и постепенное развитие новой – все это легко обнимается одной формулой. Наконец, формула эта связывает прошлое Англии с ее будущим: принимая ее англичане должны оканчивать историю своей отчизны **не утомленными и смущенными** (выделено нами. – *Авт.*), как от чтения слишком растянутой повести, но просветленными и более прежнего заинтересованными; они должны чувствовать себя подготовленными к тому, что их ждет впереди» (13).

У нас создалось впечатление, что, завершив свою книгу, наш автор почувствовал себя таким вот «утомленным и смущенным», потеряв ориентиры и перспективу. Уроки же подобного труда должны заключаются не в чувстве растерянности и опустошенности от написанного, а совсем в другом – как поставить уникальный опыт таких деятелей, как М.С. Воронцов на службу России и утверждения «Российскости».

Примечания

1. Кстати, почему отставной? Под «настоящими кавказцами», например, М.Ю. Лермонтов подразумевал вовсе не отставных военных.

2. Еще один «ляп» исследователя. Из таких вот «невразумительных собраний» постепенно началось научное кавказоведение.
3. История Востока. В 6 т. Т.2. Восток в средние века. – М.: Вост. Лит., 2002, с.532.
4. Основные этапы всемирной истории/Под ред В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. – Армавир, 2009, с.181-186.
5. Розен А.Е. Записки декабриста.- Спб.: Дм. Буланин, 2008, с.286.
6. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. – М., 2005, с.98.
7. Там же, с.97.
8. Убыточность Северного Кавказа для Российского государства в период его вхождения в состав России очевидна даже для тех российских историков, которые ратуют за положение об исключительно завоевательном характере действий Российской империи в отношении Кавказа (см.: Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007, с.186).
9. Сили Джон Роберт. Расширение Англии // Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А. Британская империя. – М.: Изд. Алгоритм-Книга, Изд. Эксмо, 2004, с.320-322.
10. Вот темы только некоторых из них: Кондрашева А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX - начало XX вв.) / Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2003; Серегина О.И. Курорты Северного Кавказа в военной, экономической и культурной жизни России в конце XVIII-начале XX вв./ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2003; Адухов М.Д. Становление и развитие светского образования в Дагестане (вторая половина XIX-XX вв.)/ Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Ставрополь, 2004; Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция/ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005; Бенку И.В. Система казачьего самоуправления с XVIII в. по 1860 год (на примере Донского, Запорожского и Черноморского казачьих войск) / Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005; Ряснянская Н.Б. Городское самоуправление в Центральном и Восточном Предкавказье в конце XVIII-середине XIX в./ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005; Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона) / Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Ставрополь, 2006; Кошарная Т.П. Городское население Ставрополя и Терка в конце XVIII-XIX в.: эволюция социально-правового положения, хозяйственного уклада и быта/ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2007; Неженцева О.Н. Реализация государственной политики Российской империи в сфере образования на Ставрополье во второй половине XIX века/ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008; Шумакова Е.В. Формирование и развитие социокультурного пограничья: крестьяне и кочевники Центрального Предкавказья в конце XVIII – начале XX в./ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008; Пылков О.С. Участие

Российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.)/ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008; Скворцов А.А. Северный Кавказ в период борьбы России с Наполеоном и историческая память местного общества об эпохе 1812-1815 гг./ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2009; Кулешин М.Г. Интеграция горского населения Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи в рамках Терской области (60-90-е гг. XIX в.)/ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2009; Абрамян Л.П. Государственное управление внутренними инородцами Степного Предкавказья во второй половине XVIII – первой половине XIX века (Политико-правовые и социокультурные аспекты)/ Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2009.

11. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов / Артур Цуциев
<http://lib.sportedu.ru/BiblCard.idc?DocID=126265&DocQuerID=NULL&DocTypeID=NULL&QF...> – 8,506 байт
12. Дударев С.Л. Трудными дорогами сотрудничества // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 15. – Армавир, 2009, с.124-196.
13. Дж.Р. Сили. Указ. соч, с.326.

А.А. Цыбулькиова

**РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ – ЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ
НЕСОВМЕСТИМОСТИ ИЛИ ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ :
взгляд через призму монографии С.С. Лазаряна**

Вышедшая в 2009 году монография пятигорского историка С.С.Лазаряна «Воронцовский Кавказ» [3] - это разностороннее, довольно взвешенное научное исследование деятельности князя М.С.Воронцова в период его кавказского наместничества в 1844-1854 годах. Удивляет только объемное (на 30 страниц!) заключение, аналитические выкладки которого в большинстве своем не только не являются выводами к тексту монографии, но иногда даже противоречат ему.

Основная «стратегическая» идея заключения, как нам показалось, сформулирована автором уже на второй странице и суть ее в «самоотверженной непримиримости враждебного России этнического и социального

пространства» Кавказа (с. 211) - обратите внимание не *части*, а *всего* пространства Кавказа (кроме, как это будет оговорено далее по тексту, христианских Грузии и части Осетии).

Этнический мир Северного Кавказа в трактовке С.С.Лазаряна представляется как единый, практически *национальный*, монолит, из чего вытекают некоторые весьма спорные трактовки. Так, на стр. 213 озвучена мысль о столкновении в XIX веке «двух разных армий: российской, действующей по военным правилам, и горской, непредсказуемой и ведущей партизанскую борьбу». Данная трактовка прямо противоречит наличию главного фактора образования полноценной армии – мощной централизованной государственной структуры, которой не было и не могло быть в XVIII-XIX веках у горцев. Даже имамат Шамиля в силу своей незрелой структурности полноценную армию породить не смог. Называть *Армией* полуразбойничьи шайки или временные объединения небольших этнолокальных военных отрядов [1], как нам кажется, не корректно.

Еще одним тезисом, как красная нить проходящим через все размышления автора монографии, является идея о неподготовленности российским правительством стратегии и тактики включения Кавказа в состав империи. Например, на стр. 214 исследователь пишет: «Не была сформулирована Россией и та цена, которую она могла и готова была заплатить за Кавказ. Не продумала Россия и всех способов и средств – ближайших и отдаленных, - которые будут необходимы ей для всесторонне успешной колонизации вновь приобретаемого края». С этим довольно сложно спорить, наблюдая за теми метаниями которые происходили в военно-политической тактике колонизации Северного Кавказа в первой половине XIX века. Настораживает в данном тезисе только одно – его крайность. Ну уж такая Россия бестолково неопытная, словно и не было в ее истории практически беспрестанной многовековой колонизации разноэтнических и разноконфессиональных регионов, начиная с Поволжья и заканчивая Сибирью и Дальним Востоком. И мусульман в национальных провинциях империи уже к

концу XVIII века было немало [5] – горцы в данном случае не уникальны, и потому утверждать что главной причиной *органической несовместимости* России и Кавказа является религия (как это делается на с. 236) по меньшей мере странно.

Вызвали недоумение и некоторые выкладки о казачестве. Так, подтверждая идею о неподготовленности тактики империи, С.С.Лазарян заявляет о том, что сам колонизатор был «либо стихийным инициатором, как казак или крестьянин, либо всякого рода «гулящий» люд, либо отставной военный, либо невразумительный собиратель экзотики, но никак не расчетливый инженер или торговец-конкистадор» (с. 215). Не совсем понятно, что же стихийного было в переселении казачества и крестьянства на Кавказ, если оно шло под строгим контролем и финансированием государства [7]. Тем более что буквально полстраницы спустя автор об этом и рассуждает. Еще большее недоумение вызывает утверждение о том, что «генералы сгоняли на новые места казаков целыми станицами, что вызывало в их среде волнения, как, например, в Черномории» (с. 215). Во-первых, переселение казачьих войск на новые пограничные рубежи еще со времен Ивана Грозного стало становиться нормальной государственной колонизационной тактикой – собственно для того существовало данное военное сословие, тем и отличалось от регулярных войск [8]. «Волнения» по данному поводу редко возникали в казачьей среде и вызывались скорее не фактом переселения, а сопутствующими социально-экономическими проблемами. А события, на которые в данном утверждении ссылается автор – случай исключительный для Кавказа, в дальнейшем ярких повторений не имевший.

Впрочем, неточности, связанные с казачеством, встречаются не только в заключении, но и по тексту монографии. Например, в главе «Князь М.С.Воронцов и проблема кавказского разбойничества» С.С.Лазарян, рассказывая о системе обороны Кавказской линии («от Кизляра до Тамани») описывает ее так: «По сигнальному выстрелу жители всех других станиц собирались и шли на помощь подвергшимся нападению со стороны горцев» (с.

97). То есть опять же видна идея стихийности казачьей колонизации – непонятно чем занимались во время нападения регулярные войска, по видимому, они вообще на Линии отсутствовали? Ведь согласно представлениям автора «в кордонах служили малороссийские казаки и поселенцы» (с. 97) – почему на всем протяжении до Кизляра жили казаки именно «малороссийские» и кто такие «поселенцы» (ну не крестьяне же?) автор умалчивает.

Одной из спорных мыслей автора монографии является рассмотрение как *отрицательного* явления того, что «русский мир не производил потрясения основ кавказского фундамента и не доказывал силу своего созидательного превосходства, а своей снисходительностью или соглашательством позволял сохраняться всем прежним традиционным структурам, которые от этого не только не пострадали, но укрепились, а поэтому не были разрушены напором сокрушающего военного превосходства» (с. 226). По мнению С.С.Лазаряна радикально не уничтожив традиционных основ невозможно было качественно привязать Кавказ к России. Удивительно, но мне всегда казалось, что для России как для многонационального государства «суши» [2] наоборот, на протяжении многих веков было характерно (как *положительная* особенность!) мягкое, эволюционное включение этнических провинций в общее государственное поле путем постепенного замещения традиционных институтов на местах. И такой российскостью [6] мы и гордимся, противопоставляя ее западному колониализму. «Военно-силовой аргумент» (с. 229), который постоянно упоминается автором при трактовке действий России, был далеко не единственным и однозначно *временным* способом при включении любых иноэтничных территорий в состав страны [4].

И в завершение хотелось бы обратить внимание на общую, так сказать «стратегическую», тональность текста заключения. Если бы действительно не знать о том, как сложится судьба российского Кавказа в XX – начале XXI века, то прочитав размышления С.С. Лазаряна можно было бы четко понять что в данном исследовании речь идет о двух регионах, которые в силу своей

органической несовместимости, в силу того что они так и не смогли «выработать необходимого универсализма» к первым десятилетиям XX века (с. 238), давно уже разобщились и являются яркими антагонистами по сей день. Но ведь реальная история сама проверяет верность любых теоретических прогнозов, и то что единство России и Северного Кавказа пережило и 1917 г., и 1942 г. и 1991 г. прямо противоположно тем генеральным выводам которые выстраивает автор монографии.

Примечания

1. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Книга 1. (СПб, 1871-1888). // Н.Ф.Дубровин о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: «Эль-Фа», 2002; Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии. – Армавир, 2005.
2. Дугин А.Г.Геополитика как эффективный метод современной российской политической теории и практики //Евразийский проект: кавказский вектор / Южнороссийское обозрение. – 2005. - № 30. – С. 11-30.
3. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. – Пятигорск. ГОУ ВПО ПГЛУ; Рекламно-информационное агенство на КМВ, 2009. – 248 с.
4. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства: Автореф. дис. канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 2005.
5. Нестеров Ф. Связь времен. – М., 1987.
6. См. например: Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа) /Под ред. проф. В.Б.Виноградова. – Армавир, 1999; Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. – М.; Армавир, 2006; Серова М.И. К вопросу о роли «российскости» в истории кавказской культурной интеграции //Современные аспекты российского Кавказоведения (Мозаика новейших статей и материалов). Вып. 2. – М.; Армавир, 2009. – С. 8-52.
7. См. например: Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX в. – Краснодар, 1993;Чекменев С.А. Переселенцы. – Пятигорск, 1994.
8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: Репринтное воспроизведение в 2-х томах. - Краснодар, 1992. (Репр. воспр.: Екатеринодар, 1910-1913.)

Д.В. Жиляев

**К ОБСУЖДЕНИЮ МОНОГРАФИИ
С.С. ЛАЗАРЯНА «ВОРОНЦОВСКИЙ КАВКАЗ. ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ»**

Монография С.С. Лазаряна представляет немалый исследовательский интерес. Но так получилось, что наиболее острым и противоречивым у автора получилась заключительная часть его работы, на которой мы и хотим остановиться. Она содержит несколько ключевых идей, которые, очевидно, выражают принципиальный авторский взгляд на проблемы вхождения территории Кавказа в состав Российского государства.

Авторская трактовка сложного и многовекового процесса прихода России на Кавказ не лишена оригинальности и подаётся читателю эмоциональным и образным слогом. Некоторые факты, на которые ссылается С.С. Лазарян., бесспорно имели место в историческом прошлом нашей страны. В частности, можно согласиться с автором в том, что политика «высших эшелонов российской политической элиты» на Кавказе была далека от идеала, что служило одним из факторов, замедлявших процесс «замирения» той части народов региона, которая оказывала России вооруженное сопротивление, и затруднявших взаимопонимание. Остановливаясь на деятельности конкретных исторических персонажей, в то или иное время реализовывавших политику России на Кавказе, безусловно, можно найти немало подобных негативных примеров. Пожалуй, самым горьким подтверждением этого стал заключительный период «Кавказской войны», связанный с переселением значительной части народов Северо-Западного Кавказа за границу. Одним из факторов «крупнейшей геополитической неудачи России» стала неумелая политика российских властей, которые оказались бессильны против вспыхнувшего переселенческого движения, не сумели остановить массовую горскую эмиграцию, не предприняли для этого всех должных мер.

Однако, «полет» исследовательской мысли приводит С.С. Лазаряна к выводам, с которыми сложно согласиться. Автор пишет: «Кавказ в ряду исторических вызовов нельзя назвать вполне успешным проектом России уже потому, что хотя он и был завоеван силой оружия и преобразован в той его части, которую заняли славяно-христианские переселенцы, но русский мир остановился в недоумении перед неуступчивой и неотзывчивой на его импульсы традиционностью кавказских горцев» (Лазарян С.С., указ. соч., С. 240). С.С. Лазарян изображает процесс сращивания Кавказа с Российским государством, как некий «проект», в основу которого легло использование вооруженной силы против непокорного местного населения. Автор приводит положительные, с его точки зрения, примеры колониационной политики Великобритании периода XVIII-XIX веков, попутно «укоряет» российские власти за отсутствие целенаправленной, планомерной и системной политики в регионе, сохранение традиционного уклада жизни и культуры автохтонного населения Кавказа, а Русскую Православную церковь обвиняет в недостаточной миссионерской деятельности среди нехристианских народов. В результате, С.С. Лазарян создаёт мрачную картину безнадежной и бесперспективной политики российских властей на Кавказе, которая, все же, ценой огромных потерь, привела к присоединению и замирению этого региона.

Считаем, что подобный подход не отражает особенности длительного и сложного исторического процесс развития отношений России с народами Кавказа. Политика Российской империи в регионе имела очевидную цель – обеспечение безопасности южных границ государства, и для достижения этой цели использовались различные средства, среди которых военная сила не была главным. Генезис Российского государства представляет собой уникальный опыт единения основанного на органичном и полномочном включении иноэтничных регионов в состав империи.

Обнаруживает ряд вопросов и используемый в работе С.С. Лазаряна терминологический аппарат. Так, автор анализирует определения «колониальная политика», «колония», «колонизация» и «колониализм»,

содержащиеся в разных источниках дореволюционного, советского и современного периодов. В результате он приходит к выводу о том, что «все упомянутые трактовки терминов колонизация и колониализм недостаточно ясно выявляют соотношение и зависимость между ними» (отметим, что сравнивая понятия «колонизация» и «колониализм», С.С. Лазарян цитирует лишь одно определение понятия «колониализм» из Большого толкового социологического словаря (Collins). Далее, С.С. Лазарян определяет колониализм как стратегию, «отображающую социально-политическое явление, состояние общества и направленность его политических и экономических элит», а колонизацию как тактику, т.е. «практику, средства и способы реализации процесса» (Лазарян С.С., указ. соч., С. 224).

Изложенная автором позиция в отношении терминов «колонизация» и «колониализм», на наш взгляд, не вносит какую-либо ясность и не оправдывает дальнейшее и предшествующее многочисленное их употребление. Если колониализм – это стратегия, а колонизация – это тактика, то что же составляет суть этих процессов? Особое значение приобретает смысл понятий «колонизация» и «колониаторский», так как С.С. Лазарян использует именно эти термины для характеристики сложных и многоплановых взаимоотношений между Российской империей и Кавказом, начиная со времен Петра I.

Остается непонятным и применение автором монографии терминов «русский мир» и «мир России», причем, данные понятия используются им как синонимы. Многочисленные акценты на таких словосочетаниях, как «русские усилия», «русская политика» и т.п.,стораживают, и заставляют вспомнить не лучшие примеры исторических исследований 90-х годов прошлого века, широко пропагандировавших термин «русско-кавказская война» (см., например: Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. С. 27).

Б.В. Виноградов

К ОЦЕНКЕ ХАРАКТЕРА И ПЕРСПЕКТИВ РОССИЙСКО-КАВКАЗСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МОНОГРАФИИ С.С.ЛАЗАРЯНА

Увидела свет монография С.С. Лазаряна «Воронцовский Кавказ. Исторические очерки» (1). Сам замысел её автора – попытаться проанализировать влияние деятельности кавказского наместника М.С. Воронцова на местную обстановку середины 40 – начала 50-х гг. XIX века в широком внутрорегиональном контексте – вполне понятен и обоснован. Следуя данному замыслу, С.С. Лазарян довольно последовательно в ряде глав-очерков раскрывает разнообразные аспекты службы М.С. Воронцова на посту наместника Кавказа.

Однако уже в первой главе начинает проявляться показательная тенденция: автор монографии недостаточно владеет и фактографической, и аналитической составляющими оценивания российской политики на Кавказе в «доворонцовский» период. Именно отсюда проистекают неоднократные утверждения С.С. Лазаряна о том, что до М.С. Воронцова российские командующие на Кавказе «уповали главным образом на силу военной руки, делая ставку на мощь армии» (2). Между тем, на протяжении конца XVIII – начала XIX в. с российской стороны наличествовали и апробировались проекты по мирному интегрированию населения Кавказа в систему имперского влияния и управления (3), что достаточно отражено как в архивных, так и в опубликованных источниках.

Таким образом, наместник М.С. Воронцов не являлся первооткрывателем тех методов взаимодействия с жителями региона, которые С.С. Лазарян приписывает исключительно ему. Совершенно понятно, что не один историк не в состоянии в одинаковой мере быть специалистом на разных «дистанциях» широкого хронологического диапазона российско – кавказских

взаимоотношений. Однако представляется, что присущая С.С.Лазаряну категоричность в оценке методов воздействия России на Кавказ в «воронцовское» время не способствует перспективе объективного исследования процесса интеграции Кавказа в состав России.

Можно заметить ещё один принципиально значимый нюанс: в начале монографии автор неоднократно (в том числе с опорой на цитирование документов) отмечал, что для России было необходимо превратить Кавказ в составную часть империи (4). Однако практически сразу же С.С. Лазарян заявляет, что «Кавказ как колонизируемый край, находился в условиях и правилах колониальной системы» и что М.С. Воронцов «считал возможным использовать многолетний опыт европейцев, которые успешно выстраивали свои колониальные империи» (5).

Здесь необходимо отметить, что составная часть империи (если Российская империя – полиэтничное, поликонфессиональное и вмещающее в себя различные цивилизационные модели развития образование) совсем неравнозначна составной части колониальной империи в рамках европейской практики – ведь колониальные владения стан – метрополий не структурировались в конечном итоге в их государственный организм.

Кстати, приписывание наместнику М.С. Воронцову использования на Кавказе европейских колониальных правил и традиций (6) без какой-либо опоры на документальные свидетельства выглядит, по меньшей мере, странно для историка-профессионала.

Несмотря на отмеченные «неадекватности» в целом С.С. Лазаряну удалось более или менее комплексно преподнести читателям деятельность М.С.Воронцова на Кавказе. И здесь после серии «исторических очерков» напрашивались аналитические выводы касательно заявленной проблематики. Однако, по причинам нам не понятным анализ «воронцовского наместничества» был заменен автором на рассуждения совершенно иного свойства.

На протяжении тридцати страниц в разделе, нареченном «Вместо заключения» С.С. Лазарян дает оценки российской политики на Кавказе вообще в максимально возможном хронологическом диапазоне и претензиями на теоретическое осмысление проблематики. Рискнем предположить, что для адекватного теоретического осмысления российско – кавказского взаимодействия у автора монографии явно недостает собственного исследовательского опыта в научном кавказоведении. Поэтому, вероятно, некоторые выкладки С.С. Лазаряна напоминают рассуждения Я.А. Гордина, который утверждал (нелишне будет заметить, что в период действия позорных и опасных для территориальной целостности России хасавюртовских соглашений с чеченскими сепаратистами) о несовместимости России и Кавказа (7).

Вообще, по мнению С.С. Лазаряна Россия делала на Кавказе всё не так, как надо. Почти единственным, с точки зрения автора, светлым пятном в несуразностях «русского мира» являлись армяне, которые-то и были чуть не единственным нормальным связующим звеном между российскими властями и горцами. Ещё в основной части монографии С.С. Лазарян посвятил целый очерк роли армян в преобразовании кавказского края (8). В данном очерке армянский народ преподносится как народ без недостатков. А ведь, как и у каждого человека, так и у каждого народа были, есть и будут специфические недостатки, нередко являющиеся продолжением его же достоинств. И неплохо бы об этом помнить всем, в том числе историкам, чтобы не повести «свой» народ по скользкой тропинке безудержного самолюбования.

Вкратце претензии С.С.Лазаряна к российской кавказской политике можно свести к следующим позициям:

1. Россия не разработала многослойный проект колонизации Кавказа, не имела четкой цели в овладении регионом.
2. Российские власти не смогли обеспечить победу русского элемента над «кавказским духом».

3. Россия недостаточно последовательно и методично преобразовывала Кавказ на основе «колониальной системы».
4. Культурный разрыв между русским и кавказским миром так и не был преодолен.

Наверно, для С.С. Лазаряна, как для делающего первые серьезные шаги в кавказоведении, не вполне ясно то, что проекты российской колонизации Кавказа были органически взаимосвязаны с конкретными на тот или иной момент времени внешнеполитическими обстоятельствами и возможностями и региональными рисками, и в данном контексте какой-то «многослойный», заранее составленный проект был невозможен.

Касательно заражения русского элемента «кавказским духом» заметим, что подобная толерантность «русского мира» объективно способствовала интеграции Кавказа в состав России – ведь данный регион должен был стать составной частью русского, а не только русского, мира. А российскость складывалась, в том числе из взаимопроникновения традиций и культур. И если на определенном этапе представители государствообразующего народа оказывались более восприимчивы, к новой этнокультурной среде, чем местные народы к «русскому духу», это не означает отсутствия взаимопроникновения культур в принципе и на перспективу.

Вообще, стоит заметить, что при наличии категоричных теоретизирований по проблематике российско-кавказского взаимодействия, С.С. Лазарян не владеет целым пластом новейших кавказоведческих исследований, проработка которых могла бы способствовать более адекватному анализу ситуации на Кавказе (9).

Совершенно не ясно как Россия, следуя рекомендациям С.С. Лазаряна, должна была производить «потрясение основ кавказского фундамента» в рамках «колониальной системы». Ведь не секрет, что и «локальные потрясения» не раз вызывали сопротивление горцев. В данном смысле совершенно не ясны положительные примеры, приводимые С.С. Лазаряном из

практики европейского колониализма – ведь традиционный уклад в «туземных колониях» не был трансформирован в сколь-нибудь полной степени, где бы-то ни было (зато «последовательность» во внедрении капитализма обошлась в миллионы человеческих жизней в той же самой британской Индии).

Кстати, само обоснование колониальной деятельности России на Кавказе выглядит у С.С. Лазаряна предельно запутано и маловразумительно. Приведенные автором энциклопедические определения колоний, их типологизация не соотносятся с кавказскими реалиями XIX века, и в данной связи не ясно, на основании чего С.С. Лазарян выводит существование колониальной системы в регионе и упрекает Россию в непоследовательности в её воплощении.

Небезынтересно вспомнить и то, что европейская колониальная практика привела к, мягко говоря, своеобразной интеграции «туземного населения»: при отсутствии государственного единства с метрополией это вылилось в развитие предельно дисгармоничных экономик (на благо колонизаторам), что в настоящее время является основой многих трудноразрешимых проблем «развивающихся стран». Так чему же Россия должна здесь учиться?

Конечно, традиционный уклад горских народов являлся немалым препятствием для интегрирования Кавказа в состав России, и сохранение некоторых его черт определяет проблемы и сегодняшнего дня. Однако говорить о сохранении культурного разрыва между русским и кавказским миром на этом основании не бесспорно, если осознавать динамику деятельности России на Кавказе с XVIII-го века по настоящее время. С.С. Лазарян допустил немалую теоретическую ошибку, выводя в чистом виде «мир русский» и «мир кавказский», не замечая складывания взаимопереплетенного «российского мира» на Кавказе.

Получается, что теоретические выводы С.С. Лазаряна предельно дезинтеграционны в части перспектив политического бытия российского Кавказа и при этом достаточно умозрительны. По ряду показателей из теоретизирований С.С. Лазаряна исходят большие центробежные импульсы,

чем из последних опытов оценивания характера российско-горского взаимодействия некоторыми историками северокавказских субъектов Российской Федерации(10).

Конечно, монография С.С. Лазаряна оставит свой след в кавказоведческой историографии (прежде всего по части собственно исторических очерков, посвященных деятельности на Кавказе М.С. Воронцова). Неизбежно будет замечена и заключительная часть книги. Однако думается, что для историков-профессионалов теоретические размышления должны опираться на глубокое и одновременно панорамное знание фактов. Достижения этого в дальнейших исследованиях хочется пожелать С.С. Лазаряну.

Примечания

1. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. - Пятигорск, 2009.
2. Там же. – С.10
3. См., например: Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 г.г. – Славянск-на-Кубани, 2005; Его же. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начало XIX в. – Славянск-на-Кубани, 2009.
4. Лазарян С.С. Указ. соч. – С.8,29.
5. Там же. – С.30.
6. Там же. – С.30-31, 42.
7. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб, 2000; См. также: Виноградов Б.В., Рябиков А.Н. Россия и Кавказ: Вариант Якова Гордина // Вопросы северокавказской истории. Вып.6. Ч.1. – Армавир, 2001. – С.71-75.
8. Лазарян С.С. Указ. соч. – С.60-69.

9. См. например: Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь, 2008; Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). - Ростов-на-Дону, 2006
10. См. например: Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2008; История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик 2007.

О.С. Пылков

«СЛЕДУЕТ ИДТИ ПО СИСТЕМЕ МЕНЕЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ, ШАГАМИ, МОЖЕТ БЫТЬ, БОЛЕЕ ВЕРНЫМИ, НО ТИХИМИ » (О строительстве дорожно-транспортной сети на Кавказе при наместнике князе М.С. Воронцове)

В первой половине XIX в. Кавказ представлял собой особенный регион, требовавший не только военных мер, но и определенных созидательных шагов по его обустройству и интеграции в состав Российской империи. При этом природные и климатические условия были одним из главных «противников» русской армии в этом крае. Российский офицер Н. Волконский отмечал, что «главнейший противодейтель наших стремлений и наиболее чувствительный соперник русского солдата — природа Кавказа — был всецело на стороне горца», при этом «русский солдат девять десятых лет своей боевой службы на Кавказе и столько же своих сил и трудов затрачивал на разработку дорог, на постройку укрепленных пунктов, на рубку леса и проведение просек... » (9, с. 222).

На Кавказе военнотружущим приходилось прикладывать все свои силы и познания для выполнения поставленных перед ними задач, среди которых важное место занимало создание постоянных и безопасных сообщений. Важность дорог в политическом и экономическом отношениях совпадала с их

военным значением, что определяло участие армии в их сооружении (3). Особое внимание этому уделялось в период деятельности наместника на Кавказе генерала М.С. Воронцова (1844 – 1853).

В это время Кавказ необходимо было «замирять и вживлять в мир и структуру империи», чему сугубо скоротечные военные акции никак не способствовали (11, с. 29). Требовалось обустраивать регион, созидать в нем ростки безопасной и мирной жизни. Неудача Даргинской экспедиции 1845 г. лишь убедила князя в этом, утвердив его в мысли, что отныне «следует идти по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими» (16, с. 308). В этом направлении важной мерой, способной принести положительные результаты, Воронцову виделось устройство в регионе новых и ремонт старых дорог и сообщений, которые, по его мнению, составляли на Кавказе «одно из важнейших условий, при нашей здешней власти» (1, с.889).

Местные коммуникации требовали «особенной заботливости», для нужд в военном и гражданском отношениях. В этой связи на смену тактике штыка, вновь должна была прийти тактика топора, ранее уже известная как «осада Кавказской крепости» А.П. Ермолова. Такая стратегия требовала изнурительного труда. При этом целью подобных работ являлись не только военно-стратегические соображения (доступность для войск труднопроходимых районов базирования немирных горцев, откуда совершались набеги и нападения), но и необходимость развития торговли и административно-правительственного управления в крае, а также пропаганда выгод мирного образа жизни среди местного населения. Генерал М.С. Воронцов считал, что с проведением удобных дорог все внутренние части Кавказского края «немедленно оживятся, усилятся взаимные сообщения и неминуемо возникнут от новой системы всякого рода промышленности» (1, с. 889).

Отказ от экспедиций, на которых ранее настаивал Петербург, заставил российских военных перейти к строительству новых и ремонту старых коммуникаций. По распоряжению наместника производились вырубki лесов и

открытие дорог на Северном Кавказе (Большая и Малая Чечня, Дагестан, Черноморья и т.д.) и в Закавказье. Так, была значительно улучшена, а в некоторых местах «совершенно переделана» Военно-Грузинская дорога. Строилась обходная дорога от Казбека до Пасанаура (в 47 верст длиной и 4 сажени шириной, на нее было израсходовано около 1 млн. руб. асс.), которая впоследствии «служила торговле, а почты и курьеры отправлялись по ней в то время, когда на Крестовой горе не было проезда от снегов» (1, с. 859). В 1846-1848 гг. велись работы по устройству важной в стратегическом отношении Военно-Ахтинской дороги (из Грузии до селения Ахты в долине р. Самур), предназначенной для движения военных и торговых транспортов из Кахетии в Южный Дагестан и Дербент (4, с. 284; 16, с. 322).

Работы производились и в Абхазии по Военно-Имеретинской дороге от Кутаиса до Сухума и Редут-Кале, где были устроены несколько почтовых станций, по образцу станционных домов, существующих в Земле войска Донского. От Сухума до Редут-Кале была разработана береговая дорога с множеством мостов через небольшие речки и паромным сообщением через реки Кодор и Ингур, что должно было способствовать развитию торговли.

На Северном Кавказе в центре особого внимания М.С. Воронцова находилась Малая и Большая Чечня. Здесь также было признано, что «вернейшее средство к постепенному покорению всей Чечни, есть проложение путей», позволявшее войскам «двигаться во всякое время и по всем направлениям» (11, с. 112). При дорожных работах в Чечне учитывался опыт аналогичной деятельности А.П. Ермолова и А.А. Вельяминова, а при устройстве коммуникаций в Дагестане имелись в виду «благоразумныя и прямо военныя распоряжения во Франции, при Людовике XIV, маршала Виллара», сделанные им в Севенских горах (1, с. 889).

Уже зимой с 1845 на 1846 г. в Чечне под руководством генералов Фрейтага и Нестерова была начата рубка лесов и расширение просек. Так, в 1846 г. прорубались просеки (шириной в 2 – 3 версты) и прокладывались дороги от кр. Грозной к Алдинским хуторам. На р. Гехи генерал Нестеров расчистил от леса

сквозной путь до Ачхи и проложил дорогу в Галашское общество (1, с. 471 – 474; 4, с. 246–248). Новая дорога была проложена и к укреплению Урус-Мартан до р. Сунжи. В 1848 г. «лесные работы», в которых участвовали артиллеристы 20-й артиллерийской бригады, производились с южной стороны «Большой русской дороги» (между Мартаном и Рощекою³) по направлению от крепости Воздвиженской к р. Гойте (2, с. 24; 18, с. 30). А в ходе зимней кампании 1848–1849 гг. без единого выстрела генерал Нестеров провел расчистку путей между «Большой русской дорогой» и Сунжей.

Вследствие отмеченных работ образовалась передовая Чеченская линия, которая дорогой, проложенной по широким расчищенным просекам, соединила укрепления Ачхоевское, Урус-Мартановское и Воздвиженское, а более 300 чеченских семей поселилось в окрестностях русских крепостей (Грозной, Воздвиженской, укр. Нестеровского и др.). При этом горцы, изменившие место жительства, для своих потребностей вырубали большие поляны, так, что «вообще весь край получил совершенно другой вид» (1, с. 474). Уже в 1849 г., проводя инспекционную поездку, М.С. Воронцов смог пересечь всю Малую Чечню так, как если бы ехал по мирной земле. По мнению генерала, «сделанные просеки в Чеченских лесах доставили нам владычество и приближают к покорности главную часть Большой Чечни» (1, с. 889).

В начале 1850-х гг. прокладка просек и расчистка дорог были продолжены по обоим берегам р. Аргуна, через Шалинский лес. Так, в 1852 г. была открыта новая военная дорога в глубь Большой Чечни (от Грозной через Аргун в долину Хулхулау), что сопровождалось «неутомимыми трудами, мужеством и храбростью войск» (12, с. 417-420). Дорога пролегла также по Кумыкской линии от укр. Умахан-Юрт до укр. Чир-Юрт на Сулаке (через укр. Куринское, Герзель-аул, Хасав-Юрт, кр. Внезапную) и соединила ее с Нижне-Сунженской линией и с Тереком, посредством пути от Шелкозаводского моста к Хасав-Юрту (через укр. Таш-Кичу, посты и форты при деревнях Энгель-Юрт, Баташ-Юрт и на Карасу) (8, с. 131; 13, с. 184) . Просеки и дороги в Чечне

---

³ Рошнею? (совр. селение Рошни-Чу Урус-Мартановского района. – *Ред.*).

прокладывались не только для единовременного прохода войск, но и с далеко идущей перспективой, как постоянное и надежное сообщение.

Во время управления краем князем М.С. Воронцовым для более быстрого сообщения через реки Терек, Кубань, Баксан, Лабу и другие было начато строительство постоянных мостов, например, на Тереке у Амир-Аджиюрта, Шелкозаводской станицы и поселения Ларс на Военно-Грузинской дороге, на р. Кубани у Григориполисской, Тифлисской и Прочного Окопа, через р. Сулак у Чир-юрта (15, лл. 1- 1 об.), на р. Шавдане (2 моста) и др. (5, л. 8; 6, лл. 1– 1 об; 2 об.- 3).

В рассматриваемый период к прокладке дорог привлекались не только воинские команды, но и горцы. Объясняя необходимость этой меры, князь Воронцов писал: «Везде, где только нужно и можно, я употребляю все имеющиеся у меня средства чтобы открывать и улучшать сообщения и тем мы не только достигаем необходимых и важных результатов в военном отношении, но и сами жители, сперва к тому равнодушные, находят большие выгоды в хорошем сообщении с соседями, для сбыта своих произведений и вообще для всех торговых нужд, и тем постепенно обращаются к мирной жизни и к полезным занятиям» (1, с. 889). Например, в Дагестане к 1851 г. под руководством князя Аргутинского и генерал-майора Орбелиани, батальонам Самурского пехотного полка, солдаты которого «с топором и лопатой в руках, с ружьем за плечами» прокладывали дороги (например, от Дешлагара к передовой линии на Кази-Кумыкском Койсу) (14, с. 23), «почти безденежно» помощь оказывали жители Кази-Кумухского и Кюринского ханств, Дербентской губернии и «Дагестанского общества». В результате местные сообщения были улучшены до того, что войска и резервы в этом крае могли свободно и безостановочно передвигаться «во все стороны, где нужда того требует». По распоряжению тех же начальников, «отчасти в наказание, но еще более в пользу», жители Табасарани и Кайтага строили «удобопроходимыя дороги на все труднейшия места», чем должна была «устраниться не только

охота, но и возможность... жителям этих двух провинций, возмущаться» по собственной воле или по принуждению «неприятельских партий» (1, с. 889).

Участие в дорожных работах и устройстве сопутствующей инфраструктуры (мосты, почтовые станции и т.д.) приносило северокавказцам и определенный доход. Воронцов отмечал, что «... нужда в сообщениях заставляет иногда делать довольно значительные наряды рабочих из жителей; но они чувствуют собственную свою пользу в устройстве и улучшении сообщений» (1, с. 861). Так, в 1847 г. при разработке дороги через Гудамакарское ущелье (от селения Цхинвал на границы Карталинии до станции Ардон на Кабардинской плоскости) в 137 верст, наравне с военными, за плату работали осетины и жители Горийского уезда. При этом только на разработку 25 верст дороги было потрачено 24 тыс. руб. сер. Ранее, при осмотре офицерами маршрута будущего пути, местные жители «особенно северной покатости гор, не только не препятствовали изысканиям, но даже сами просили об открытии дороги» (1, с. 859; 17, с. 192–193). В 1847–1848 гг. дорога, которая строилась по Лезгинской линии (от Тюнета в Кахетию и к Тифлису), была разработана большей частью пшавами и тушинами, «занятыми защитой своих жилищ против нападения горцев» и употребленными «за незначительную плату». Плата составляла до 10 коп. в сутки каждому и за пароволовую подводку 40 коп. серебром. По распоряжению князя, заработанные жителями деньги раздавались им самим на руки еженедельно, а не отпускались для раздачи другим лицам. При этом местные жители «охотно и с усердием занимались сим делом, видя очевидную для себя пользу в прямом сообщении с Тифлисом, где они могут находить верный сбыт своим произведениям» (1, с. 861).

В 1848 г. дворянин Мурза Лолуа «за поставку 1330 штук дубовых бревен для устройства мостов на реках Гамиз и Очемчир за каждую штуку получил по 3 руб. 20 коп. серебром», а «для удовлетворения абхазцев за расчистку упомянутой дороги» вознаграждение составило 1807 руб. 57 коп. В декабре того же года абхазами было заготовлено еще 900 бревен на сумму 7136 руб.

серебром (7, л. 296). Вместе с обустройством дорог туземцы получали возможность свободной реализации продуктов собственного производства в обмен на другие товары, которые ранее добывались силой оружия и грабежом (8, с. 258; 10, с. 589).

Прокладка дорог на Кавказе способствовала открытию и разработке в крае месторождений полезных ископаемых (уголь, торф и др.). Так, в 1849 г. торф был открыт в 8 верстах от Ставрополя. Залежи торфа, который служил для варения пищи «военных команд, употребляемых по этим дорогам», обнаружили близ Военно-Грузинской и вновь разрабатываемой дороги по Гудамакарскому ущелью. Добыча торфа велась и в Дагестане, что доставляло «большую пользу находящимся там войскам» (1, с. 896).

В 1850 г. в 5 верстах от г. Ахалциха были открыты залежи каменного угля. Богатые пласты каменного угля были обнаружены и в 12 верстах от Кумыха, около деревни Улучур (Дагестан). В отношении последнего месторождения М.С. Воронцов писал: «Будучи почти на дороге нашей, когда мы шли сюда, я остановился там с большою частью отряда на три дня. Мы нашли уголь не в одном, а в десяти местах, а как в рабочих не было недостатка, то и успели добыть тогда же несколько сот пудов и тут же начали пробовать и употреблять его в земляных печах». То же было сделано и около селения Цудахар, куда местные жители свозили уголь со всех сторон, получая за каждый вьюк «по полтине» (16, с. 331). Здесь же солдаты и жители познакомились с его употреблением.

Уголь «самого превосходного качества» был найден и в 60 верстах от г. Дербента. Чтобы воспользоваться этим «новым источником хорошего топлива», Воронцов распорядился заинтересовать «обитателей ущелья Гянасырга, в коем находится каменный уголь, покупкою у них онаго». Как показала практика, эта мера была успешной, так что «Гянасыргинцы, не бывшие до сих пор в торговых сношениях с нами, охотно принялись за разработку каменного угля». По договоренности с дербентским губернатором горцы установили цену на уголь за добычу по 15 коп. и за доставку в Дербент

по 10 коп. с пуда, доставив в Дербент до 1 января 1850 г. более 7 т. угля. Воронцов полагал, что «промышленность эта получит еще более развития, в особенности, когда, после примеров прошлого года жители этой местности сделались гораздо покорнее и миролюбивее» (1, с. 896).

Дорога устраивалась и от Владикавказа по Садоискому ущелью до месторождения серебра и свинца (на расстояние 35 верст), где в 1850 г. Николай I приказал около аула Салугардап приступить к постройке Оллагирского серебряно-свинцового завода (1, с. 888).

Таким образом, в 1840 – 50-е гг. с назначением в качестве наместника на Кавказе князя М.С. Воронцова произошло смещение приоритетов в оценке мер, необходимых для прочной интеграции региона в состав Российской империи. Важным шагом, который должен был умиротворить край и обеспечить его последующее развитие, стал ремонт старых и устройство новых путей сообщения. Эта мера была призвана ускорить покорение немирных горцев, способствовать развитию местной торговли, промышленности и мирных контактов с местным населением.

Удобные пути сообщения пересекли не только весь Северный Кавказ, но и связали его с южнороссийскими губерниями и Закавказьем. При проведении работ во внимание брался отечественный (генералы А.П. Ермолов, А.А. Вельяминов) и зарубежный (маршал Виллар) опыт устройства коммуникаций в труднодоступной местности. Наравне с российскими военными в дорожных работах на различных основаниях (в качестве повинности, добровольно, за плату) участвовали и местные жители. Строительство дорог способствовало открытию и разработке в крае месторождений полезных ископаемых (уголь, торф, серебро, свинец и т.д.), развитию торговли и появлению новых промышленных предприятий.

Примечания

1. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. X. – Тифлис, 1885.
2. Берже А.П. Чечня и чеченцы. – Грозный, 1991.

3. См.: Пылков О.С. Роль российской армии в строительстве дорог на Северном Кавказе // “История и культура народов Северного Кавказа”. Вып. 3. – Пятигорск, 2005. – С. 90-99; Его же. О сооружении мостов и переправ на Северном Кавказе в первой половине XIX века // История и обществознание: Научный и учебно-методический ежегодник исторического факультета АГПУ. Выпуск V. / Главный редактор А.А. Панарин. - Армавир, 2007. – С. 9–11; Его же. О сооружении дорог и мостов на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Спецвыпуск. Актуальные проблемы исторических исследований. 2007. – С. 26–29.
4. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М., 1998
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. 252, Оп. 2, Д. 600.
6. ГАКК Ф. 252. Оп. 1. Д. 2084.
7. ГАКК Ф. 260. Оп. 1. Д. 480.
8. Исторический обзор Ставрополя, Терека и Кубани. – М., 2008.
9. Кавказ в сердце России: На вопросы современности ответы ищем в истории. – М., 2000.
10. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
11. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. – Пятигорск, 2009.
12. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля / Сб. док. – М., 2005.
13. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2003.
14. Рекалов И. 83-й пехотный Самурский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии. 1845—1881 года. - Ставрополь, 1911.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 13454. Оп. 3. Д. 185.
16. Удовик В.А. «Воронцов». – М., 2004.
17. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000.

18. Янжул М.А. Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады 1806—1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. – Тифлис, 1886.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.Н. Великая, С.Л. Дударев, А.Л. Пелих

РОССИЙСКОСТЬ И ЕВРАЗИЙСТВО (к формулированию основ концепции)

В обосновании единства Российской империи долгое время господствовала евразийская теория. Евразийству посвящен широкий спектр работ, рассматривающих различные стороны этой концепции – исторические, философские, политические (см., напр.: Самохин, 2004; Кинева, 2009; Лушников, 2009). Соответственно, и взглядов на евразийство множество: его определяли как идейно-политическое и философское течение в российской эмиграции, как морфологический комплекс идей и интеллектуальное движение, как литературно-философское течение, как социально-философскую концепцию и т.д. Сами основоположники классического евразийства писали так: «Евразия – особый географический и культурный мир. Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого его субъекта как симфонической личности» (Цит. по: Очирова, 1994, с.47). Таким образом, для евразийцев, начиная с П.Н. Савицкого, Евразия – это особая часть Старого Света наряду с Европой и Азией. И ассоциируется Евразия – «срединный материк» - с Россией (Вилента, 1998, с.30-31). Понятие «Евразия» в этом более «узком», субконтинентальном значении несет в себе не только географическое, но и многообразное общественно-историческое содержание (Кожин, 2004, с.245).

Один из современных специалистов – А.А. Самохин – вполне справедливо выделяет три основных этапа идейно-политической эволюции евразийства, каждый из которых может быть расчленен на несколько периодов: 1) классическое евразийство или евразийство «первой волны» (1920-1939); 2)

евразийство Л.Н. Гумилева (1956-1989); 3) современные евразийские течения (с 1989 года). При этом классическое евразийство в своей исторической идейно-политической эволюции прошло следующие периоды: 1) «славянофильский» (1920-1924); 2) собственно евразийский период (1925-1927); 3) период кризиса (1928-1931); период угасания евразийства (1932-1939) (Самохин, 2004, с.12).

По одному из современных мнений, евразийская идея – это исторически развивающийся комплекс положений, концепций, взглядов, трактующих сущность российской государственности, культуры и цивилизации как единство в многообразии, уникальный социокультурный синтез традиций и интеграции народов Евразии, превращающий Россию в самостоятельный центр силы (Лушников, 2009, с.12).

Как отмечается, главное объяснение популярности евразийства заключается в том, что идея России как самодостаточного целостного культурного мира подсознательно исповедуется большинством населения страны (Самохин, 2004, с.3-4). Именно это позволило появиться на рубеже XX-XXI вв. неоевразийскому течению.

Согласно одному из его основоположников, А.Г. Дугину, неоевразийство имеет несколько направлений, первое (и самое основное и развитое) из которых основывается на идеях П. Савицкого, Г. Вернадского, кн. Н. Трубецкого, а также идеолога русского национал-большевизма Николая Устрялова. Оно сформулировано группой интеллектуалов, объединившихся вокруг газеты «День» (позже «Завтра») и журнала «Элементы». Россия ими видится как ось геополитического «большого пространства», ее этническая миссия однозначно отождествляется с имперостроительством. Тезис национальной идеократии имперского континентального масштаба противопоставляется одновременно и либеральному западничеству, и узкоэтническому национализму. При этом одним из тезисов неоевразийства является идея континентального русско-исламского альянса, обосновываемого традиционным характером русской и исламской цивилизаций, что объединяет их в противостоянии антитрадиционному, светско-прагматическому Западу (Дугин, 1997, с.154-157).

В последние десятилетия Школой проф. В.Б. Виноградова разрабатывается иной подход к **осмыслению** единства народов страны – концепция российскости. «Российскость» как терминологическая условность, как когда-то и евразийство, порой встречает неприятие, вплоть до таких «оригинальных» определений, как «зазеркалье» (П.А. Кузьминов). При этом ссылки делаются преимущественно на то, что нет таких понятий, как «английскость», «немецкость», «французскость» и т.д. И это действительно так, они попросту не сложились. В Европе происходило формирование замкнутых этнонациональных систем с вполне определившимся распределением по тем или иным государственным образованиям. Этнонациональная система русского народа на протяжении многих веков, можно сказать, была изначально открытой, что способствовало приобщению к его «национальному акту», по выражению философа И.А. Ильина, других народов, «самых разных вер и исповеданий». Вместе с тем, по его утверждению, в отличие от государств Европы, в России не происходило подавление и разрушение их самобытности. Несхожесть параметров исторического процесса в России с реальностями Запада была замечена еще в XIX в. К.Н. Леонтьев в 1887 г. сделал вывод о том, что Россию следует «культурно и политически противопоставлять не тому или иному западному государству, а целой Европе в её совокупности». Такое же явление как «европейскость» существует, уходя своими корнями в эпоху Римской империи и империи Карла Великого, и вполне подходит для соответствующей обобщающей классификации.

«Российскость» – это не синоним «русскости». Что в ней связывает разные народы нашей страны, которые, в принципе, разделены между собой этно-конфессиональными отличиями? Это территория, язык (русский), гражданство (державность), сознание общности (россияне)⁴. Эти признаки на более «низком уровне» подкрепляются давним социальным партнерством, культурным

---

⁴ «Никогда не разлучно со мною чувство, что я россиянин» (А.П. Ермолов).

синтезом, межэтническими браками, многовековым опытом связей и совместного проживания.

Российскость складывалась на протяжении ряда столетий, «естественным путем», стихийно, в эпоху, когда не было «измов». Она не является некоей идеологией. В то же время, после 1917 г. она стала подосновой для «советскости», в рамках которой ключевым интегрирующим элементом стали марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм, которые совместились с опытом толерантности и сотрудничества, шедшим из российскости, но в узкоклассовом аспекте – на уровне масс трудящихся (одновременно с широтой масштаба этого уровня!). Казалось бы, после ухода идеологии марксизма в историческую тень, бывшая советская Россия должна была распасться. Но именно российскость удержала страну от гибели. И это неоспоримый исторический факт. Он указывает на реальность существования той формы общественной (общественно-исторической) связи, которой, по сути, и является российскость.

В то же время, отрицая синонимичность «российскости» и «русскости», мы отмечаем в той и другой дефиниции корень «росс», что с неизбежностью подтверждает ключевой интегрирующий характер именно русских в системе общественно-исторических и прочих связей внутри североевразийского геополитического пространства. Ведь если их (русских) не станет, а место таковых займут, скажем, китайцы, то новая общественно-историческая система со временем получит название «китайскости» (или чего-то подобного). Таким образом, важнейшей государственной задачей на сегодняшний день является особое сбережение народа с которым связано понятие российскости, ибо хорошо известны те острокризисные явления, которые имеют место в отношении русских, как этноса (разобщенность, вымирание, утрата идентичности) (Дискуссии на эту тему см.: Проблемы формирования общероссийской идентичности..., 2008).

Евразийство и российскость – это не взаимоисключающие противоположности, а вариации в формировании основ континентальной

государственности, или, по более концентрированному определению Ю.А. Жданова, «государства-континента». «Евразийство» отличается от «российскости» прежде всего менее устойчивым государственно-политическим срастанием. В этой вариации определяющую роль играют геокультурные реальности, но вместе с тем сохраняются зоны двойственного тяготения к цивилизациям Запада и Востока (Империи Александра Македонского, Византии, Чингиз-хана, Османской империи и т.д.).

Отличительной чертой евразийства, формировавшегося в Российской империи, выступала именно российскость, основанная на установлении равноправного (не подавляющего) цивилизационного и государственно-политического синтеза (совместничества). Это способствовало постепенной интеграции не только восточного славянства, но и «инородческого» фактора в единую гражданскую общность и превращению его со всеми сложностями и противоречиями в неотъемлемую составляющую полиэтнонациональной универсалистской палитры.

Главное место в нашей концепции занимает российскость в её северокавказском измерении.

Оценки российско-северокавказских связей не раз претерпевали изменения в отечественной историографии. Но генеральное направление последней, начиная с дореволюционного периода, было связано с показом сложных и многообразных аспектов взаимодействия народов между собой и с российским государством. Определенные зигзаги, вызванные изменениями политической обстановки, неизбежно преодолевались.

Венцом советской историографии стала «История народов Северного Кавказа» (в 2-х томах), опубликованная под редакцией А.Л. Нарочницкого. Здесь, в частности, утверждалось, что «в ходе истории имели место различные стадии, формы и пути установления зависимости и вхождения в состав России или присоединения к ней местных обществ и государственных образований» (История народов..., 1988, с.9). Однако их дальнейшее углубленное изучение с началом реформ конца XX в. было прервано, а многие позитивные наработки

советских историков отброшены. Вновь заявили о себе крайние точки зрения, и даже, по словам Д.И. Олейникова, развернулась «Кавказская война историографий» (см.: Россия., 2001, с.69), которая оказывает влияние не только на развитие исторической науки, но и на современную политическую ситуацию. Значительная часть историков стала рассматривать события на Северном Кавказе, особенно первой половины XIX в., с позиций конфликтологии, воспроизводя вольно или невольно те подходы, которые господствовали в исторической науке в 20-30-е гг. XX в. Образовался замкнутый историографический круг, где уже более 20 лет нет основы для компромисса. Пытаясь преодолеть подобную ситуацию, некоторые исследователи (В.В. Дегоев) предлагали новые подходы. Но они так и не стали основой для примирения сторон.

В этих условиях кавказоведческая Школа В.Б.Виноградова предложила рассматривать историю российско-северокавказских связей с позиций *российскости* с тем, чтобы преодолеть существующие крайности, создать основы для единения в главном. Концепция российскости имеет длительную предысторию. В середине 1960-х гг. в Грозном появились первые научные труды В.Б. Виноградова, посвященные позитивным и весьма действенным русско-кавказским взаимоотношениям на путях длительной интеграции народов. Эта проблематика нашла отражение в работах учеников кавказоведа (Т.С. Магомадовой, Л.М. Хакуловой, С.А. Головановой и др.). Другие представители формирующейся Школы изучали те или иные стороны северокавказской действительности с древнейших времен и до конца дореволюционного периода.

К 70-80-м гг. XX в. был накоплен определенный «идейный багаж», который, по мнению С.Л. Дударева, позволял утверждать, что исторические судьбы многих народов Северного Кавказа переплетены настолько, что невозможно и несправедливо разводить их истоки и историю по «национальным квартирам», а основные ритмы и векторы развития региона

задавались контактами с племенами и народами, жившими севернее Кавказа с энеолита-бронзы и до XX в. включительно (см.: Материалы..., 1994, с.12-13).

В этом контексте разрабатывалась и концепция «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России» (Дударев, 2007, с.32-42). Это была необходимая попытка воззвать ко всему позитивному, что было между Россией, чеченцами и ингушами в историческом прошлом, и поставить имевшийся положительный опыт во главу угла. Впервые акцент был сделан на инициативе самого северокавказского населения, которое было заинтересовано в развитии политических, торгово-экономических и иных связей с Россией. При этом Школа, не замалчивая отрицательные стороны действительности, всегда была против их выпячивания и раздувания. Она оставалась и продолжает оставаться сторонницей взгляда на прогрессивность последствий присоединения народов Северного Кавказа к России.

С началом перестройки в стране началось «переписывание» страниц прошлого. Исторические и иные мифы послужили идеологической основой сепаратизма. Многонациональный коллектив под руководством проф. В.Б. Виноградова пытался этим «теориям» противостоять. Когда расправа над инакомыслием приобрела насильственные формы, и вооруженный мятеж на южных рубежах России стал реальностью, часть «виноградовцев» была вынуждена покинуть свою малую родину и обосноваться в Армавире.

Концепция «добровольного вхождения», ошельмованная на рубеже 80-90-х гг. XX в., тем не менее, не перестала существовать. В русле «добровольности» продолжает развиваться часть дагестанской, ингушской и др. историографий.

Как любая научная концепция, имеющая широкую доказательную базу (что и обеспечивает ей сторонников), концепция «добровольности» имеет и свои минусы, признаваемые ее создателями. Это абсолютизация присяг и договоров с Россией как показателей однозначных стремлений всех народов, однолинейность и показ постоянно нарастающей «пророссийской» ориентации северокавказцев, поиск точных дат включения тех или иных народов в состав

Российского государства, застой в изучении вооруженного противостояния, идеологизированность проблемы русско-кавказского единства (объявление тех или иных концепций «официальными» было характерно для тогдашней отечественной исторической науки, направляемой сверху для решения определенных политических задач), рассмотрение процессов с позиций марксистской формационно-классовой методологии.

Именно невозможность в рамках последней выйти на новые рубежи породила поиск других, более общих, методологических подходов, которые бы не отменяли прежние концепции, а сохраняли их позитивные черты. Отметим, что методология (особенно в условиях современного плюрализма) сознательно выбирается или создается исследователями. Это является необходимым условием дальнейшего плодотворного развития науки. Поскольку готовые «рецепты», главным образом западных исследователей, не могли по тем или иным причинам стать «символом веры», новая методология стала разрабатываться специалистами Школы (В.Б.Виноградов, С.Л.Дударев, Е.И.Нарожный) в начале 90-х гг. уже на Кубани. Частично это отразилось в разработке авторской периодизации всемирной истории.

Объединившая элементы формационной и цивилизационной теорий, новая периодизация всемирной истории, предложенная на кафедре всеобщей истории АГПИ в 1992-1993 гг., нашла понимание у многих исследователей и была опубликована в академическом журнале «Восток» (1995, № 1) (также см.: Основные этапы..., 2009). В основе ее лежит **интеграционный принцип**, формула «от локальности к интеграции». По словам академика И.Д. Ковальченко, «вся история человечества - это растущее общение, взаимосвязь и влияние народов и стран» (Ковальченко, 1995, с.20). Выявленные закономерности и периоды развития всемирной истории были применены к рассмотрению кавказской проблематики: полиэтничная среда региона стала рассматриваться в глобальном историко-культурном контексте.

В частности, эпоха XVI-XIX вв. выделяется как начальный этап объединения народов во всемирном масштабе, в рамках которого находится

место не только российской, но и северокавказской истории. На этом этапе нашей стране принадлежала заметная роль, поскольку в своих границах Россия объединила более 100 народов, вовлекла их во всемирную историю. Российская культура в лице своих «разноплеменных» представителей сыграла огромную роль в создании общемировых материальных и духовных ценностей. В XVI-XIX вв. повсеместно происходило стирание «негосударственных пятен» на карте земного шара, включение более слабых государственных образований в более сильные. История действительно становилась мировой. Центрами достаточно прочных объединений выступили Испания, Португалия, Англия, Франция, Австрия... Северный Кавказ попал в поле притяжения Ирана, Турции, России и в конечном итоге остался в составе последней.

При этом особо нуждается в аргументации характеристика российской империи как **неколониальной, континентальной** державы (см.: статьи В.А. Матвеева, Н.Н. Великой, Ю.Ю. Клычникова и др. в Известиях вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 3; 2005, № 2).

В русле исследования интеграционных процессов на Северном Кавказе в XVIII-XX вв. важен вывод о том, что формирование Российского государства - многовековой и многогранный процесс. Он был достаточно сложным, со своими особенностями, с преобладанием того или иного явления на каждом историческом этапе, с присущими только России характеристиками. Россия не была случайным конгломератом силой загнанных в единые границы народов, а прочным государственным образованием на основе определенной общности экономических, политических и других интересов. В контексте этого положения и рассматривается предложенная концепция *российскости*, которая призвана охарактеризовать разнообразные, плодотворные и гибкие формы взаимодействия и взаимовоздействия в процессе складывания общности России и Кавказа.

У термина «российскость» постепенно складывается собственная историография. Впервые этот термин прозвучал в работе В.Б. Виноградова 1993 г. как синоним тесной сопричастности, «совместничества» (термин XVIII

в.) народов Кавказа и России (Виноградов, 1993, с.26). Он возник и как определенная альтернатива державности, имперскости и евразийскости с одной стороны, и колониализму, экспансии, захватнической политике с другой. С этого времени продолжилась углубленная разработка термина как ядра новой исторической концепции, которая впитала в себя идеи «добровольного вхождения» и новых подходов в освещении складывания полиэтничного российского государства.

В 1994 г. С.Л. Дударев предложил более развернутый вариант понимания российскости как тенденции «к равноправному историческому партнерству народов под эгидой России, как великой евразийской державы, выполняющей интегрирующую роль в социальных, культурных, политических и иных процессах внутри своей этносферы» (см.: Материалы.., с.14). Это определение вызвало понимание и поддержку у многих специалистов. По мнению автора, эта тенденция исходила от демократических элементов России, находилась в постоянном противоборстве с официально-великодержавной линией.

Последнее утверждение вызвало возражения, поскольку оно, по словам краснодарского историка О.В. Матвеева, не совсем точно отражало положение дел на Северном Кавказе в XIX в. В развернувшейся дискуссии Ю.Ю. Клычников высказал обоснованное мнение, согласно которому нельзя приписывать российскость только официальной власти или оппозиционным ей силам (о ходе дискуссии см.: Великая, 2007, с.94-101). Выдвигая собственные проекты по установлению совместничества, которые зачастую противоречили друг другу, они вместе с тем помогали выработать некую линию поведения, которая наиболее соответствовала жизненным реалиям. Создание модели отношений, при которой основной упор делался на мирное сосуществование народов под эгидой России, являлось актуальным с момента складывания полиэтничного государства. Об этом мечтали и над этим работали не только передовые круги российского и местного обществ, но и представители властных структур.

Одной из базовых черт российскости являлось существование множества подходов и мнений на пути к прочной интеграции. По мнению историков Школы, наличие различных доктрин, взглядов, поступков, намерений, действий, оценок (в том числе и оппозиционной логике державных властей), большая разница, огромный разброс подходов в рамках русской национальной идеи неизбежно спланивали не только собственно русских, но и «националов», представляли им право и возможность широкого выбора альтернатив в реализации своего мировоззрения, «примыкания» к разным оттенкам спектра взглядов и действий внутри российской государственности.

Постепенно российскость оформилась в методологический принцип, которым стали руководствоваться представители Школы В.Б. Виноградова при изучении фактов интеграции различных народов в состав России. Уточнялось и само понимание термина. Ныне российскость характеризуется как особая социокультурная, ментальная и т.п. сфера, внутри которой происходили **взаимодействие, взаимовоздействие и синтез** различных этно-культурных элементов при интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей (см.: Основные этапы..., 2009, с.194-195).

В отличие от тех исторических подходов, которые в качестве действующих субъектов на Кавказе рассматривают только Россию или исключительно великие державы, «делившие» Кавказ, парадигма российскости обращает внимание на постоянный диалог, взаимное тяготение народов России и Кавказа, на их взаимодействие и взаимовоздействие, которые на разных этапах исторического развития проявлялись в разных сферах и формах. Уже начало российско-кавказских отношений дает массу примеров взаимной заинтересованности и совместных действий. Так, в XVI-XVII вв. Россия и народы Северного Кавказа выступали как естественные союзники. Кабардинские князья, например, не только получали реальную помощь в борьбе с турецко-крымской экспансией, но и благодаря поддержке Москвы распространили свое влияние на значительную территорию (до устьев Терека).

В то же время кабардинцы помогли России закрепиться на Северном Кавказе, принимали участие практически во всех войнах, которые она вела. Взаимовыгодное партнерство наблюдалось и в более поздние периоды развития российско-северокавказских связей.

Попытки рассматривать историю народов Северного Кавказа только «сквозь прицел» «Кавказской войны», жесткого противопоставления и противостояния с Россией не могут не вызывать возражений, поскольку нельзя подменять военными столкновениями многогранный процесс социально-экономической, политической, административно-судебной, культурной и иной интеграции Северного Кавказа и России (см.: статьи Виноградова В.Б., Великой Н.Н., Виноградова Б.В., Головановой С.А., Дударева С.Л., Кипкеевой З.Б., Клычникова Ю.Ю., Ктиторова С.Н., Ктиторовой О.В., Матвеева В.А., Приймака Ю.В., Пылкова О.С., Серовой М.И., Тютюниной Е.С., Хлудовой Л.Н., Цыбулькиной А.А. и др. в *Вопросах Южнороссийской истории*. Вып. 11-16. М.-Армавир, 2006-2010). При этом каждый из народов региона имел свой опыт взаимодействия с Российским государством и другими народами страны. В свою очередь и методы российской стороны были многообразны и не оставались неизменными на разных этапах. Взаимодействие и взаимовоздействие названных субъектов приводило к появлению новых правовых и управленческих форм, новых принципов организации городской жизни в регионе и мн. др.

Российский проект обустройства окраинных территорий, в том числе и Кавказа, объективно предусматривал поддержание мира в регионе, не уничтожение, а сохранение этнокультурной самобытности народов в условиях усиливающейся модернизации, налаживание всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества отдельных районов между собой и с центром. Для российских окраин также был характерен цивилизационный и государственно-политический синтез. Линия на компромисс доминировала в политике российских властей на Кавказе.

Парадигма российскости позволяет по-новому взглянуть на историю городов региона, которые выступали в качестве важнейших центров экономической, социально-политической и культурной интеграции региона в состав России (см., напр., Гарунова, 2007).

Одним из проявлений российскости следует считать и новую важнейшую составную часть самосознания северокавказцев, приобретение и утверждение которой происходило на основе общей государственности, признания Россией своим Отечеством, выработки общих черт культуры и др. Формирующиеся представления проникали и в другие структурные компоненты самосознания, например, религиозный, тесно взаимодействовали с ним. Изучение духовной составляющей процесса интеграции Кавказа и России позволило поставить вопрос о российском мусульманстве в регионе, которое отличалось лояльностью к российской государственности, толерантностью к другим конфессиям, большим миротворческим и патриотическим потенциалом.

Проявление российскости видится исследователям в многообразных формах сотрудничества и добрососедства, формирующихся на Северном Кавказе с XVI в. А появление в регионе многочисленных новшеств, особенно в XIX в. (от почтовой связи до медицинских, образовательных, торгово-промышленных заведений), «приживание» их на местной почве рассматривается как результат тесного взаимодействия российско-кавказской администрации и северокавказской религиозной и светской общественности.

Очевидно, что соотношение факторов солидаризации и конфронтации на разных этапах было различно и зависело как от политики правительства, так и от соотношения «доброжелательной» («мирной») и «противной» («немирной») партий на Северном Кавказе, от различных интересов верхов и низов и их внешнеполитических пристрастий и др. Однако тенденция к установлению мирных, «приятельных», отношений с Россией существовала постоянно (см.: Современные аспекты..., 2009; Российский Северный Кавказ..., 2009). При этом многогранные непосредственные связи между народами зачастую опережали государственную политику и подчас играли более значимую роль. В этой связи

пристального внимания заслуживает роль казачества в регионе как постоянного «транслятора» российских и северокавказских культурных традиций.

Все больше конкретных подтверждений находит вывод современных исследователей о том, что, начиная с XVI в., Московская Русь, Россия, Российская империя никогда не вступала в военные акции на Кавказе без участия и поддержки местных союзников и верных пророссийскому выбору кавказцев. В этой связи особо подчеркнем роль миграций («мухаджирства» в пределы империи) в процессе единения России и Кавказа, которые уже в дореволюционный период привели к образованию многочисленных внутренних диаспор, внесших свой вклад в интеграционные процессы.

В русле российскости рассматривается деятельность многих представителей русского (Г. Гагарин, Ф. Щербина, Н. Слепцов и др.) и северокавказского (М.-Г. Лоов, У. Лаудаев, Ш. Ногмов, Хан-Гирей и др.) населения региона. Их служение России и своим народам заслуживает того, чтобы эти имена не были подвергнуты забвению и шельмованию. Просветители-горцы несли своим народам знание русской культуры и одновременно помогали русским постичь глубины своеобразной и достойной внимания культуры автохтонного населения Кавказа. С позиций российскости находит объяснение и творческое наследие писателей и поэтов России, писавших о Кавказе. Они смогли посмотреть на происходящее глазами и россиян, и кавказцев.

Российскость находит точки соприкосновения и с теорией модернизации. Именно политика Российского государства на Кавказе выступила источником исторической динамики горского общества, поскольку внутренних модернизационных импульсов в регионе не существовало. В то же время результат создавался «двусторонними усилиями общества и государства» (Муратова, 2006, с.33-40).

Концепция российскости приобретает все более весомое научное значение. Подход к проблеме межнациональных отношений с позиций российскости предполагает новую формулировку исследовательской тематики, акцент на

интеграционные процессы, которые протекали в политической, социально-экономической, этнокультурной и иных сферах, на анализе диалоговых сторон взаимодействия народов и их результатов. По мнению ставропольского историка З.Б. Кипкеевой, парадигма российскости поможет объединить усилия историков всех народов нашей страны (см.: Кавказоведческая школа..., 2002, с. 37-38).

Одновременно, наряду с понятием «российскость», Кавказоведческой Школой В.Б. Виноградова используется и термин «совместничество». В недавней работе В.Б. Виноградова и соавторов отмечается: «Его («совместничества» - *Авт.*) объединительное значение неоспоримо, что и отражено в многочисленных современных толковых и синонимических словарях русского языка П. Ушакова, С. Ожегова, З. Александровой и др. «Совместиться» - это значит действовать вместе, соединенными усилиями, сообща, заодно и т.п. В сегодняшнем историческом кавказоведении понятие «совместничество» часто используется как отражение главного консолидирующего смысла «российскости», что, по сути, совершенно справедливо. Но, полагаем, следует считаться и с тем, что в наиболее ранних толковых словарях великорусского языка в исключительно широком спектре производных слов от «совмещать, совместить что с чем, вмещать, или помещать вместе в одном общем объеме или вместилище» есть и такое определение: «совместник, -ница, соперник, соревнователь, состязатель, соискатель» и даже «противник, спорящий с кем-либо, за обладание чем, или для достижения чего, оспаривающий первенство, добивающийся одного и того же, что и другой». Термин «совместничество» применяет в своей повести («Аммалат-бек» - *Авт.*) и А.А. Марлинский, вкладывая его в уста Султан-Ахмет-хана при оценке характера отношений между ним и кумыкским беком. Тут он более всего обозначает близость, подельничество в стремлении к достижению сходных, но отнюдь не идентичных и не бесконфликтных целей, что дается с немалым трудом» (Виноградов, Люфт, Чарыкова, 2009, с.30).

Комментируя это рассуждение, один из авторов данной статьи указывает: «Как все это подходит к тем или иным сторонам характеристик образов горцев и русских, продемонстрированных выше, в восприятии друг друга! Это были и есть дружба-соперничество, состязательность, взаимодействие и взаимовоздействие, перманентно связанные как с приятностью, так и конфликтностью, взаимным узнаванием друг друга, взаимным притяжением и, порой, взаимным отталкиванием. Эта сложная диалектика пронизывает всю историю взаимоотношений русских и кавказцев и наоборот. Но не нужно этого бояться! При всей своей несхожести и нередко критическом взгляде друг на друга русские и кавказцы есть исторические партнеры, которые связаны общей судьбой. Они живут, как верно выразился А.А. Цуциев по отношению к мнениям наиболее дальновидных и мудрых кавказцев, в государстве **исторического соучастия** (по сути, это калька с совместничества!). Они *россияне* (другого термина пока никто не придумал)» (Дударев, 2009, с.195-196). Правы те исследователи, которые пишут: «Центр и периферия прошли путь побед и поражений вместе. Совместное развитие народов выработало богатый положительный опыт, который заслуживает уважения и изучения. Плоды именно этой тенденции питают наше общество и поныне, не давая ему скатиться в пучину этнического противостояния» (см.: Великая, 2007, с.100). «Разве можно ничтоже сумняшеся отринуть все то ценное, положительное, *что веками связывает* русских и кавказцев? Разумеется, совместничество, как соучастие, сотрудничество, но и как соперничество, состязание и т.п. **налагает на обе стороны большие обязательства.** Они заключаются в терпимости, толерантности, внимательности друг к другу, понимании обычаев и традиций, особенностей, в конце концов, несовершенства и недостатков друг друга (как говорит народная мудрость, понять – это наполовину простить!). Одновременно обе стороны (в том числе, русская) должны сохранять (или выработать!) свою собственную сплоченность, ясное осознание своей особенности и уважение к ней, стремиться возрождать и развивать свои лучшие национальные традиции, одновременно

воспитывать и развивать в своих сообществах понимание общих и частных целей и задач, и стремиться достигать их в сотрудничестве-соперничестве цивилизованными методами. Если одна из сторон будет безучастна к своему будущему и своему повседневному культурно-историческому лицу, то гармонии и общих перспектив у сторон сложиться не сможет (Дударев, 2009, с.195-196).

Заслуживает рассмотрения общественно-политический резонанс российскости, призванной избавить современников от ряда комплексов (потомки победителей и побежденных, угнетателей и угнетенных и т.п.), негативно отражающихся на морально-психологическом климате в отдельных районах Северного Кавказа, соотношении в них центробежных и центростремительных сил.

По мнению Л.И. Кузеванова, «российскость» имеет комплексное значение и может войти в систему понятий ряда наук и, прежде всего, российской педагогики (Кузеванов, 1996, с.5-6).

Концепция российскости в условиях распада и постепенного воссоединения единого регионального историографического пространства призвана объединить исследовательские усилия, ввести их в конструктивное русло. Растущее число сторонников этой концепции из различных регионов страны (Москва, Краснодарский, Ставропольский края, Ростовская область, Адыгея, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и др.) подтверждает данный вывод. Выработка теории, которая была бы, с одной стороны, «золотой серединой» и помогла избежать крайностей, а с другой, продолжила непрерывное и преемственное развитие отечественной науки (дореволюционного, советского и современного периодов), не должна прекратиться и в дальнейшем. Новые страницы истории народов Северного Кавказа должны стать результатом творческого научного сотрудничества специалистов всех краев, областей, республик, а также ученых центральных академических учреждений страны.

Примечания

1. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. № 45. – Ростов н/Д., 2007.
2. Виноградов В.Б., Люфт Е.Г., Чарыкова Ю.Е. Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». – Москва-Армавир, 2009.
3. Вилента И.В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вестник МГУ. Сер.8, История. 1998, №1.
4. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993.
5. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической экономической и культурной интеграции. Махачкала. 2007.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики. – М.: Арктогея, 1997.
7. Дударев С.Л. В.Б. Виноградов и судьба концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (рассуждения ученика и современника) // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 13. М.-Армавир, 2007.
8. Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества//Вопросы южнороссийской истории. Вып.15. – Москва-Армавир, 2009.
9. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.: Наука, 1988.
10. Кавказоведческая школа В.Б.Виноградова: становление, современность, перспективы. Армавир, 2002.
11. Кинева Т.С. Евразийство в современном идейно-политическом пространстве России: Автореф. дисс... канд. полит. наук. М., 2009.
12. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история, 1995, № 1.

- 13.Кожин В.В. О русском национальном сознании. – М., 2004.
- 14.Кузеванов Л.И. Неклассическая концепция истории // Российский исторический журнал, 1996, № 3(11).
- 15.Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность: Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Ижевск, 2009.
- 16.Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности Школы академика В.Б. Виноградова. Армавир, 1994.
- 17.Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): Автореф. дисс... д.и.н. Нальчик, 2006.
- 18.Основные этапы всемирной истории / Под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. Армавир, 2009.
- 19.Очирова Т.Н. Геополитические концепции евразийства // Общественные науки и современность, 1994, №1.
- 20.Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость//Материалы Международной научной конференции. Иваново-Плёт, 2008.
- 21.Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы. М.-Армавир, 2009.
- 22.Россия и Кавказ через два столетия. СПб., 2001.
- 23.Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века: Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 2004.
- 24.Современные аспекты российского кавказоведения (мозаика новейших статей и материалов). Вып. 2. М.-Армавир, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Великая Наталья Николаевна - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России АГПУ, академик Международной академии наук.

Виноградов Виталий Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и региональной истории Армавирского государственного педагогического университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, академик Международной академии наук, Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа.

Виноградов Борис Витальевич – доктор исторических наук, профессор, зав. лабораторией Славянского государственного педагогического института, академик Международной академии наук.

Голованова Светлана Александровна - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России АГПУ, академик Международной академии наук.

Дударев Сергей Леонидович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории АГПУ, Заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа.

Жиляев Даниил Вячеславович - администрация муниципального образования Успенский район, начальник юридического отдела.

Казачкова Анна Юрьевна – лаборант кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ, студентка 4 курса исторического факультета.

Ктиторов Сергей Николаевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ.

Оспищева Мария Васильевна - аспирант кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ.

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ.

Письменная Татьяна Геннадиевна – аспирант кафедры истории России АГПУ.

Пылков Олег Сергеевич – к.и.н., старший преподаватель кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ.

Хлудова Людмила Николаевна – к.и.н., старший преподаватель кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ.

Цыбульникова Анастасия Александровна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ, директор музея АГПУ.

Чарыкова Юлия- студентка 3 курса исторического факультета АГПУ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....

Материалы семинара № 14

Доклады

Великая Н.Н. Северокавказские реалии 30-х гг. XIX в. в воспоминаниях Ф.Ф. Торнау.....

Голованова С.А. Теория фронта и проблемы изучения южных границ России (к постановке проблемы).....

Письменная Т.Г. К вопросу о бегстве староверов в Закубанье в 30-е гг. XIX в. ..

С.Л. Дударев. О современных конфликтных точках на Северном Кавказе в евразийском контексте.....

Информации

Пелих А.Л. О финансируемых из внешних источников научно-исследовательских проектах кафедры всеобщей и региональной истории и ее предшественниц, кафедр РСИД и всеобщей истории, в 2005-2009 гг. ....

Ктиторов С.Н. Издательская деятельность Кавказоведческой Школы.....

Хлудова Л.Н. Конференции и научно-педагогические семинары Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова (2005-2009 гг.).....

Цыбульникова А.А. Развитие музея в АГПУ.....

Казачкова А.Ю., Оспищева М.В. Работа коллектива Кавказоведческой Школы

В.Б. Виноградова со студентами.....

Чарыкова Ю.Е. Быть исторически образованным – перспективно.....

Материалы семинара № 14

Виноградов В.Б. Парадигма «российскости» в контексте обрамляющих идей (вводная).....

Голованова С.А. Современная модернизация терминов «колониализм» и «колонизация» применительно к политике России на Северном Кавказе...

Великая Н.Н. Оптимизм и пессимизм русской колонизации Северного Кавказа в первой половине XIX в. ....

Ктиторов С.Н. Воронцовский Кавказ в объективе исторических исследований...

- Дударев С.Л. Утомленный Кавказом (о книге С.С. Лазаряна «Воронцовский Кавказ. Исторические очерки»).....
- Цыбулькинова А.А. Российский Кавказ – явление органической несовместимости или единый организм: взгляд через призму монографии С.С. Лазаряна.....
- Жиляев Д.В. К обсуждению монографии С.С. Лазаряна «Воронцовский Кавказ. Исторические очерки».....
- Виноградов Б.В. К оценке характера и перспектив российско-кавказского взаимодействия в монографии С.С. Лазаряна.....
- Пылков О.С. «Следует идти по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими » (О строительстве дорожно-транспортной сети на Кавказе при наместнике князе М.С. Воронцове).....

Приложение

- Н.Н. Великая, С.Л. Дударев, А.Л. Пелих. Российскость и евразийство (к формулированию основ концепции).....

Международная академия наук
Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры
образования Кавказа
Кубанское отделение «Русского исторического общества»
Армавирский государственный педагогический университет
Кафедра всеобщей и региональной истории

ЛИКИ РОССИЙСКОСТИ

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
СЕМИНАРОВ
КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В.Б.ВИНОГРАДОВА.
2009-2010 гг.**

(Семинары №№ 14 и 15)

Под редакцией
д.и.н., проф. С.Л. Дударева